

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2024

Том 24

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS

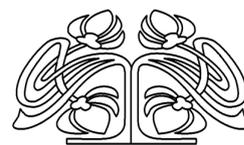
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

Издаётся с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Герман А. А.** Конституционный процесс в Республике немцев Поволжья в 1920–1930-е гг.: содержание и сущность 4
- Морозов Т. С.** Боевое снаряжение Южнорусской организации «Народной воли» в 1885–1886 годы 9
- Кудрявцев В. Ю.** Ленинград в структуре научно-технического сотрудничества Советского Союза и Социалистической Республики Вьетнам в 1976–1983 годы 17
- Малышева Е. М.** Феномен коллаборационизма на оккупированных нацистской Германией территориях СССР (1941–1944 гг.): точки зрения и оценки в историографии 24

Всеобщая история

- Галямичев А. Н.** Анна Богемская – королева Англии 34
- Нуждин О. И.** Дофин Людовик и Парижский университет: попытка перехвата власти во Франции в апреле – мае 1413 года 40
- Бельцер А. А.** Военный гарнизон и городская община Берика-на-Твиде по уставам Генриха VIII и Елизаветы Тюдор 49
- Третьякова М. В.** Города Англии середины XVI века в Relazioni венецианских послов 53
- Шипицына Ю. С.** Стратегии самопрезентации английских ученых в XVII–XVIII веках 59
- Яблонская О. В.** Британские миссии зенаны XIX века и их проекты освобождения индийских женщин 65

Международные отношения

- Трусова М. А.** Эволюция представлений западных держав о германо-советских отношениях в 1918–1924 годы 73
- Косов А. П.** Американский вектор внешней политики России в период первого президентства Б. Н. Ельцина 80
- Мамедов Р. Ш.** Восточное Средиземноморье и сирийский вопрос во внешнеполитических приоритетах России и США 88
- Дроздов Д. С.** Санкционная политика США в отношении КНДР (1948–2020 гг.) 98

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Воевода Саратова стольник Данила Варфоломеевич Хитрово (1659–1660) 102
- Батиев Л. В.** «Смотрители» в системе самоуправления Нахичеванской армянской колонии на Дону (1779–1870 годы) 114
- Роднов М. И.** Экономические связи Саратова и Уфы на рубеже XIX–XX вв. (лесная торговля) 123
- Аганов А. А.** Создание и деятельность трудового коллектива на правах артели «Община» при Таганрогском Институте научной организации производства (по материалам таганрогского филиала ГАРО) 128

Критика и библиография

Представляем книгу

- Креленко Н. С.** Место Сэмюэля Джонсона в духовной жизни британского общества второй половины XVIII века 135

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77–76642 от 26 августа 2019 года Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальность: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7). Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.03.2024.

Подписано в свет 29.03.2024.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16.3 (17.5).

Тираж 100 экз. Заказ 10-Т

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurlhor ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurlhor ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;
– оптимальный объем 300–500 знаков;
– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: imo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- German A. A.** The constitutional process in the Republic of Volga Germans in the 1920s – 1930s: Content and essence 4
- Morozov T. S.** Combat equipment of the South Russian Organization of “People’s Will” in 1885–1886 9
- Kudryavtsev V. Yu.** Leningrad in the structure of scientific and technical cooperation between the Soviet Union and the Socialist Republic of Vietnam in 1976–1983 17
- Malysheva E. M.** The phenomenon of collaborationism in the territories of the USSR occupied by Nazi Germany (1941–1944): Points of view and assessment in historiography 24

World History

- Galyamichev A. N.** Anne of Bohemia – Queen of England 34
- Nuzhdin O. I.** Dauphin Louis and the University of Paris: An attempt to seize power in France in April – May 1413 40
- Beltser A. A.** Garrison and the town community of Berwick-upon-Tweed on the orders of Henry VIII and Elizabeth Tudor 49
- Tretyakova M. V.** Cities of England in the middle of the XVI century in the Relazioni of the Venetian ambassadors 53
- Shipitsyna Yu. S.** Self-presentation strategies of English scientists in the 17–18th centuries 59
- Yablonskaya O. V.** British Zenana missions of the XIX century and their projects for the liberation of Indian women 65

International Relations

- Trusova M. A.** The evolution of Western Powers’ perceptions of the Soviet-German relations in 1918–1924 73
- Kosov A. P.** The American vector of Russia’s foreign policy in the period of Boris Yeltsin’s first presidency 80
- Mamedov R. Sh.** Eastern Mediterranean and the Syrian issue in the foreign policy priorities of Russia and the United States 88
- Drozov D. S.** The U. S. Sanctions Policy towards the DPRK (1948–2020) 98

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** The Governor of Saratov stolnik Danila Varfolomeevich Khitrovo (1659–1660) 102
- Batiev L. V.** “Caretakers” in the system of self-government of the Nakhichevan Armenian colony on the Don (1779–1870) 114
- Rodnov M. I.** Economic relations between Saratov and Ufa at the turn of the XIX–XX centuries (forest bargaining) 123
- Aganov A. A.** Creation and activity of the labor collective on the rights of the artel “Community” at the Taganrog Institute for the Scientific Organization of Production (Based on the Taganrog Branch of the GARO) 128

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Krelenko N. S.** The place of Samuel Johnson in the spiritual life of British society in the second half of the 18th century 135

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник

(Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

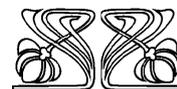
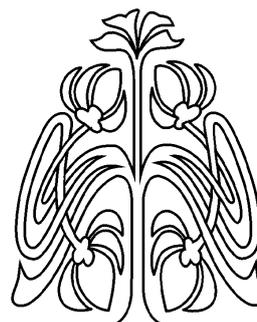
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

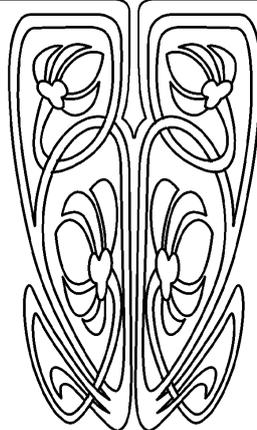
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–8

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 4–8
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-4-8>, EDN: OYPMKO

Научная статья
УДК 342.4(470.44/.47)|191/192| (=112.2)

Конституционный процесс в Республике немцев Поволжья в 1920–1930-е гг.: содержание и сущность

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>, AuthorID: 296863

Аннотация. В статье рассматривается конституционная политика Советского государства в отношении существовавшей в 1924–1941 гг. в составе РСФСР автономной республики немцев Поволжья, представленная как составная часть общей национально-государственной политики в отношении национальных меньшинств, которым большевистской властью была предоставлена определенная форма государственности. Дается характеристика двух конституций Немреспублики – 1926 и 1937 гг. – как октроированных, т. е. пожалованных сверху и потому содержавших самостоятельности столько, сколько позволялось центром. Описывается политика государства, связанная с реализацией содержания этих конституций. Принцип октроизма унифицировал и строго регламентировал национальную жизнь, отводя ей достаточно ограниченное место и позволяя таким образом власти быстро осуществить процесс интеграции народов в новую общественно-политическую систему.

Ключевые слова: конституция, АССР немцев Поволжья, Немреспублика, АССР НП, Конституция АССР НП 1926 г., Конституция АССР НП 1937 г., автономия, национальная политика, принцип октроизма

Для цитирования: Герман А. А. Конституционный процесс в Республике немцев Поволжья в 1920–1930-е гг.: содержание и сущность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–8. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-4-8>, EDN: OYPMKO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The constitutional process in the Republic of Volga Germans in the 1920s – 1930s: Content and essence

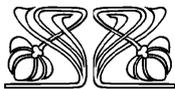
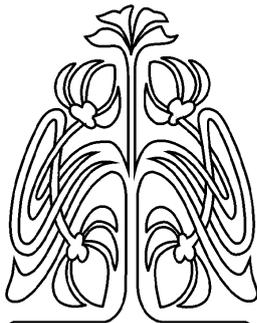
A. A. German

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

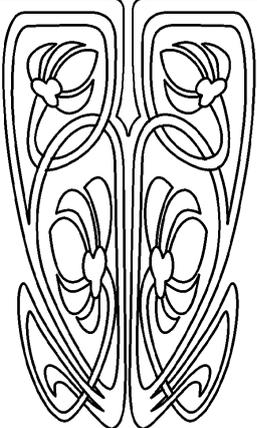
Arkadiy A. German, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>, AuthorID: 296863

Abstract. The article examines the constitutional policy of the Soviet state in relation to the autonomous republic of Volga Germans that existed in 1924–1941 as part of the RSFSR, shows this policy as an integral part of the general national-state policy towards national minorities, to whom the Bolshevik government was granted a certain form of statehood. The characteristic of the two constitutions of the Non-Republic of 1926 and 1937 is given – as octroated, i.e. granted from above

© Герман А. А., 2024

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

and therefore contained as much independence as allowed by the center. The state policy related to the implementation of the content of these constitutions is described.

The principle of octroism unified and strictly regulated national life, giving it a rather limited place and thus allowing the authorities to quickly implement the process of integrating peoples into a new socio-political system.

Keywords: constitution, ASSR of Volga Germans, Germansrepublic, WG ASSR, Constitution of WG ASSR NP 1926, Constitution of WG ASSR 1937, autonomy, national policy, principle of octroism

For citation: German A. A. The constitutional process in the Republic of Volga Germans in the 1920s – 1930s: Content and essence. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 4–8 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-4-8>, EDN: OYPMKO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодня вряд ли найдутся профессиональные исследователи, которые будут отрицать факт противоречивости национальной политики Коммунистической партии СССР в период ее нахождения у власти. В частности, провозглашая принцип «свободного самоопределения наций» вплоть до отделения и выхода их из Советского Союза, коммунистическое руководство страны одновременно руководствовалось установкой на постепенное исчезновение национальных различий, поскольку считало их главным препятствием на пути к коммунистическому универсальному единообразию.

Противоречия в теории неизбежно вели к неразберихе, путанице, непоследовательности в практической национальной политике. Одной из иллюстраций к сказанному может служить вопрос постановки и разрешения конституционного вопроса в Республике немцев Поволжья. Конституцию начали готовить тотчас же после провозглашения Республики немцев Поволжья на санкционированном Политбюро ЦК РКП (б) I съезде Советов немецкой автономии. С предварительного согласия Центра подготовленный проект Конституции АССР НП предполагалось вынести на обсуждение и утверждение II съезда Советов Немреспублики (январь 1925 г.) [1, с. 57].

Однако уже после начала работы съезда и утверждения его повестки, в которой был и вопрос о принятии Конституции Республики немцев Поволжья, из Оргбюро ЦК ВКП (б) пришла телеграмма – указание, подписанное В. М. Молотовым, в котором говорилось: «Ввиду происходящей разработки Конституции в Конституционной комиссии ВЦИК... снять проект конституции, разработанный СНК немцев Поволжья, с обсуждения съезда Советов». Представляется, что в основе такого решения центра могло быть две причины: 1) поскольку Конституция РСФСР еще только разрабатывалась, руководство РСФСР не могло допустить, чтобы в какой-либо из частей Советской России конституционный процесс шел быстрее, чем в самой России; 2) на основе конституций СССР и РСФСР предполагалось создать некий унифицированный вариант конституции для автономных образований РСФСР, что позднее и было сделано. Инициатива руководства АССР НП противоречила этим планам, потому и была отвергнута. Вопрос

о принятии Конституции был в срочном порядке исключен из повестки дня съезда [2, л. 3 об.; 3, л. 62; 4, л. 5].

В мае 1925 г. была принята Конституция РСФСР. На ее основе проект Конституции АССР НП был доработан и направлен в Президиум Всероссийского ЦИКа с ходатайством рассмотреть и утвердить его, но центральные власти России затянули этот процесс на многие месяцы. При этом отношения между представителями Немреспублики и центральных российских ведомств резко обострились, поскольку последние пытались существенно ограничить права немецкой автономии на Волге [5, с. 198].

В частности, серьезным камнем преткновения стал вопрос об определенной подконтрольности правительству Республики немцев Поволжья так называемых «общеземельных наркоматов» (наркоматов рабоче-крестьянской инспекции, труда, финансов, внутренней торговли, и др.). На этом настаивало руководство АССР НП. Российское же правительство считало, что все эти наркоматы должны были подчиняться лишь своему руководству в Москве. В специальном заявлении бюро обкома ВКП (б) АССР НП справедливо отмечалось, что навязываемая сверху центром система подчиненности разрушала цельность органов власти автономной республики, не говоря уже о том, что прямо нарушалась ст. 58 Конституции РСФСР [6, л. 156–157].

В результате руководство Немреспублики, считая работу над проектом Основного Закона незаконченной, не включило вопрос о принятии Конституции в повестку очередного III съезда Советов АССР НП (25 января – 1 февраля 1926 г.). Однако в ходе работы съезда центральное руководство страны принудило руководителей Немреспублики внести проект Конституции для обсуждения и принятия на этом съезде, пообещав впоследствии произвести корректировку ряда конституционных положений в пользу Немреспублики. В результате 29 января (пятый день работы съезда) по предложению председателя Совнаркома АССР НП В. Курца дополнительным вопросом в повестку дня был включен вопрос «Об утверждении Конституции АССР НП». Наспех были подготовлены доклад, проекты постановления и декларации по этому вопросу, и 1 февраля перед закрытием съезда

Конституция АССР немцев Поволжья Поволжья была принята [5, с. 200].

В постановлении съезда «окончательное оформление» Конституции Немреспублики возлагалось на ЦИК АССР НП, тем самым руководство Республики немцев Поволжья закрепляло за собой право внесения в текст Конституции определенных корректив. Оно надеялось, что центр все же выполнит ранее данные обещания. Именно эти надежды стали основной причиной того, что после принятия Конституции Немреспублики на III съезде Советов она не была опубликована. Кроме того, согласно ст. 44 Конституции РСФСР она должна была пройти еще утверждение двумя вышестоящими инстанциями: ВЦИКом РСФСР и Всероссийским съездом Советов [7, л. 141–148 об.; 4, л. 5].

В то же время сразу после окончания работы III съезда Советов АССР НП была опубликована и всячески популяризировалась Декларация съезда по поводу принятия Конституции – чисто пропагандистский документ, состоявший из общих фраз высокопарного характера и без обиняков заявлявший, что «государственное устройство, нами завоеванное, является единственным, которое возвысит трудящихся над преградами капитализма и всеми видами эксплуатации на надлежащую социальную и политическую высоту, покончит с национальным неравенством и сделает их единственными распорядителями своей судьбы» [5, с. 200].

В действительности же ничего не изменилось. Принятие Конституции никак не повлияло на предоставление немецкой автономии хотя бы даже отдельных конституционных прав. Ее руководство добивалось, прежде всего, права самостоятельного решения вопросов местного характера. Центр же, легко отказавшись от ранее данных обещаний, стремился монополизировать всю власть в своих руках [8, л. 70, 72–72 об., 218].

Дошедший до нас окончательно «согласованный» проект Конституции АССР НП представляет собой объемный документ, состоящий из 4-х разделов, 15 глав, 27 частей и 314 статей [9, с. 8–136]. Анализ данного проекта позволяет утверждать, что этот «согласованный проект» закрепил политические реалии советского государственного устройства, сложившиеся к тому времени. Они характеризовались жесткой централизацией власти и минимумом самостоятельности на местах. Реально никакой автономии не было, имело место, и то в самом минимуме, лишь местное самоуправление. Важнейшие вопросы политической, социальной, хозяйственной и культурной жизни республики на Волге решались за ее пределами, в центре, а ее руководство должно было лишь исполнять поступающие сверху директивы и указания.

К примеру, из 11 наркоматов и 4 ведомств, создававшихся в АССР НП, ее руководству подчинялось лишь 5 наркоматов и одно ведомство.

Кроме того, республике не подчинялись находившиеся на ее территории органы наркоматов СССР: путей сообщения, почт и телеграфа, военного. Немреспублика не имела права также вести какие-либо иностранные дела и осуществлять внешнюю торговлю [9, с. 82–136].

Едва ли не единственной привилегией Немреспублики, по сравнению с губерниями, было то, что Россия брала на себя обязательство покрывать дефицит местного бюджета Немреспублики; по госбюджету также проводилось содержание ЦИКа, Совнаркома, «объединенных наркоматов и центральных аппаратов необъединенных наркоматов АССР НП» (ст. 30–32, 35). Заслуживает внимания также фиксация в проекте конституции факта равноправия на территории Немреспублики трех языков: немецкого, русского и украинского.

Как и в конституциях СССР и РСФСР, в Конституции АССР НП был внедрен «классовый подход». Его суть проявилась в лишении избирательных прав отдельных категорий граждан (лиц, прибегавших к наемному труду, живших на «нетрудовой» доход, частных торговцев, священнослужителей и др.), а также в неравноправном представительстве на съездах советов рабочих и крестьян (так, на республиканский съезд Советов городские и поселковые Советы, Советы отдельных фабрик и заводов представляли одного делегата от 500 избирателей, кантональные съезды Советов – одного делегата от 5000 жителей, имеющих право голоса [9, с. 88–89].

Дальнейшее развитие событий показало, что Конституция АССР НП 1926 г. так и не стала действующим документом. Об этом очень красноречиво свидетельствует Докладная записка бюро обкома ВКП (б) Немреспублики в Политбюро ЦК ВКП (б) 15 мая 1928 г., т. е. спустя два с лишним года после так называемого принятия Конституции АССР НП. В записке, в частности, говорится: «Обращаем внимание Политбюро, что конституции автономных республик разработаны, почти везде приняты съездами Советов автономных республик, но не утверждены Всероссийским съездом Советов. Конституция АССР НП два раза перерабатывалась нами, была впоследствии комиссией из представителей ведомств (исключительно юристы) почти с анатомической точностью просмотрена, после чего пропускалась через комиссию Отдела Национальностей при Президиуме ВЦИКа (из представителей националов), откуда пошла под обстрел юристов-профессионалов из работников Президиума ВЦИКа СССР и ВЦИК, и только после политического фильтра комиссии тов. Енукидзе (11 человек, почти все наркомы и члены президиума ВЦИКа), в феврале 1926 года без изменений и в редакции этой комиссии была принята нашим съездом Советов. Участь этой полуконституции-полупроекта (ибо она принята

нами, но не утверждена Всероссийским съездом Советов) нам неизвестна. Юристы ли ее должны дальше терзать, канцелярские ли могильщики похоронили ее, не знаем. Думаем, что нынешняя актуальность (вхождение АССР НП в состав Нижне-Волжского края. – А. Г.) должна ускорить ее оформление...» [10, л. 26–27].

Дальнейшие бурные события, связанные с ликвидацией нэпа и переходом к форсированному «наступлению социализма по всему фронту», окончательно сняли конституционный вопрос в АССР НП с повестки дня. Таким образом, разрушается еще один красивый миф сталинской эпохи: о том, что АССР НП в 1920-е гг. имела свою собственную Конституцию. Конституция АССР НП 1926 г. оказалась призраком, фикцией. Население АССР НП не получило даже тех ограниченных прав, которые Конституция провозглашала. С учетом того, что аналогичная ситуация с конституциями сложилась и во всех других автономных республиках РСФСР, можно говорить об этом явлении как о характерной черте практической национальной политики советского руководства в 1920-е гг. [5, с. 204–205].

В середине 1930-х гг. в период быстрого нарастания массовых репрессий и партийного произвола в СССР сталинский режим начал шумную пропагандистскую кампанию по укреплению так называемой «социалистической законности». Объявив о победе социализма, руководство страны закрепило этот факт в новой Конституции СССР, принятой VIII съездом Советов 5 декабря 1936 г. Принятие новой Конституции СССР потребовало разработки и введения в действие новых конституций союзных и автономных республик, поскольку в них также должны быть обозначены нововведения, отражавшие «победу социализма в СССР». Поэтому еще 5 сентября 1936 г. на основании директив Москвы бюро обкома ВКП (б) приняло решение о разработке новой конституции АССР НП. С этой целью была создана комиссия из руководящих партийных и советских деятелей АССР НП (А. Вельш, Г. Люфт, К. Шульмейстер, Н. Анисимов, Ф. Мерц и др.) [1, с. 109].

Лишь после того как 17 марта 1937 г. созданный по жестким меркам свыше проект конституции Немреспублики был утвержден Центральным Комитетом ВКП (б), он был опубликован в газетах «Нахрихтен» и «Большевик» для «всенародного обсуждения». Принятие новой Конституции состоялось 29 апреля 1937 г. X съездом Советов АССР НП и носило характер откровенно парадного спектакля. По своему объему новая Конституция АССР НП оказалась значительно меньше предыдущей Конституции Немреспублики 1926 г., намного проще была и ее структура: 11 глав и 113 статей. В подавляющем их большинстве они копировали соответствующие главы и статьи новых основных законов СССР и РСФСР.

Хорошо известно, сколь формальный, декларативный, оторванный от реальной жизни характер носили «сталинские» конституции 1930-х гг. Не была исключением и Конституция АССР НП. Сделанный вывод убедительно подтверждает ситуация, сложившаяся в Немреспублике в 1937 г., когда все три конституции (СССР, РСФСР и АССР НП) на ее территории уже действовали. В соответствии с этими документами АССР немцев Поволжья выходила из подчинения Саратовскому краю (в составе которого она находилась после раздела в 1934 г. Нижне-Волжского края) и переходила в непосредственное управление центральных органов РСФСР. Саратовский край преобразовывался в область. Однако по решению ЦК ВКП (б) партийная организация республики немцев Поволжья оставалась в подчинении Саратовского обкома ВКП (б) [1, с. 112].

Партийная власть в стране оставалась главной, ей подчинялись государственные органы – Советы. Сложилась нелепая ситуация, когда важнейшие вопросы жизнедеятельности АССР НП решало партийное руководство соседней области, никакого отношения к Немреспублике не имевшее. Высший партийный орган соседней административно-территориальной единицы утверждал кандидатуры на должности наркомов АССР НП, председателей кантональных исполкомов советов, формировал и распределял бюджет Немреспублики и т. п.

Попытки некоторых партийных руководителей АССР НП (А. Вельша, В. Гусева) поставить вопрос о выходе парторганизации республики из состава Саратовской областной организации ВКП (б) в центре были расценены как «националистические проявления», что нашло отражение в постановлении ЦК ВКП (б) от 19 января 1937 г. «О Немобкоме ВКП (б)», стоившем названным лицам их должностей. Потребовалось еще несколько месяцев, чтобы абсурдность сложившейся ситуации стала очевидной и для центральных партийных органов. Но скорее здесь сыграл свою роль другой фактор. Лишь после того, как партийные руководители Саратовской области и Республики немцев Поволжья А. Криницкий и Е. Фрешер в одной «связке» были объявлены «врагами народа» и репрессированы, новое партийное руководство Немреспублики, которое возглавил переведенный из Туркменской ССР партийный функционер Я. Попок, стало подчиняться непосредственно ЦК ВКП (б). Но и после этого ряд крупных промышленных объектов Немреспублики, а также ее связь, торговля, снабжение и т. п. до конца 1937 г., а в некоторых случаях и дольше, находились в подчинении не республиканских наркоматов, а саратовских областных учреждений. Естественно, зависимость от соседней области по многим вопросам жизнедеятельности существенно тормозила нормальное развитие Немреспублики [11, с. 38–39]. Таким было не декларативное, а подлинное лицо

«сталинских» конституций, «сталинской» автономии.

Итак, если первая Конституция АССР НП была конституцией-призраком, никогда не вступившей в силу, то Конституция 1937 г. была реальностью, она официально действовала четыре с лишним года, однако, каких-либо ощутимых позитивных демократических изменений в жизнь населения АССР НП так и не привнесла.

Обе рассмотренные конституции республики немцев Поволжья по своему характеру были октроированными, т. е. пожалованными сверху, дарованными большевистским режимом немцам Поволжья. И потому самостоятельности там было ровно столько, сколько позволялось центром. Если в 1920-е гг. руководство АССР НП могло еще позволить себе полемику с центром, отстаивая автономные права, что свидетельствует о некоторой демократичности в отношениях между центром и местами в тот период, то в середине 1930-х гг. такая полемика была уже невозможна, поскольку жестко пресекалась центральным партийным руководством страны. Октроированные конституции АССР НП, других союзных и автономных республик стали составной частью реализации общего принципа октроизма, избранного большевистским руководством страны для объединения народов вокруг советской власти.

Широкое использование этого принципа позволило сравнительно быстро осуществить процесс интеграции народов в новую общественно-политическую систему. Вместе с тем оно унифицировало и строго регламентировало националь-

ную жизнь, отводя ей весьма ограниченное место. Такова была подлинная, а не формальная роль обеих конституций АССР НП, как и самой ее государственности, в жизни населения Республики немцев Поволжья.

Список литературы

1. Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. : Готика, 2000. 320 с.
2. Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (ГИАНП). Ф. Р-849 : Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ЦИК) АССР НП, г. Энгельс. Оп. 1. Ед. хр. 138.
3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1 : Областной комитет ВКП(б) АССР немцев Поволжья. Оп. 1. Ед. хр. 681.
4. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 776.
5. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
6. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 885.
7. ГИАНП. Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 337.
8. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 891.
9. История российских немцев в документах / сост. В. А. Ауман и В. Г. Чеботарева. М. : Издательство Международного института гуманитарных программ, 1993. 448 с.
10. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1550.
11. Герман А. А. Исторический феномен Республики немцев Поволжья (1918–1941 гг.) // Российская история. 2012. № 4. С. 27–46.

Поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 9–16
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 9–16
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-9-16>, EDN: KZLBPJ

Научная статья
УДК [94+[329.61:323.272]](470-13)|1885/1886|+9290ржик

Боевое снаряжение Южнорусской организации «Народной воли» в 1885–1886 годы

Т. С. Морозов

Сургутский государственный педагогический университет», Россия, 628417, Ханты-Мансийский автономный округ, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2

Морозов Тимофей Сергеевич, аспирант кафедры социально-гуманитарного образования, timowulf@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3847-4132>, AuthorID: 1197774

Аннотация. В течение 1885 г. Южнорусская организация «Народной воли» под руководством Б. Д. Оржиха создала собственный запас бомб и обеспечила их хранение. Эти бомбы предназначались для деморализации самодержавного правительства. В силу объективных обстоятельств, вызванных необходимостью укрепления ослабленной партии, южане не успели приступить к полной реализации своих планов по применению бомб. В реальности работа сконцентрировалась на консолидации сил и обширной пропагандистской деятельности вплоть до постепенной ликвидации группы в течение 1886–1887 гг. Таким образом, в группе Б. Д. Оржиха действительно существовали только программы, планы и бомбы, но не террор как таковой, вследствие чего уместно изучать эти составляющие сами по себе. В данной статье будет рассмотрена история создания, хранения и уничтожения бомб Южнорусской организации и связанные с этим события в период 1885–1886 гг.

Ключевые слова: революционное движение, народничество, политическая борьба, Южнорусская организация «Народной воли», Б. Д. Оржих

Для цитирования: Морозов Т. С. Боевое снаряжение Южнорусской организации «Народной воли» в 1885–1886 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 9–16. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-9-16>, EDN: KZLBPJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Combat equipment of the South Russian Organization of “People’s Will” in 1885–1886

T. S. Morozov

Surgut State Pedagogical University, 10/2 50 years of the Komsomol St., Surgut 628417, Russia

Timofey S. Morozov, timowulf@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3847-4132>, AuthorID: 1197774

Abstract. During 1885, the South Russian organization of “People’s Will” by the leadership of B. D. Orzhikh created its own bombs set and provided their storage. These bombs were create for demoralization of the tsarist government. Because of objective reasons caused by recovery of weakened party, the southern revolutionaries did not have time to start the full realization of their plans about bombs using. In reality, the main work focused on the consolidation of revolutionary forces and propaganda activities until the liquidation of the group during 1886–1887. The group of B. D. Orzhikh really had only programs, plans and bombs, but not a terror as such; as a result, it is appropriate to study these components separately. This article will examine the history of the creation, storage and destruction of bombs of the South Russian organization in the period 1885–1886.

Keywords: revolutionary movement, narodничество, political struggle, South Russian Organization of “People’s Will”, B. D. Orzhikh

For citation: Morozov T. S. Combat equipment of the South Russian Organization of “People’s Will” in 1885–1886. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 9–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-9-16>, EDN: KZLBPJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Южнорусская организация – это объединение народовольцев Юга России, оставшихся на свободе после массовых арестов в связи с задержанием Г. А. Лопатина в октябре 1884 г. Инициатива по консолидации сил принадлежала

Б. Д. Оржиху. В течение 1885–1887 гг. вновь собранные группы Юга (Харьков, Одесса, Таганрог, Новочеркасск, Екатеринослав и другие центры) возобновили планомерное противостояние царскому режиму. Как сторонники про-

граммы партии «Народной воли» южнорусские революционеры стремились к ликвидации самодержавного строя и установлению народного представительства. Достичь этой цели предполагалось через революцию, которая являлась итогом реализации важных направлений деятельности: организационной работы среди сторонников «Народной воли», масштабной пропагандистской активности в массах и террористической борьбы против правительства.

Последний метод обладал принципиальным значением в арсенале средств народовольцев. Согласно «Программе Исполнительного комитета» партии «Народная воля» (1879 г.) «деятельность разрушительная и террористическая» служила лишь одним из направлений, в одинаковой степени предназначенных для свержения деспотической власти [1, с. 50–51]. Однако действительность, как на это обратил внимание О. В. Будницкий, подтолкнула поздних народовольцев склониться к принятию террора в трактовке «Террористической борьбы» за авторством Н. А. Морозова (1880 г.). Террор оказался самым оптимальным методом, способным нанести сильные удары по слабым местам царского правительства, несмотря на гипотетические риски и страх перед чрезмерным поглощением наличных сил. Как следствие, к середине 1880-х гг. террор прочно вошел в арсенал методов народовольцев, невзирая на его разрушительность, направленную в обе стороны [2, с. 75–76, 79–80; 3, с. 20–23]. Исключительность террора обозначается в «Подготовительной работе партии» («Народная воля», 1880 г.), где отражено его понимание как инструмента не только самозащиты, но и уверенной атаки, направленной на деморализацию царизма («столпов современного правительства») [1, с. 305–306].

В современной историографии явление террора в Южнорусской организации широко не освещалось, несмотря на его особое место в программе и тактике «Народной воли». Более того, применительно к группе Б. Д. Оржиха не будет однозначно верным рассуждать о полноценном терроре: южане обладали собственными бомбами и планами по их применению, но не успели совершить ни одной силовой акции. В этой связи более уместно оценивать то, что существовало в действительности – программно-тактические построения и вопросы, касающиеся уже сформированного запаса снарядов. Из указанных двух направлений целью данной статьи будет выбрана характеристика истории создания, хранения и ликвидации бомб Южнорусской организации, так как взгляды южан на теоретические основы террора не отличались от общепринятых в «Народной воле» (этот аспект будет проанализирован в ограниченных пределах). Нехватка современных исследований, многообразие источников и одновременно их разрозненность, необходимость

упорядочения фактов, дополнительные сведения из архивных материалов, а также уникальное значение террора в перечне средств «Народной воли» обуславливают актуальность темы.

Изучению проблемы боевого снаряжения группы Б. Д. Оржиха главным образом способствуют материалы, изданные до 1934 г., в частности статьи С. Н. Валка [4], Р. М. Кантора [5] и Г. С. Новополина [6], основанные на информации, доступной в 1920–1930-х гг. Источником уникальных сведений о бомбах являются воспоминания самих южан – В. Г. Богораз-Тана [7, 8], А. А. Кулакова [9, 10], Б. Д. Оржиха [11] и М. М. Полякова [12]. Недосказанность компенсируют материалы архивных фондов Департамента полиции и Особого присутствия Правительствующего Сената, в документах которых содержатся разнообразные факты о деятельности группы Оржиха [13–16].

Таким образом, взгляды на террор в группе Б. Д. Оржиха отражались в программных установках, сформулированных в ходе съезда 15 сентября 1885 г. в Екатеринославе. По ходу мероприятия южнорусские революционеры рассмотрели и приняли две программные брошюры, затрагивавшие проблемы террора («Борьба общественных сил в России» и «Политический террор в России»), и поддержали его необходимость в целом. В отношении террора данные брошюры полностью повторяют идеи упомянутых общепартийных документов [1, с. 50–51, 305–306; 3, с. 20–23; 11, с. 126; 17, с. 66–75; 18, с. 572–575, 578–579, 581–587]. Кроме того, южане учитывали опыт своих предшественников из центральной народовольческой организации под руководством Г. А. Лопатина, где политический террор выдвигался на первый план по эффективности в борьбе с царизмом, а его фабричное и аграрное направления полностью отрицались [2, с. 80; 6, с. 44–45].

Ожидаемый итог применения террора для южан – подъем духа революционного лагеря и возможное начало на этом фоне широкого восстания, осознанный успех которого наиболее реален при совпадении ряда условий. В их числе: одновременное выступление народных масс по всей стране, активная помощь революционной интеллигенции во всех слоях общества и в лучшем случае безучастность армии [17, с. 48–49, 66–72; 18, с. 579, 585–586]. Учитывая данные факторы, южане осознавали, что террор никогда не замещал всех прочих видов деятельности, не мог самостоятельно привести к перевороту, заменить пропаганду или переформатировать общество после революции – для подлинного успеха все доступные методы борьбы должны комбинироваться и дополнять друг друга. Также террору должна предшествовать организационная и пропагандистская подготовка в целях укрепления ослабленной «Народной воли»

на Юге России. Тем не менее, как и Н. А. Морозов, южане пришли к выводу о том, что при имеющейся слабости массового движения и в заведомо неравных условиях террор являлся именно тем методом, который мог позволить эффективно противостоять давлению царского правительства [11, с. 126; 14, л. 14–15; 17, с. 73–74; 18, с. 585].

В свою очередь, запас бомб Южнорусской организации, требуемый для реализации идеи террора, был создан задолго до съезда в Екатеринославе, в ходе которого группа смогла прийти к взвешенному пониманию актуальной расстановки сил в регионе. Это связано с тем, что молодые южнорусские народовольцы слабо представляли, как им возобновить борьбу, поэтому они стремились использовать любую возможность. По совпадению первой из них стала добыча динамита.

В начале зимы 1885 г. Л. Ясевич, авторитетный народоволец и умелый техник, отправился в Луганск для приобретения расходных материалов к собственным бомбам Южнорусской организации [5, с. 94–95]. Поездка была обусловлена возросшим риском потери локальной ресурсной базы: ранее город являлся опорным пунктом лопатинской организации по сборке взрывных снарядов, чему способствовали контакты с местными шахтерами и близость к артиллерийским складам. За лето 1884 г. лопатинцы провели серию испытаний и успели сконструировать 4 готовые к применению бомбы. Арест Г. А. Лопатина в октябре 1884 г. вызвал распад не только народовольческой организации под его руководством, но и луганской группы, занимавшейся созданием снарядов. Две бомбы найдены непосредственно при Лопатине, оставшиеся удалось скрыть и незаметно уничтожить [6, с. 45–46; 13, л. 13 об.–14 об.].

К началу 1885 г. после массовых арестов на свободе оставался В. И. Кирсанов – один из конструкторов лопатинских бомб. Он успел снабдить прибывшего в город Л. Ясевича динамитом и прочими материалами (впоследствии, в мае 1885 г., Кирсанов был арестован по вине предателя И. Гейера). Отдельно куплены жестяные коробки, послужившие корпусом для бомб. После этого Ясевич отправился в Новочеркасск и, укрывшись в конспиративной квартире, приступил к сборке снарядов. Б. Д. Оржих с пониманием встретил инициативу Ясевича, так как он обладал нужными техническими компетенциями и хотел послужить общему делу [11, с. 90, 95].

К марту 1885 г. удалось собрать 11 бомб и подготовить к ним запалы. На работу ушло приблизительно три недели [11, с. 95–97]. Конструкция южнорусских бомб была аналогична применявшимся 1 марта 1881 г., но при этом признавалась жандармскими полевыми экспертами более совершенной. Спустя почти 50 лет чертеж

такого снаряда смог по памяти зарисовать пожилой Б. Д. Оржих. Семь из них имели круглую (цилиндрическую) форму, оставшиеся четыре – четырехугольную (призматическую) [5, с. 48–49; 11, с. 96; 13, л. 10 об.–11; 14, л. 13–13 об.; 15, л. 139; 19, л. 17]. Как выразился В. Богораз, «для пушечного пику» эти бомбы умышленно нумеровались не с цифры 1. В будущем это вызовет у жандармов проблемы и выразится в тщетных попытках найти недостающие снаряды, которых никогда не существовало. Известно, что одна из обнаруженных партий была пронумерована, начиная с № 7 [7, с. 109; 8, с. 499; 13, л. 10].

Наличие бомб и одновременно длительный отказ от их применения создали ситуацию, когда некоторые южане начали сомневаться в том, являются ли эти бомбы настоящими или всего лишь муляжом [7, с. 109]. Однако жандармские испытания доказали их высокую разрушительную силу. Радиус поражения снаряда – не менее 2 сажень (около 4 м). Динамит из-под 4-х бомб, взорванный в море на малой глубине, вызвал поднятие столба воды в 15 сажень (примерно 27 м), на дне образовалась воронка 3/4 аршина в глубину и 1 аршин в диаметре (около 1 м). Подорванная на суше связка из других 4-х бомб смогла целиком раздробить большое дерево [11, с. 104–105, 119; 13, л. 11; 14, л. 13; 16, л. 6].

Полученный запас бомб нуждался в хранении. По завершении работы Л. Ясевич передал снаряды Е. И. Петровскому, местному народовольцу, который в будущем окажет значительную помощь в деле открытия типографии южан в Новочеркасске летом 1885 г. [9, с. 141; 11, с. 96–97, 105; 13, л. 13, 16; 14, л. 13; 16, л. 3–3 об.]. Примерно в это же время Ясевича посетил А. Остроумов, прибывший из Ростова-на-Дону. В Остроумове ничего не выдавало будущего предателя, поэтому Ясевич без подозрений поделился, что «Народная воля» смогла получить в свое распоряжение определенный запас бомб. В случае, если представитель партии явится за информацией о снарядах, Остроумов обязан был перенаправить это лицо к Ефиму Петровскому (Остроумов и Петровский при посредничестве Ясевича познакомились весной 1884 г.) [9, с. 141–142; 11, с. 98; 16, л. 1 об.]. Этот набор бомб впоследствии будет разделен на три партии, каждая из которых имела свою длинную историю: харьковская (4 бомбы), таганрогская (4 бомбы) и новочеркасская (3 бомбы).

В дореволюционной и ранней советской историографии можно встретить утверждения о том, что Южнорусская организация получила свои бомбы в наследство от группы Лопатина [5, с. 44; 6, с. 45; 7, с. 108–109; 8, с. 499–500]. С одной стороны, бомбы южан действительно созданы бывшим лопатинцем Л. Ясевичем, в том числе на основе луганских ресурсов. Вместе с тем следует принять во внимание, что эти снаряды собраны гораздо позже осенних

арестов 1884 г. Б. Д. Оржих в данный период активно занимался объединением разрозненных народовольческих сил Юга, и Л. Ясевич успел вступить в состав новой строящейся организации. Впоследствии Оржих лично распоряжался вопросами хранения и целеполагания относительно бомб. Можно уверенно констатировать, что южане обладали собственным и ни у кого не заимствованным набором боевого снаряжения.

Харьковская серия бомб. Перед Пасхой 1885 г. в Ростов-на-Дону к А. Остроумову прибыл неизвестный ему народоволец, который представился Анатолием (Б. Д. Оржих), и назвал пароль от Л. Ясевича. Вместе они отправились в Новочеркасск к Е. Петровскому, который передал Анатолию 4 снаряда, пронумерованных как № 7–10, в том числе отдельно запалы. На третий день оба вернулись в Ростов-на-Дону. Анатолий при помощи Остроумова закупил оружие (два револьвера, кавказские кинжалы и потайные фонари), после чего отправился с добытым снаряжением в Харьков [4, с. 106; 5, с. 49–50; 9, с. 141; 11, с. 97–99, 118; 14, л. 13; 13, л. 10, 13 об., 16; 16, л. 1 об.–2, 3 об., 10].

Поездке предшествовало получение информации о том, что в Крым направляется на отдых министр внутренних дел Д. А. Толстой. Оржих узнал об этом в начале весны 1885 г., когда занимался решением различных организационных вопросов. Это могло стать удачной возможностью для применения новых бомб. Было принято решение транспортировать их часть из Новочеркасска в Харьков, где пролегали железнодорожные пути с севера страны. Оржих намеренно не оповестил никого из товарищей о настоящих причинах этого мероприятия, в свою очередь, никто не задавал вопросов. Он прокомментировал решение следующим образом: «По инстинкту и опыту моей юной революционной жизни я знал, что самый опасный враг всякого серьезного предприятия – это болтовня» [11, с. 97]. Следует заметить, что это был не единственный случай, когда лидер Южнорусской организации отказался целиком посвящать других народовольцев в свои планы. В этом отношении примечательна история с организацией фиктивного брака А. С. Сигиды и Н. К. Малаксиано, необходимого для постановки второй законспирированной нелегальной типографии, которая должна была перейти под их руководство. В. Г. Богораз, ближайший товарищ и друг Оржиха, был против как чрезмерного количества типографий (в чем он оказался впоследствии прав), так и против вовлечения в революционную борьбу молодежи, находящейся на легальном положении. Богораз узнал о решении постфактум, вследствие чего не успел своевременно повлиять на развитие событий [8, с. 501].

Таким образом, единственным сопартийцем, посвященным в план ликвидации министра внут-

ренних дел, стал П. Л. Антонов, известный как отважный революционер, привыкший к опасным силовым мероприятиям и имевший в этом большой опыт. Оржих познакомился с ним в Севастополе в конце 1884 – начале 1885 г., когда занимался объездом групп Юга, ослабленных после массовых арестов. Личные качества Антонова и Оржиха дополняли друг друга, поэтому они договорились работать вместе [11, с. 95, 97; 13, л. 6–6 об., 8–8 об., 9].

Прибыв в Харьков, Борис Оржих сдал груз на хранение В. П. Бражникову – лидеру местной народовольческой группы. Оружие, фонари и бомбы были доставлены в целости, однако по пути испортился один из запалов. Бомбы перевозились на пассажирском поезде, в это время случайный резкий удар воспламенил запал, из сумки с шипением поднялся белый столб дыма. Оржих верно оценил ситуацию, объяснил испуганным пассажирам произошедшее как случайное возгорание спичек, отправился с сумкой в уборную и быстро избавился от дымящегося запала, оставшегося на железнодорожных путях. Остаток маршрута Оржих ехал более осторожно, но не допускал мысли выбросить опасный багаж. Как впоследствии предположил Ясевич, этот запал мог иметь трещину, которую он не заметил, что стало причиной произвольного возгорания [5, с. 50; 11, с. 98–101; 13, л. 13 об.].

Оржих встретился с Антоновым, оповестил его о приближающемся событии и предложил план ликвидации Д. А. Толстого. Предполагалось, что поезд с министром на борту должен был проехать в Крым через станцию Лозовую – оживленный железнодорожный узел, где по стандартному расписанию северные составы обычно останавливались ночью. Оржих и Антонов, воспользовавшись моментом, попытались убить Толстого при помощи бомб и оружия, добытого в Ростове-на-Дону. Никто не мог сказать, что произойдет после ликвидации, поэтому в дальнейшем народовольцам следовало ориентироваться на развитие событий. После акции им могли помочь скрыться местные железнодорожные рабочие, которых Антонов хорошо знал. Впоследствии, несмотря на соблюдаемый правительством режим секретности, народовольцы выяснили, что министр внутренних дел едет в Ливадию на лечение, будучи недееспособным на фоне обострившегося психического расстройства. По соображениям этики и необходимости сохранения репутации «Народной воли», южане отказались от плана убийства [11, с. 97, 100–101].

Для неиспользованного опасного вооружения требовался тайник. В течение апреля 1885 г. Южнорусская организация установила в Харькове типографию, куда были спрятаны бомбы, ножи и пистолеты. Антонов не получал дальнейших указаний по их применению. Он заведовал типографией вместе с С. А. Лисянским –

бывшим студентом Петербургского университета, осевшим в Харькове. В течение 1–2 мая 1885 г. Антонов и Лисянский были арестованы при помощи сведений, полученных властями от предателя П. Елько. В этой связи жандармы смогли захватить не только революционеров, но и типографию, бомбы, оружие и прочие улики. Четыре харьковских снаряда Южнорусской организации были вывезены за город и ликвидированы [4, с. 115, 117; 5, с. 55; 7, с. 108; 9, с. 141; 11, с. 101–105; 13, л. 6 об., 9 об.–10, 12].

Хитрость южан с нестандартной нумерацией бомб возымела эффект. Жандармы были озадачены: если существуют бомбы под № 7–10, значит, где-то хранятся № 1–6 (в то время как в реальности южане никогда не имели бомб под этими номерами). Выдвигались различные предположения, жандармы теряли ресурс времени. Ситуация осложнялась тем, что ранее из четырех лопатинских бомб, созданных летом 1884 г., на момент ареста Антонова и Лисянского было обнаружено лишь две. Не знали жандармы и о том, что новая южная организация обладает собственными бомбами, не относящимися к лопатинским. Не вызывали сомнений и те факты, что все эти бомбы, независимо от принадлежности, имели отношение к Луганску и что в той или иной мере был задействован Леон Ясевич. Через полгода жандармы смогли получить ответы из предательских показаний А. Остроумова, арестованного в сентябре 1885 г. Власти узнали о судьбе двух недостающих лопатинских бомб и о том, что Южнорусская организация располагает собственным набором снарядов [4, с. 104; 5, с. 47–50; 8, с. 515; 13, л. 10, 12, 13, 15].

Таганрогская серия бомб. В связи с утратой 4 бомб из 11, у южных народовольцев возникли опасения потерять оставшиеся снаряды в ходе очередной полицейской акции, ввиду чего их следовало разделить. Примерно после 20 июня 1885 г. Оржих отправился к Петровскому в Новочеркасску и принял от него 4 новых снаряда. Данная партия была перемещена в Таганрог на хранение к А. А. Кулакову, с которым Оржих познакомился весной 1884 г. [9, с. 141–142; 10, с. 177; 11, с. 97–98; 14, л. 13; 16, л. 3 об., 10].

К октябрю 1885 г. бомбы переместили от Кулакова в новую нелегальную типографию. Предприятие располагалось в том же городе, в доме, который южане начали арендовать с 20 августа 1885 г. у вдовы поручика М. Степановой. Типографией завеловал А. С. Сигида и его жена Н. К. Сигида (Маласиано). Здесь же занимались печатью народовольцы У. Н. Федорова и Е. М. Тринитатская. Помощь предприятию оказывал А. А. Кулаков [10, с. 177; 14, л. 13–14; 16, л. 5, 10–10 об.].

Перед вводом в действие таганрогской типографии южане осмотрели дом и обнаружили, что в фундаменте имелись большие отверстия

(6 вершков в высоту и 12 в ширину (приблизительно 25 и 50 см соответственно), прикрытые деревянными заставками. Они предназначались для вентиляции пространства под полами и, как выяснилось, были достаточного размера, чтобы там уместился тайник. В течение ночи жестяная коробка из-под сахарных печений с расположенными в ней снарядами незаметно помещалась в одно из отверстий и прикрывалась чугунной плитой [8, с. 515; 10, с. 177; 11, с. 130; 14, л. 13 об.; 16, л. 6, 7].

В дальнейшем народовольцы сконцентрировались на подготовке к екатеринославскому съезду, намеченному на середину сентября 1885 г. После съезда все усилия были направлены на выпуск и распространение «Народной воли» № 11–12. Южнорусская организация приступила к пропагандистской подготовке, которая должна была стать фундаментом для будущего террора. Народовольцы не успели полноценно реализовать свои планы, так как уже 23 января 1886 г., благодаря информации, полученной от предателя А. Остроумова, жандармы смогли принять меры по задержанию А. Сигиды. Вместе с его арестом неожиданно была раскрыта таганрогская типография [5, с. 51–52, 55; 6, с. 48; 11, с. 170; 16, л. 1 об.]. Группа Оржиха всегда стремилась подходить к своей деятельности аккуратно и последовательно. Тем не менее известия о провале типографии заставили руководство южан ненадолго задуматься о применении силы. Впрочем, они в очередной раз сохранили верность программным установкам, утвержденным в ходе екатеринославского съезда, предписывающим в случае провала в первую очередь восстановить организацию и типографию, что позднее было реализовано в Туле в 1886 г. [6, с. 50–51; 17, с. 74].

Зимой 1886 г. последовала цепочка арестов и задержание лично Б. Д. Оржиха: жандармы смогли эффективно использовать показания предателя А. Остроумова и незашифрованную информацию, найденную в записной книжке С. Иванова. По причине возросшего риска дальнейших арестов оставшимся на свободе южанам пришлось на продолжительное время отказаться от любых видов деятельности [5, с. 45, 55; 6, с. 51; 14, л. 12–12 об.; 16, л. 7 об.–8].

До мая 1886 г. тайник оставался необнаруженным. После закрытия типографии в доме поселились супруги Польские. Однажды денщик главы семейства попытался достать из-под здания умершую от отравы собаку. Кочергой был случайно задет обернутый в бумагу подозрительный металлический ящик, в котором оказалось 4 снаряда. Жандармы соотнесли имевшиеся к тому времени факты и определили, что содержимое тайника относятся к 11 бомбам Южнорусской организации. Это открытие стало отягчающим обстоятельством при вынесении приговора таганрожцам. Впоследствии изъятый из снарядов

динамит был вывезен в Азовское море и взорван [5, с. 53–54, 56; 10, с. 177; 14, л. 13; 16, л. 6–6 об.].

Ситуация с хранением бомб под типографией могла остаться малопримечательной, но по этому вопросу существовали значительные разногласия между самими народовольцами. Б. Оржих утверждал, что о размещении опасного тайника под типографией знал только он и А. Сигида. Кулаков, напротив, подчеркивал, что о ситуации был осведомлен каждый без исключения работавший в доме, так как являлось недопустимым подвергать товарищей риску без их ведома [8, с. 500, 515; 9, с. 141–142; 10, с. 177–178; 11, с. 130; 16, л. 10 об.]. Известно, что на суде Б. Оржих стремился взять вину на себя, параллельно таганрожцы отрицали свою осведомленность о снарядах. Тем не менее власти проигнорировали эти доводы и приговорили к смертной казни всех участников таганрогской типографии, вменив им полную причастность к бомбам (впоследствии казнь была заменена каторгой) [7, с. 109, 114–115; 8, с. 517; 16, л. 6 об.–7 об., 13].

В. Г. Богораз обращает внимание на необычный факт: в те времена Оржих относился к «реальному террору» холодно и уже в тюрьме, когда было поздно, он «загорелся жаждою террористического убийства» [8, с. 507–508]. Этот подход можно расценить как попытку Оржиха отвести подозрения от остальных обвиняемых. Также нельзя утверждать, что о бомбах знали только двое, так как о тайнике был осведомлен по меньшей мере и Кулаков. Кроме того, уже в ссылке некоторые сопартийцы открыли, что с обстановкой была знакома в том числе и У. Н. Федорова [12, с. 299–300]. Степень осведомленности Е. М. Тринитатской и Н. К. Сигида остаются под вопросом. Таким образом, не только Оржих, но и как минимум три таганрожца из пяти наверняка осознавали, что хранится под типографией. В этой связи версия Кулакова представляется убедительной.

Новочеркасская серия бомб. Последние 3 бомбы продолжали безопасно храниться у Ефима Петровского. Однако 27 августа 1885 г. он был задержан по предписанию из столицы. По причине нехватки улик у жандармов вскоре Петровского отпустили без последствий. В связи с возникшей угрозой повторного задержания новочеркасские бомбы следовало переместить в другое место.

Петровский связался с А. И. Александриним, студентом Петербургского университета, который в это время посетил город. В свою очередь, А. Александрин на время принял бомбы, затем привлек к делу своего двоюродного брата В. В. Чернова, казачьего сотника. Чернов жил за городом на хуторе Власово-Аютинский, принадлежавшем его отцу. Предполагалось, что

в сельской глуши можно было безопасно спрятать снаряды. Петровский, Оржих, Александрин и Чернов познакомились друг с другом в течение мая 1885 г., т. е. задолго до перемещения данной партии бомб [11, с. 118–119; 14, л. 13–13 об.; 16, л. 2–3 об., 12 об.–13].

Чернов не являлся участником организации и не имел серьезных причин помогать народовольцам, кроме общих симпатий к революционному делу и желания оказать услугу А. И. Александрину как своему родственнику. Чернов и Александрин, по их признаниям, лично не сочувствовали террору, но пришли на помощь к южанам добровольно [11, с. 119; 16, л. 3, 13].

Чернову передали 3 бомбы и запалы с указанием хранить их в сухом месте. Один запал был также испорчен. Задолго до передачи бомб Чернову, Оржих и Петровский планировали испытать одну из них в действии. Они отправились за город, поднявшийся сильный ветер вздул не застегнутый пиджак Петровского, в одном из карманов которого оказался запал. Идентично случаю в поезде до Харькова, резкое воздействие и вероятное повреждение запала заставили его вспыхнуть. Неудачное стечение обстоятельств могло привести к гибели народовольцев [11, с. 118–119; 14, л. 13; 16, л. 2 об., 3 об., 13].

Вскоре снаряды были увезены Черновым на хутор. Петровский передал Оржиху пароль («Я приехал от Василия Степановича переговорить насчет мельницы») и сведения о местности, где будут храниться бомбы. По прибытии Чернов определил, что надежное место для тайника на хуторе отсутствует, поэтому он прибегнул к импровизации и временно спрятал бомбы в одной из скирд с сеном. Решение оказалось спорным, так как в ноябре 1885 г. было обнаружено, что эти бомбы внезапно исчезли [8, с. 500; 9, с. 142; 11, с. 119; 13, л. 16–16 об.; 14, л. 13; 16, л. 2, 3 об., 10].

Выяснилось, что в октябре 1885 г. (после Покрова) арендатор мельницы семьи Черновых Я. Гладышев и его сын выбирали солому из скирд, в одной из которых оказался мешок с чем-то тяжелым. Гладышев и его друг А. Склизкий ночью перенесли мешок на мельницу и решили изучить его содержимое, но поняв, с чем имеют дело, поспешили избавиться от находки. Сын Гладышева рассказал о случае своей матери, которая затем сбросила мешок в пруд рядом с мельницей. Среди южан ситуация встретила обоснованное непонимание, так как Чернов согласился оказать помощь, но не смог обеспечить надлежащего хранения бомб. Извлечь мешок из пруда оказалось невозможным, ввиду чего никаких действий не предпринималось [5, с. 55; 8, с. 500; 9, с. 142; 11, с. 119; 14, л. 13; 16, л. 2–2 об.].

История новочеркасской партии бомб продолжилась 28 января 1886 г., когда был арестован

Е. И. Петровский, на которого указал предатель А. Остроумов. Пятью днями ранее жандармы ликвидировали таганрогскую типографию также по вине Остроумова. Власти выяснили, что Петровский имеет прямое отношение к хранению бомб. Задержанный отказался давать показания и ограничился общими комментариями, которые жандармы не могли использовать никаким образом. Тем не менее были задействованы агентурные методы, в результате чего вскоре арестовали В. Чернова. 27 февраля был подвержен обыску А. Александрин. Постепенно жандармы смогли выйти на семью Гладышевых, проживавших на хуторе. 4 марта вода из пруда была спущена, все три бомбы найдены: их компоненты частью отсырели, но по-прежнему сохраняли свою действенность [5, с. 54–56; 9, с. 141–142; 16, л. 1 об.–3, 13]. Показания Остроумова, поимка Петровского и дальнейшее дознание позволило жандармам окончательно удостовериться в подлинном количестве и принадлежности бомб. Как известно, уже в мае 1886 г. найдены последние снаряды из таганрогской серии. Вопрос о потенциальном терроре в Южнорусской организации был закрыт.

Таким образом, Южнорусская организация в течение года лишилась собственного запаса бомб. Материальная база Луганска оказалась потерянной в начале 1885 г. Единственный оставшийся на свободе компетентный инженер в лице Л. Ясевича эмигрировал. Что не менее важно, на его моральном состоянии предельно негативно отразился сложный межличностный конфликт, возникший в период екатеринославского съезда в сентябре 1885 г., заключавшийся в неуместных попытках одного из делегатов (Ф. В. Крылова) произвести впечатление на В. И. Бородаевскую – невесту Ясевича [11, с. 121, 126]. Перечисленные факторы сделали невозможным создание новых снарядов.

Временный отказ от применения бомб в обозримой перспективе вызван расхождением ожиданий и реальности. Ослабленные после уничтожения лопатинской организации южнорусские народовольцы в первую очередь нуждались в восстановлении сил, привлечении новых лиц взамен арестованных и пополнении своего бюджета, что стало наиболее очевидно к моменту проведения екатеринославского съезда. На начальном этапе обозначенных целей можно было достичь только при помощи организационной деятельности и пропаганды. Б. Д. Оржих согласился, что необходимый террор мог ускорить арест самих южан, поэтому к нему планировалось вернуться после базовой подготовки [11, с. 124, 126]. Можно прийти к выводу, что южнорусские бомбы были созданы преждевременно. С другой стороны, расчет южан оказался точным: скоро доступ к луганским ресурсам действительно оказался потерян.

Не в последнюю очередь на ситуацию влияло отсутствие серьезных целей для бомб. Единственный шанс использовать снаряды был упущен, когда Оржих и Антонов приняли решение пощадить министра Д. А. Толстого. Сложно утверждать, насколько план ликвидации был осуществим в реальности, но важно учесть, что отказ от него не являлся исключительно актом милосердия: Оржих вспоминал, что убийство душевнобольного могло нанести ощутимый репутационный удар по «Народной воле» [11, с. 100]. Не исключено, что решение дополнял определенный личный мотив, который не являлся главенствующим, но мог иметь место. Отец Б. Д. Оржиха также в свое время пострадал от душевной болезни, из-за чего вся семья с большим финансовым ущербом была вынуждена в спешке покинуть родные места и переехать на Юг России, где работали компетентные врачи [11, с. 83–84].

Непосредственно бомбы не оказались причиной провала Южнорусской организации, превратившись в не более чем отягчающее обстоятельство при вынесении приговора группе. Жандармы главным образом искали самих южан, и только затем в связи с арестами открывались подпольные типографии и тайники. В свою очередь, основными причинами задержаний являлись прямые показания предателей из состава «Народной воли» и компрометирующая информация, найденная в неаккуратно ведущихся личных записях вышестоящих сопартийцев (в данном случае – С. А. Иванова). Жандармы использовали каждое доступное им средство, в том числе агентурные методы. Тем не менее таганрогский тайник был обнаружен при случайных обстоятельствах. Стойкость революционеров на допросах и отсутствие осведомленности о таганрогских бомбах среди предателей и соседних южнорусских групп позволили отсрочить обнаружение тайника. Оставшиеся две серии бомб из Харькова и Новочеркасска были найдены на фоне арестов по упомянутым причинам.

Отсутствие террористических актов за всю историю Южнорусской организации партии «Народная воля» стало совокупностью условий объективного характера. Необходимость в укреплении сил никогда не подразумевала отказ от террора как такового, но повлияла на его отсрочку. Именно в этот период жандармы инициировали серию арестов, результатом которых стали значительные потери личного состава и материального имущества группы Оржиха, в том числе снарядов, запас которых не удалось восполнить. Эти события не позволили превратить обычный набор боевого снаряжения в практическое воплощение идеи террора, к которому южане, как убежденные народовольцы, всегда стремились.

Список литературы

1. Литература партии «Народная воля» / под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, М. И. Дрея, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 336 с.
2. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) / отв. ред. Б. С. Итенберг. М. : РОССПЭН, 2000. 399 с.
3. Морозов Н. А. Террористическая борьба // Да здравствует «Народная воля»! Исторический сборник. Paris : [б. и.], 1907. № 1 (Нелегальное издание, первый и единственный сборник). С. 17–29.
4. Валк С. П. Л. Антонов в Петропавловской крепости // Красный архив : в 106 т. / под ред. В. Адоратского, В. Максаква, М. Покровского, В. Фриче. 1928. Т. 6 (31). С. 103–113.
5. Кантор Р. М. Ликвидация народовольческих организаций на Юге в 1886 году (Доклады графа Д. А. Толстого Александру III) // Пути революции : в 8 кн. Харьков : Пролетарий, 1926. Кн. 4 (7). С. 44–63.
6. Новополин Г. Последние усилия // Пути революции. 1926. Кн. 2–3 (5–6). С. 44–61.
7. Богораз В. Г. Повести прошлой жизни // Русское богатство. 1907. № 9. С. 107–131.
8. 1925–1926 гг. В. Г. Богораз-Тан. Из автобиографии // Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике : сборник документов / отв. ред. В. Н. Гинев. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2012. С. 479–528.
9. Кулаков А. А. «Народная Воля» на юге в половине 80-х гг. // Народовольцы после 1 марта 1881 г. / под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. С. 140–144.
10. Кулаков А. А. Дополнения к воспоминаниям Б. Д. Оржиха // Народовольцы : в 3 сборниках / под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, М. И. Дрея, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. Сборник третий. М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 177–182.
11. Оржих Б. Д. В рядах «Народной воли» (воспоминания) // Народовольцы. Сборник третий. М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 75–172.
12. Поляков М. Образы Минувшего (Сигида, Грабовский, Данилов) // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С. 297–306.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). Оп. 252. Д. 6.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 252. Д. 7.
15. ГАРФ. Ф. 112 (Особое присутствие Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообщества). Оп. 1. Д. 625.
16. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 881.
17. Богораз В. Г. Борьба общественных сил в России. Типография Народной Воли, 1886. 86 с.
18. Штернберг Л. Я. Политический террор в России 1884 // Лавров: Годы эмиграции. Архивные материалы : в 2 т. Т. 2 : «От «Вперед!» к группе старых народовольцев» / отобрал, снабдил примеч. и вступ. очерком Б. Сапир. Dordrecht ; Boston : D. Riedel Publishing Company, 1974. С. 572–594.
19. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1744 (Коллекция воспоминаний народвольтцев). Оп. 1. Д. 44.

Поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 10.11.2023

The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 11.06.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 17–23
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 17–23
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-17-23>, EDN: LBMHRU

Научная статья
УДК [001.83+339.92](470.23-25:597)|1976/1983|

Ленинград в структуре научно-технического сотрудничества Советского Союза и Социалистической Республики Вьетнам в 1976–1983 годы

В. Ю. Кудрявцев

Курский государственный университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33

Кудрявцев Владислав Юрьевич, аспирант, ассистент кафедры истории России, kudrvl62@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7821-8223>, AuthorID: 1204193

Аннотация. В статье на основе архивных данных анализируется роль Ленинграда в структуре научно-технического сотрудничества СССР и СРВ в 1976–1983 гг. Формулируется вывод о высоком качестве результатов деятельности ленинградских учреждений, сотрудничавших с СРВ, успехах руководства Ленинграда в рамках взаимодействия с регионами Вьетнама, вовлеченности большинства крупных промышленных предприятий, ведущих высших образовательных учреждений, проектных и научно-исследовательских организаций города в научно-техническое сотрудничество между СССР и СРВ

Ключевые слова: СССР, СРВ, Ленинград, сотрудничество, промышленность, исследования, экспорт

Для цитирования: Кудрявцев В. Ю. Ленинград в структуре научно-технического сотрудничества Советского Союза и Социалистической Республики Вьетнам в 1976–1983 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 17–23. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-17-23>, EDN: LBMHRU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Leningrad in the structure of scientific and technical cooperation between the Soviet Union and the Socialist Republic of Vietnam in 1976–1983

V. Yu. Kudryavtsev

Kursk State University, 33 Radishcheva St., Kursk 305000, Russia

Vladislav Yu. Kudryavtsev, kudrvl62@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7821-8223>, AuthorID: 1204193

Abstract. The article analyzes the role of Leningrad in the structure of scientific and technical cooperation between the USSR and SRV in 1976–1983 on the basis of archival data. The author comes to a conclusion about high quality results of Leningrad institutions collaborating with SRV, successes of Leningrad leadership in cooperation with regions of Vietnam, involvement of most large industrial enterprises, leading higher educational institutions, design and research organizations of the city in scientific and technical cooperation between the USSR and SRV.

Keywords: USSR, SRV, Leningrad, cooperation, industry, research, export

For citation: Kudryavtsev V. Yu. Leningrad in the structure of scientific and technical cooperation between the Soviet Union and the Socialist Republic of Vietnam in 1976–1983. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 17–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-17-23>, EDN: LBMHRU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На сегодняшний день одним из условий стабильного экономического развития крупного города является использование потенциала международного сотрудничества, осуществляемого в рамках договорных отношений. Санкционная политика западных стран по отношению к Российской Федерации привела к разрыву экономических связей со значительным числом зарубежных организаций. В этой связи мно-

гие российские города, в том числе Санкт-Петербург, переориентируются на иностранных партнеров, демонстрирующих готовность к сотрудничеству. Одним из таких партнеров является Социалистическая Республика Вьетнам (далее – СРВ).

За последние годы масштабы взаимодействия Санкт-Петербурга и Вьетнама вышли на новый уровень, что находит подтверждение

в расширении существующих двусторонних контактов [1, 2]. Сотрудничество с СРВ имеет статус приоритетного направления международной деятельности правительства города [3]. 100-летняя годовщина визита первого президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина делает 2023-й год знаковым для двусторонних отношений.

История сотрудничества Санкт-Петербурга и Вьетнама ведет отсчет с момента дипломатического признания СССР Демократической Республики Вьетнам в 1950 г. [4]. На протяжении второй половины XX в. СССР оставался ключевым военно-политическим союзником и экономическим партнером Вьетнама. Обладая передовым в масштабах СССР научным и промышленным потенциалом, Ленинград играл важную роль в становлении и развитии советско-вьетнамского научно-технического сотрудничества.

Обмен производственным, управленческим и научным опытом, изготовление и поставки промышленной продукции, двусторонняя кооперация в проведении проектно-конструкторских и научно-исследовательских работ, обучение и переподготовка специалистов – все это составляло основу научно-технического взаимодействия Ленинграда и СРВ.

В материалах фондов Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга имеются документы, позволяющие определить роль Ленинграда в структуре научно-технического сотрудничества между СССР и СРВ в 1976–1983 гг. Данный период представляет значительный научный интерес, поскольку в эти годы происходила интеграция объединенного Вьетнама в международную социалистическую систему. Экономика СРВ находилась в переходной стадии, увеличивался масштаб советско-вьетнамского взаимодействия, при содействии СССР был заложен фундамент для дальнейшего развития ключевых отраслей вьетнамской экономики.

Интенсивные восстановительные и интеграционные процессы в экономике СРВ во второй половине 1970-х гг. на фоне вступления Вьетнама в Совет Экономической Взаимопомощи (1978 г.) и окончания китайско-вьетнамского военного конфликта (1979 г.) способствовали увеличению масштабов взаимодействия.

В 60-ю годовщину Октябрьской революции (1977 г.) между Ленинградом и Хошиминском были установлены побратимские связи [5, л. 5], что привело к значительному углублению советско-вьетнамского сотрудничества на уровне регионов. Важной вехой в рамках развития межрегионального взаимодействия стало подписание договора о дружбе и сотрудничестве между

СССР и СРВ в 1978 г., в котором руководство стран закрепило стремление к продолжению развития и совершенствованию всестороннего взаимодействия [6].

Одним из важнейших каналов по обмену производственным, управленческим и научным опытом являлись взаимные визиты руководства Ленинграда и регионов СРВ. Во время визитов представители делегаций знакомились с деятельностью предприятий и образовательных учреждений, обсуждалась конкретизация планов взаимодействия, фиксировались намерения сторон в рамках сотрудничества.

В мае 1980 г. в Ленинграде находилась делегация партийных работников Хошимина во главе с секретарем горкома Коммунистической партии Вьетнама. Делегация ознакомилась с работой ряда предприятий сельского хозяйства и промышленности, образовательных учреждений, транспортных объектов [7, л. 7]. В оценках визита вьетнамские партнеры акцентировали внимание на том, что знакомство с передовым опытом Ленинграда позволит по-новому оценить имеющиеся в Хошимине проблемы, что в перспективе должно было способствовать улучшению качества партийного руководства промышленным и сельскохозяйственным производством [7, л. 8].

Следует отметить, что в архивных материалах не представлен перечень предприятий и образовательных учреждений Ленинграда, с деятельностью которых ознакомилась вьетнамская делегация. Однако, исходя из имеющейся в нашем распоряжении информации, следует сделать вывод о том, что вьетнамские партнеры посещали исключительно передовые, образцовые учреждения. Данный факт объясняется тем, что руководство Ленинграда было нацелено на демонстрацию эффективно работающих структур, значимых в экономической жизни города. В свою очередь, вьетнамская делегация по возвращении на родину имела возможность использовать полученную в ходе визита информацию с целью улучшения функционирования образовательных учреждений и предприятий Хошимина.

Визит вьетнамской делегации освещался в советских СМИ. В газете «Ленинградская правда» в качестве цели пребывания вьетнамских партнеров значилось знакомство с «опытом работы ленинградцев по претворению в жизнь решений XXV съезда КПСС» и «реализацией заданий десятой пятилетки» [8, л. 1]. Внимание читателей акцентировалось на общей для Вьетнама и СССР социалистической идеологии, результатах эффективных управленческих решений ленинградского руководства, высокой роли города в общесоюзном разделении труда.

В апреле 1983 г. делегация руководства Ленинграда и представителей городских промышленных предприятий находилась в СРВ.

В ходе визита участники посетили ряд промышленных объектов, строившихся при содействии СССР в провинции Донгнай и г. Хошимине. В г. Вунгтау вьетнамская сторона ознакомила членов делегации с ходом подготовительных работ по добыче нефти и газа совместной фирмой [9, л. 1]. Вьетнамские партнеры проявили большой интерес к опыту ленинградского руководства в области совершенствования городского хозяйства, рационального использования трудовых и материальных ресурсов, решения социальных проблем, в частности обеспеченности горожан жильем [9, л. 2].

Вьетнамские газеты «Юность» и «Освобожденный Сайгон» также освещали пребывание ленинградской делегации. В материалах вьетнамских СМИ были размещены оценки руководства Хошимина итогов визита. Вьетнамское население было проинформировано о том, что визит советской делегации способствовал получению ценной практической информации и знакомству с передовым опытом «в деле социалистических преобразований и строительства социализма» [9, л. 7–10]. Материалы СМИ были направлены на утверждение у вьетнамских читателей мысли о важности сотрудничества с государствами социалистического блока. Происходил процесс формирования у вьетнамских граждан положительного образа будущего Вьетнама, наступление которого возможно при последовательном заимствовании элементов советской экономической модели.

Встречи на уровне руководства Ленинграда и руководства регионов Вьетнама способствовали установлению доверительных контактов. В рамках взаимных визитов вьетнамская сторона имела возможность получить ценные практические рекомендации по развитию различных отраслей экономики, ознакомиться с накопленным советским опытом. Представленная в СМИ информация носила в первую очередь характер масштабной рекламной акции, направленной на формирование положительного образа государства-союзника.

В качестве важного канала по обмену управленческим и производственным опытом выступало ленинградское отделение общества советско-вьетнамской дружбы, образованное в 1961 г. Одной из задач ленинградского отделения являлась организация работы по ознакомлению вьетнамской общественности с достижениями жителей Ленинграда в деле «коммунистического строительства». В рассматриваемый период в различные регионы СРВ отделением были направлены многочисленные информационно-пропагандистские материалы о Ленинграде, был организован ряд фотовыставок и фотоальбомов, посвященных советско-вьетнамскому сотрудничеству. Накануне памятных и юбилейных для истории Вьетнама дат на ленинградских предприятиях-коллективных членах общества про-

водились лекции, посвященные дружбе между СССР и СРВ. Особое внимание уделялось содействию в развитии побратимских связей между Хошиминем и Ленинградом [5, л. 72–73].

Ленинградское отделение регулярно принимало работников и активистов общества из СРВ для ознакомления с работой комитетов советско-вьетнамской дружбы на промышленных предприятиях Ленинграда [10, л. 122]. Посещая ленинградские объекты промышленности и образовательные учреждения, вьетнамские партнеры контактировали с квалифицированными советскими специалистами, имели возможность ознакомиться с организацией производства и технологическими процессами, передовыми педагогическими и производственными приемами, применяемыми в Ленинграде.

Однако следует отметить, что степень эффективности ленинградского отделения общества советско-вьетнамской дружбы в области научно-технического сотрудничества была ограниченной. Несмотря на то, что с 1980 г. 20 учреждений и предприятий Ленинграда являлись коллективными членами отделения, они не внесли существенного вклада в развитие взаимодействия с предприятиями – членами вьетнамских отделений общества. Анализ архивных материалов позволяет заключить, что зачастую в рамках обмена визитами подписывались масштабные программы сотрудничества между ленинградскими и вьетнамскими учреждениями, которые носили декларативный характер и в дальнейшем не реализовывались [9, л. 2].

Данный факт объясняется тем, что ленинградское отделение общества советско-вьетнамской дружбы не ставило задачу целенаправленного содействия расширению научно-технического взаимодействия Ленинграда и СРВ. Основные задачи отделения были связаны с информационно-пропагандистской и культурно-просветительской деятельностью.

Руководство Ленинграда было осведомлено о проблемах, связанных с практическим осуществлением подписанных соглашений и договоров. У ленинградских чиновников присутствовало понимание того, что это наносит двусторонним отношениям политический и имиджевый ущерб, способствует возникновению у вьетнамских партнеров недоверия к подписываемым соглашениям о сотрудничестве [9, л. 3]. Вьетнамская сторона неоднократно обращалась в различные инстанции с просьбами содействия решению проблемы. Однако ситуация находилась в аналогичном состоянии в течение всего рассматриваемого периода.

В 1976–1983 гг. советская сторона направляла в СРВ значительное количество товаров различного назначения. СССР был заинтересован в бесперебойном обеспечении реконструируемых и строящихся при советском содействии

объектов, экономической поддержке союзного государства.

На протяжении 1960–1970-х гг. количество предприятий Ленинграда, задействованных в изготовлении и поставке различной продукции в СРВ, увеличивалось. Если в 1966 г. были задействованы 49 предприятий, то в 1980 г. их число выросло до 104. На протяжении второй половины 1970-х гг. среднегодовая сумма экспорта ленинградской продукции в СРВ составляла 5,35 млн руб. [11, л. 45; 5, л. 77].

Ленинградские предприятия изготавливали значительное количество экспортной продукции, поставляемой в СРВ. Например, в 1976 г. на предприятиях ленинградского объединения электронного приборостроения «Светлана» было произведено 44,6 тыс. шт. различных видов электронной техники, на заводе «Севкабель» было изготовлено 85,8 тыс. м кабеля, на предприятиях научно-производственного объединения «Источник» 489 аккумуляторов [5, л. 77].

ПО «Фармакон» (лекарственное сырье), ПО «Пластполимер» (смола), ЛПО «Вибратор» (электроизмерительные приборы), ПО «Арсенал» (компрессоры), завод «Ленполиграфмаш» (полиграфические машины), ПО «Кировский завод» (тракторы К-700), завод «Электрик» (электросварочное оборудование) – это лишь некоторые предприятия, продукция которых направлялась на экспорт в СРВ [5, л. 77–78].

В изготовлении товаров, предназначенных на экспорт, была задействована большая часть крупных промышленных предприятий города. Продукция отдельных производств имела критическую значимость в силу затруднительного поиска равноценных альтернативных производителей.

В изучаемый период национальный научный потенциал Вьетнама не соответствовал экономическим целям, поставленным руководством государства, что ставило страну в зависимое от иностранных партнеров положение. На этапе проектирования крупных промышленных, транспортных и инфраструктурных объектов вьетнамская сторона была заинтересована в содействии компетентных ленинградских специалистов, обладавших значительным профессиональным опытом.

Государственным проектным институтом «Ленинградский водоканалпроект» был разработан проект внеплощадного водоснабжения и канализации Иен-Байского завода вискозной целлюлозы. В компетенцию специалистов института входило проектирование водозаборных сооружений по подготовке воды на хозяйственно-питьевые и производственные цели, решение вопросов очистки бытовых и производственных стоков завода с отводом очищенных стоков в водоем [12, л. 7]. Итогом проделанной работы стал разработанный технический проект, вклю-

чавший важные рекомендации по оптимизации работы сооружений локальной очистки воды.

Государственным проектным институтом «Гипрошахт» был выполнен технический проект шахты «Хетам». Советскими специалистами были проведены комплексные научно-исследовательские работы, итогом которых стало решение вопросов, связанных с подготовкой шахтного поля, системы вентиляции, электрообеспечения, водоснабжения и канализации, была определена проектная мощность объекта, даны спецификации на основное горнопроходческое оборудование и оборудование для оснащения временных приштольных комплексов, составлены необходимые для строительства чертежи и др. [13, л. 4, 92]. Результатом работы ленинградских специалистов стало создание в относительно сжатые сроки проектных решений, отвечающих современным стандартам и позволяющих более эффективно применять ресурсы, направленные из СССР.

2 июля 1976 г. Ханой был торжественно провозглашен столицей СРВ. Городу, ставшему центром экономической, политической и культурной жизни объединенного государства, требовалась стратегия развития. Она нашла отражение в генеральном плане столицы СРВ, созданием которого занимался Ленинградский НИИ по разработке генеральных планов и проектов застройки городов.

Разработка плана очередности строительства, схемы планировочной структуры и этапов развития города, классификация жилого фонда, утверждение гипотезы развития района, прилегающего к городу, расчет баланса городских территорий – все это малая часть колоссального объема работы, проделанной специалистами института [14, л. 3–8]. Генеральный план Ханоя представлен в 8 томах и в настоящий момент находится на хранении в Центральном государственном архиве научно-технической документации Санкт-Петербурга.

На основе разработанного плана 17 сентября 1976 г. правительство СРВ приняло «Постановление Правительственного Совета об утверждении технико-экономических основ реконструкции и строительства столицы Ханоя до 2000 года». Министр строительства СРВ До Мьюй в Отзыве Министерства строительства отметил высокий градостроительный уровень разработки ТЭО и выразил благодарность всем советским специалистам, участвовавшим в работе [15, л. 2].

Одной из ключевых задач, стоявших перед руководством СРВ в 1976 г., являлось переформатирование народного хозяйства Южного Вьетнама на социалистический лад. В 1976–1979 гг. в пригородной зоне Хошимина были созданы сельскохозяйственные кооперативы, в отдельных районах организованы госхозы, построены новые ирригационные сооружения. Несмотря

на рост площади посевных земель и сборов риса, в Хошимине ощущался недостаток продовольствия. Значительная часть риса попадала в руки спекулянтов и перекупщиков, для обеспечения продовольственной безопасности города требовалось дополнительное увеличение производительности сельского хозяйства [5, л. 64]. В этой связи большое значение играло содействие советских научно-исследовательских институтов, направленное на повышение урожайности в СРВ.

Ленинградские НИИ принимали участие в обеспечении продовольственной безопасности регионов Вьетнама. В рамках достигнутых договоренностей с Министерством сельского хозяйства СРВ, Всесоюзный НИИ растениеводства (ВНИИР) осуществлял работы по селекции перспективных сортов риса. Для реализации совместных планов в коллекцию ВНИИР было включено 50 сортов риса, проведены комплексные научно-исследовательские работы по выявлению наиболее устойчивых, неприхотливых и урожайных видов [16, л. 7–11]. Результатом стало получение сведений о возможностях использования новых сельскохозяйственных культур на территории Вьетнама.

Одним из негативных явлений в экономике СРВ в 1976–1983 гг. была проблема повышения квалификации специалистов, работающих на промышленных предприятиях, соответствия их профессиональных навыков и умений современным стандартам.

Для вьетнамских граждан, занятых в промышленном секторе, был крайне важен квалифицированный и точный перевод сложной технической документации на знакомый язык. Всесоюзный НИИ гидротехники им. Б. Е. Веденеева (ВНИИГ) осуществлял письменные переводы документации, связанной с системами охлаждения воды, фундаментами турбоагрегатов и иной информацией, посвященной гидротехнике. Около 10% от общего количества переводилось на французский язык, доступный для значительной части вьетнамцев. Переводы ВНИИГ могли помочь ориентироваться в наиболее перспективных направлениях развития отрасли, содержали ценный и полезный материал, необходимый для повышения квалификации и безопасной работы с поставляемым из СССР гидротехническим оборудованием [17, л. 2–5].

Сотрудничество с ленинградскими НИИ позволяло вьетнамским партнерам получить потенциально значимую информацию в рамках развития ключевых отраслей экономики СРВ. В свою очередь, советские специалисты получали уникальный научный опыт, благодаря высокому качеству результатов научных работ повышался престиж советской науки за рубежом.

Подготовка вьетнамских граждан в учебных заведениях Ленинграда началась в 1951 г.

К 1980-м гг. было подготовлено более 2,5 тыс. квалифицированных вьетнамских специалистов, из которых более 250 получили ученую степень кандидатов и докторов наук [11, л. 90].

В 1980 г. в 29 учебных заведениях Ленинграда обучались 475 граждан СРВ. Наибольшие по численности группы вьетнамских обучающихся были сосредоточены в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова (44), Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (42), Ленинградском политехническом институте им. М. И. Калинина (39), Ленинградском горном институте им. Г. В. Плеханова (29), Индустриально-педагогическом техникуме (38). Значительная часть вьетнамских граждан проходила подготовку в высших военных учебных заведениях [11, л. 45–46].

В 1981 г. количество вьетнамских обучающихся увеличилось, составив более 700 чел. С начала 1980-х гг. в Ленинграде осуществлялась переподготовка руководящих кадров для вьетнамской промышленности. В 1981 г. количество специалистов данной категории составляло 100 чел., из которых более 40 прибыли из Хошимина [11, л. 87–90].

Высшие учебные заведения Ленинграда активно сотрудничали с вьетнамскими вузами. Например, Ленинградский политехнический институт вместе с вьетнамскими партнерами разрабатывал учебники и учебные пособия, проводились совместные конференции и симпозиумы [18, л. 1]. Сотрудничество такого рода оказывало положительное влияние на учебный процесс, повышалась эффективность научных исследований, происходил взаимообмен опытом.

Курсы переподготовки для граждан СРВ были разработаны с учетом актуальных потребностей вьетнамской экономики. Примером могут являться образовательные программы, утвержденные в ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева. Производственно-техническое обучение вьетнамских специалистов осуществлялось курсовым методом. Курсы обучения были рассчитаны на 1,5–2 месяца, основная часть образовательного процесса проходила в комплексных лабораториях института. В 1980 г. институтом были реализованы курсы на различную тематику, например «гидрологический режим в нижнем бьефе водосборных сооружений гидроэлектростанций» и «вопросы методики и техники проведения полевых опытов по изучению деформационных и прочностных свойств скальных пород» [19, л. 9].

Большинство вьетнамских обучающихся активно участвовали в работе студенческих научных обществ, были вовлечены в научно-исследовательскую деятельность ленинградских вузов. Значительная часть граждан СРВ работала в интернациональных студенческих стро-

ительных отрядах на комсомольских стройках на территории Ленинградской области. Некоторые обучающиеся на добровольной основе осуществляли трудовую деятельность в совхозе «Красный Октябрь». Вьетнамские граждане демонстрировали высокие учебные показатели. Так, по итогам весенней экзаменационной сессии 1976/77 учебного года их успеваемость в среднем по городу составила 4,6 балла [5, л. 74]. На основании имеющихся в нашем распоряжении данных можно сделать вывод о том, что абсолютное большинство вьетнамских граждан успешно осваивали учебный материал, были нацелены на конечный результат получаемого образования.

Вьетнамские граждане возвращались на родину высококвалифицированными специалистами и были востребованы на рынке труда СРВ. Многие выпускники ленинградских высших учебных заведений впоследствии занимали руководящие должности на промышленных предприятиях и в учебных заведениях, становились ведущими в масштабах Вьетнама специалистами и учеными [5, л. 76].

Высокое качество и результативность подготовки, полученной в Ленинграде, находили подтверждение в оценках вьетнамских руководителей. За большой вклад в дело подготовки специалистов из Вьетнама отдельные высшие учебные заведения, такие как ЛПИ им. М. И. Калинина, были награждены орденом дружбы СРВ [11, л. 46].

Таким образом, сотрудничество Вьетнама и Ленинграда носило разносторонний характер. Одними из ключевых направлений взаимодействия являлись обмен производственным, управленческим и научным опытом, изготовление и поставки в СРВ промышленной продукции, двусторонняя кооперация в проведении проектно-конструкторских и научно-исследовательских работ, обучение и переподготовка вьетнамских специалистов в образовательных учреждениях города.

Руководство Ленинграда достигло определенных успехов в рамках взаимодействия с регионами Вьетнама, в особенности с городом-побратимом Хошимин. Промышленные предприятия, образовательные учреждения, научно-исследовательские организации Ленинграда играли важную роль в структуре советского содействия созданию экономического базиса союзного государства. Большинство крупных промышленных предприятий, ведущих высших образовательных учреждений, проектных и научно-исследовательских организаций города были вовлечены в научно-техническое сотрудничество с СРВ. Утвержденные для реализации образовательные программы, экспортная продукция ленинградских предприятий, проектные решения институтов, научные разработки НИИ

отличались высоким качеством, что подтверждается в оценках вьетнамской стороны.

В условиях переориентации российского рынка на масштабное экономическое взаимодействие со странами Востока, сотрудничество с СРВ приобретает большое значение. Накопленный исторический опыт является одним из решающих факторов, определяющих позитивные перспективы дальнейшего развития сотрудничества Вьетнама и Санкт-Петербурга.

Список литературы

1. Кханьхоа и Санкт-Петербург укрепляют сотрудничество в технологической и туристической сферах // Газета «Нянзан» (17 сентября 2022 г.). URL: <https://ru.nhandan.vn/khan-hoa-i-sankt-peterburg-ukreplajut-sotrudnichestvo-v-tehnologicheskoi-i-turisticheskoi-sferah-post35903.html> (дата обращения: 25.03.2023).
2. Сотрудничество между городом Хошимин и Санкт-Петербургом – образцовый пример регионального сотрудничества между РФ и Вьетнамом // Радио «Голос Вьетнама» – служба иновещания (12 ноября 2022 г.). URL: <https://vovworld.vn/ru-RU/новости/сотрудничество-между-городом-хошимин-и-санктпетербургом-образцовый-пример-регионального-сотрудничества-между-рф-и-вьетнамом-1150997.vov> (дата обращения: 12.03.2023).
3. Петербург и Вьетнам подвели итоги сотрудничества в уходящем году // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга (16 декабря 2021 г.). URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/news/228341/ (дата обращения: 26.03.2023).
4. *Конорева И. А.* СССР и дипломатическое признание Демократической Республики Вьетнам в январе 1950 г. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 84–89.
5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД). Ф. Р-24 (Ленинградский областной комитет КПСС). Оп. 250. Д. 84.
6. Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Вьетнам // Консорциум КОДЕКС : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901883310> (дата обращения: 22.01.2023).
6. Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Вьетнам // Консорциум КОДЕКС : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901883310> (дата обращения: 22.01.2023).
7. ЦГАИПД. Ф. Р-24. Оп. 180. Д. 13.
8. ЦГАИПД. Ф. Р-9388 (Коллекция альбомов Ленинградского обкома КПСС). Оп. 1. Д. 114.
9. ЦГАИПД. Ф. Р-25 (Ленинградский городской комитет КПСС). Оп. 143. Д. 8.
10. ЦГАИПД. Ф. Р-24. Оп. 250. Д. 2.
11. ЦГАИПД. Ф. Р-24. Оп. 250. Д. 88.

12. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. Р-391 (Государственный проектный институт «Ленинградский водоканалпроект»). Оп. 3-6. Д. 93.
13. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-288 (Объединенный фонд ОАО «СПб-Гипрошахт»). Оп. 35. Д. 289.
14. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-29 (ФГУП «Научно-исследовательский и проектный институт по разработке генеральных планов и проектов застройки городов»). Оп. 33. Д. 141.
15. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-29. Оп. 33. Д. 133.
16. ЦГАИПД. Ф. Р-24. Оп. 250. Д. 33.
17. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-315 (ВНИИГТ им. Б. Е. Веденева). Оп. 2-11. Д. 2370.
18. ЦГАИПД. Ф. Р-25. Оп. 169. Д. 25.
19. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-315. Оп. 29. Д. 763.

Поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 11.07.2023; approved after reviewing 17.07.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 24–33

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 24–33

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-24-33>, EDN: CCTWDO

Научная статья

УДК [94+355.48](47-13)|1941/1944|:930(470+571)

Феномен коллаборационизма на оккупированных нацистской Германией территориях СССР (1941–1944 гг.): точки зрения и оценки в историографии

Е. М. Малышева

Адыгейский государственный университет Россия, 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208

Малышева Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории, emalysheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6633-2479>, AuthorID: 240162

Аннотация. По теме коллаборационизма и смежным с ней проблемам создана обширная отечественная и зарубежная историография. Цель настоящей статьи – рассмотрение феномена коллаборационизма и форм его проявления на временно оккупированных территориях южных регионов России, Крыма, Северного Кавказа, сравнение подходов исследователей в понимании его сущности, форм и масштабов. На основе анализа оценок этого сложного социального феномена и обзора наработок новейшей отечественной историографии сформулирован вывод о необходимости дальнейшего исследования темы. Востребовано более масштабное введение в научный оборот таких документов, как отчеты о военных операциях противника, докладные записки и приказы, находящиеся в зарубежных архивохранилищах, а также дополнительное привлечение исторических источников личного происхождения. Важность обращения к этой проблеме вызвана не в последнюю очередь попытками современных антироссийских сил пересмотреть и подвергнуть ревизии итоги Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: нацизм, агрессия, коллаборационизм, историография, историческое сознание, оккупация, информационная война, фальсификация

Для цитирования: Малышева Е. М. Феномен коллаборационизма на оккупированных нацистской Германией территориях СССР (1941–1944 гг.): точки зрения и оценки в историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 24–33. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-24-33>, EDN: CCTWDO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The phenomenon of collaborationism in the territories of the USSR occupied by Nazi Germany (1941–1944): Points of view and assessment in historiography

E. M. Malysheva

Adyge State University, 208 Pervomayskaya St., Maykop 385000, Republic of Adygea, Russia

Elena M. Malysheva, emalysheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6633-2479>, AuthorID: 240162

Abstract. An extensive domestic and foreign historiography has been created on the topic of collaborationism and related problems. The purpose of this work is to consider the phenomenon of collaborationism and the forms of its manifestation in the temporarily occupied territories of the southern regions of Russia, the Crimea, the North Caucasus, to compare the approaches of researchers in understanding its essence, forms and scales. Based on the analysis of assessments of this complex social phenomenon and a review of the developments of the latest domestic historiography, a conclusion was made about the need for further research on the topic. A larger-scale introduction into scientific circulation of such documents as reports on military operations of the enemy, memorandums and orders located in foreign archives, as well as additional involvement of historical sources of personal origin, is in demand. The importance of addressing this problem is caused not least by the attempts of modern anti-Russian forces to revise and revise the results of the Great Patriotic War.

Keywords: nazism, aggression, collaboration, historiography, consciousness, occupation, information warfare, falsification

For citation: Malysheva E. M. The phenomenon of collaborationism in the territories of the USSR occupied by Nazi Germany (1941–1944): Points of view and assessment in historiography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 24–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-24-33>, EDN: CCTWDO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Коллаборационизм в разных масштабах и формах наблюдался во всех без исключения оккупированных Германией странах и первоначально определялся как военное, политическое и экономическое сотрудничество с нацистской Германией во Второй мировой войне. В 1940 г. глава режима Виши во Франции маршал Петен призвал нацию к сотрудничеству. Позже термин стал применяться к правительствам других оккупированных стран Европы, в частности по отношению к правительству Квислинга в Норвегии. К коллаборационистским непосредственно относились также военные организации граждан оккупированных нацистским блоком стран, такие как «Русская освободительная армия Власова», РОА, РННА, национальные дивизии СС, в том числе европейских стран. Глубокое освещение этого социального явления представлено в научном труде известного российского ученого, военного историка М. И. Семиряги, опубликовавшего в 2000 г. исследование «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны». В этой работе, обогатившей отечественную историографию, предложена классическая типология коллаборационизма, с которой согласились многие исследователи. «Коллаборационизм во всех войнах, – пишет М. И. Семиряга, проявлялся на бытовом уровне или имел более серьезный – административный, экономический или военно-политический характер. Если пренебречь бытовым коллаборационизмом (в виде участия на танцах, вечеринках или в кино совместно с солдатами противника), то административный коллаборационизм проявлялся в деятельности местных органов власти, созданных оккупантами [1, с 10].

Другие точки зрения в оценке коллаборационизма – сложного социального феномена XX в., в частности, как предложения выделить «детский», «половой» и иные «формы» коллаборационизма, можно оценить не иначе, как попытку предложить «псевдооригинальную классификацию», не выдерживающую критики [2].

Тема коллаборационизма, выйдя из «запретной» нежелательной ниши, стала привлекать интерес исследователей, открылся доступ к архивным документам спецхрана – важной группе источников, ранее недоступных исследователям. В 90-е гг. становятся доступными новые источники, продолжается публикация архивных документов, в том числе зарубежных архивов, постепенно делаются доступными накопленные колоссальные объемы информации, в свет выходят индивидуальные и коллективные труды историков. Так, коллектив Института Российской истории (ИРИ) РАН, Российского исторического общества и фонда «История Отечества» в соответствии с распоряжением Президента РФ В. В. Путина работают над реализацией проекта

по изданию многотомной истории России, один из томов которой посвящен истории Великой Отечественной войны. Ответственным редактором этого тома назначен руководитель Центра по изучению истории Великой Отечественной войны ИРИ РАН Сергей Валерьевич Кудряшов.

В интервью по случаю 80-летия начала Великой Отечественной войны, отвечая на вопросы вестника «Воронцово поле», были затронуты вопросы, вызывающие дискуссии в исторической науке и профессиональном сообществе историков – специалистов по Великой Отечественной войне. С. В. Кудряшов отметил, что «современное поколение историков находится в весьма благоприятных обстоятельствах. Рассекречены миллионы документов, и многие сюжеты изучены досконально. Однако история – противоречивый процесс, не все аспекты жизни находят отражение в документах. Это объективно создает большое поле для различных интерпретаций» [3].

В историографии темы неоднократно отмечалось, что коллаборационизм, в отличие от патриотизма, как правило, вызывает общую негативную оценку в общественном мнении. В послевоенной отечественной историографии эта тема не была в фокусе внимания исследователей в силу целого ряда причин, в том числе недоступности засекреченной документальной базы. Априори доминировало традиционное суждение, которое оценивало сам факт сотрудничества советских граждан с германскими оккупационными органами как «предательство и измена Родине». Формы и методы сотрудничества, специфика борьбы с оккупантами в разных странах, особенности сопротивления режиму рассматриваются в широком диапазоне от бытового до военно-политического коллаборационизма. Как феноменальное социальное явление коллаборационизм в период Второй мировой войны обнаружил и проявил себя в разных масштабах и формах во всех без исключения двенадцати частично или полностью оккупированных нацистской Германией странах Европы. Имел место и «советский» коллаборационизм, в первую очередь в захваченных регионах Советского Союза, РСФСР, в частности на территории подвергшихся оккупации союзных республик Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Белоруссии. У народов этих регионов агрессивной оккупационной политикой нацистской Германии были отняты и жестоко попораны такие естественные, являющиеся врожденными и неотъемлемыми права любого человека, как право на жизнь, свободу и собственность.

Политика и «практика» возведения арийской расы на мировой олимп, стремление к максимальной эксплуатации ресурсов, жестокость оккупационных властей на захваченной чужой территории вызвали как коллаборацию, вызванную «стратегией выживания», так и движение

народного Сопrotивления. Во все времена измена Родине, предательство и сотрудничество с врагом вызывали в российском обществе неприятие и негативную оценку в отличие от патриотизма и верности идее защиты Отечества от иноземного захватчика. Число граждан оккупированных нацистской Германией стран Европы, согласившихся на сотрудничество, коллаборацию, и количество участников движения Сопrotивления, по выводам М. И. Семиряги, было примерно равным, в отличие от Советского Союза, где в сотрудничество с оккупационными властями в разных сферах была вовлечена незначительная часть граждан СССР, но не большинство, о чем свидетельствуют итоги войны, получившие освещение в историографии проблемы. Установка немецких оккупационных властей, согласно которой на Востоке сама жестокость является «благом», и славяне, к которым не надо «проявлять никакого ложного сочувствия», а только эксплуатировать на благо Германии, вызвала адекватную реакцию народов захваченных советских регионов.

Целый ряд социальных, политических, экономических и иных факторов стали причиной советского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Коллаборация была как вынужденной, например, в экономической области, при использовании труда на предприятиях, в торговле, сфере услуг, транспорте и т. д., так и осознанной, вызванной политическими предпочтениями и идеологическими установками.

Не последнюю роль сыграли просчеты и социальные издержки советской власти в период «форсированного строительства социализма в СССР» в предвоенный период. Свою роль сыграли в том числе обиды на советскую власть за экспроприацию собственности, насильственную коллективизацию, неприятие государственной политики «воинствующего атеизма», чем воспользовались оккупанты, открывавшие мечети, церкви, фарисейски поддерживая «приверженность» исламской конфессии кавказско-тюркских народов на оккупированной территории южных районов РСФСР, Северного Кавказа и Крыма. Сложилась достаточно обширная историография коллаборационизма, отразившая эти и сопутствующие социальные процессы 1941–1945 гг. [4, с. 305–339], публикуются оценки достижений отечественной и зарубежной историографии коллаборационизма [5, с. 117–125].

Тема коллаборации горских народов нашла отражение в коллективной монографии «Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. Проблемы истории, историографии и источниковедения», изданной в 2012 г. [6].

В сборнике статей по истории советского коллаборационизма даются авторская интерпретация и обзорный историко-правовой анализ терминологии коллаборационизма [7].

Великая Отечественная война стала одним из важнейших народных «мест памяти», сформировавших основы идентичности советских граждан военного и послевоенных поколений. Несмотря на преобладающее в российском обществе отношение к Великой Отечественной войне советского народа как войне справедливой, освободительной, в современной литературе, посвященной событиям 1941–1945 гг., до сих пор нередкими являются недоброжелательные толкования и прямые фальсификации фактов отечественной истории военного периода [8, с. 63–70].

Итоги Великой Отечественной и Второй мировой войны показали, что желание сохранить свою жизнь любой ценой и пойти на сотрудничество, в том числе дать присягу «на верность Гитлеру и великой Германии» (военный коллаборационизм), не определяли общественное сознание большинства советских граждан. И этот факт находит признание в европейской историографии, в частности стран, находившихся в союзе с нацистской Германией. По оценкам ряда ученых, представителей воевавших с нами государств в том числе Германии и Италии, в мотивации коллаборантов доминировала не политическая составляющая, а стратегия выживания.

Так, итальянский историк Джузеппе Боффа отмечает, что западные историки после окончания войны стали писать, что советские комбатанты, вошедшие в изменнические формирования, были «антисоветской и антисталинской» оппозицией: «На самом же деле речь шла о куда более элементарном явлении, в котором сознательный политический выбор играл очень незначительную роль.... Если немцам и удалось наберечь некоторое количество людей, согласившихся сотрудничать с ними, то результат этот был достигнут не столько с помощью политических средств, сколько с помощью самого элементарного шантажа голодом. Метод этот применялся как к военнопленным, уцелевшим после первых массовых казней, так и к гражданскому населению. Хотя немцы и отказывали ему в каком бы то ни было самоуправлении, но все же им нужны были хоть какие-то местные администраторы, которые бы беспрекословно выполняли их приказы (в городах их называли на немецкий лад – бургомистрами, а в деревнях – старым русским словом “староста”» [9, с. 73].

Ряд исследователей особый акцент делают на военный коллаборационизм. Необходимо согласиться с общим выводом, согласно которому основные по значимости и соответствию коллаборационизма – военные формирования вермахта и СС из нерусских народов СССР – оказались «недееспособными», и идея их эффективного использования Германией не была реализована, фактически провалившись.

Несостоятельна рефреном повторяющаяся с военного периода в зарубежной историографии оценка коллаборационизма в качестве некоей антисоветской «третьей силы», борющейся с «режимом Сталина». В 1987 г. в Мюнхене вышла в свет книга немецкого историка Ганса Вернера Нойлена «Европа и Третий Райх. Проекты объединения германских властных структур 1939–1945 годов». Анализируя различные мотивы коллаборационизма в оккупированных Германией странах Европы, Нойлен в советском коллаборационизме подчеркивает роль «национальной антикоммунистической идеи как стимула развития коллаборации» у участников Русской освободительной армии – РОА, а также коллаборантов из казачества и калмыков. В подтверждение он приводит германские источники, в которых зафиксировано, что крымско-татарские добровольческие формирования были созданы из 10 тыс. татар, призванных в РККА в 1941 г., большинство из которых не попали на фронт. Они остались в оккупированном Крыму и были привлечены к сотрудничеству с оккупационными властями. Мотивацию народов Кавказа, Закавказья, Прибалтийских республик Нойлен обосновывает стремлением к «суверенитету и национальной независимости» [10].

В 2005 г. была опубликована монография казанского исследователя И. А. Гилязова «Легион «Идель-Урал», в которой с привлечением значительного пласта архивных материалов, рассматривается германская политика мобилизации и привлечения представителей народов Поволжья и Приуралья под знамена «Третьего рейха» [11]. В 2009 г. публикуется вторая монография этого автора, посвященная одному из восточных изменнических формирований в составе вермахта – истории Волго-татарского легиона «Идель-Урал». Попытки «реабилитации» этнического коллаборационизма кавказско-тюркских формирований, создававшихся германским вермахтом с различной степенью «успешности» их использования нередки, они находят отражение в историографии. И. А. Гилязов пишет, что «почти никто из советских коллаборационистов не был убежденным национал-социалистом. Идеи национал-социализма для советских граждан оставались мало привлекательными. Потому они и уповали, в основном, на военную мощь Германии, полагая, что такой союз будет временным, что в скором будущем они смогут избавиться от политического опекуна Третьего рейха» [12].

Встречающиеся в историографии «примеры двойного стандарта» в оценках причин, проявления и масштабов коллаборационизма не редки в силу целого ряда причин, что свидетельствует в том числе о необходимости дальнейшей разработки этого сложного многоаспектного социального явления [13]. Особый

интерес к изучению татарского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны в советской историографии был связан с признанием героизма старшего политрука Мусы Мустафовича Залилова, сегодня широко известного Героя Советского Союза – поэта под псевдонимом Муса Джалиль. Его имя до 1956 г. не упоминалось в литературе, так как он в 1946 г. органами государственной безопасности был несправедливо обвинен в сотрудничестве с нацистами в составе коллаборационистского комитета «Идель-Урал». Объяснялось это тем, что выжившие в плену в нацистских концлагерях некоторые военнопленные «свидетельствовали», что «сотрудник комитета «Идель-Урал» Муса Джалиль агитировал вступать в восточные батальоны вермахта», то есть был пособником нацистов [14]. На самом деле мужественный сын татарского народа, в результате тяжелого ранения попавший в плен летом 1942 г., стал одним из организаторов коммунистического подполья в коллаборационистском легионе «Идель-Урал». 25 августа 1944 г., пройдя фашистские застенки Латвии, Литвы, Польши, Германии, 38-летний старший политрук 2-й ударной армии Муса Джалиль был казнен на гильотине в военной тюрьме Плётцензея в Берлине [15]. Свидетельством нестигаемого мужества этого человека стала в том числе его «Моабитская тетрадь», в которой опубликованы 93 стихотворения поэта, написанные в концлагере – свидетельства его стойкости и верности присяге [16]. Пронзительные строки одного из них Муса Джалиль написал в ноябре 1943 г.:

«Увы, не тысячу, а только сто в сраженье
Я уничтожить смог подобных палачей.
За это, возвратясь, я попрошу прощенья,
Колена преклонив, у Родины моей».

К 115-й годовщине со дня рождения Мусы Джалиля вышла монография Р. Мустафина, посвященная жизни поэта, его биографии и перипетиях памяти о тяжелой героической и одновременно трагической военной действительности, в которой могла затеряться или исказиться судьба одного человека [17].

В новейшей отечественной историографии в связи с появлением новых источников и применением современных методик обозначился рост исследовательского интереса к социальной истории периода Великой Отечественной войны, особенно к ее культурно-ментальным и социально-психологическим аспектам. Несомненно, определяющее значение для более глубокого и детального исследования истории войны имело рассекречивание архивных фондов и публикации сборников документов.

В 2011 г. вышла из печати монография член-корреспондента РАН, доктора юридических наук В. С. Христофорова «Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг.», вызвавшая интерес

не только специалистов – историков и правоведов, но и широкой читательской аудитории [18].

Проблема коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны получила развитие в новейшей российской историографии. Выстроились различные оценки уровня, форм и масштабов этого социального явления. Высказываются разные точки зрения на типологию и формы проявления коллаборационизма, его особенности, мотивацию поступков и причинно-следственные связи истории социальных отношений в предвоенный период и в экстремальных условиях войны. Это касается не в последнюю очередь масштабов коллаборационизма в СССР военного периода: тема активно дебатруется в исследовательском дискурсе отечественных и зарубежных историков. Дискуссионным остается вопрос о численности добровольцев сражавшихся с оружием в руках в рядах вермахта и СС, а также так называемых «хиви» (Hilfwillige, нем. – добровольный помощник). Авторами приводятся статистические сведения, в которых цифры порой существенно различаются. Согласно данным, содержащимся в послевоенной советской печати, численность военнопленных, пошедших на службу нацистской Германии, оценивалась в 1 млн чел. [19, с. 34–42]. Самой многочисленной категорией советских граждан, поступивших на службу германской армии, были так называемые «хиви»

В войну против Советского Союза руководством Третьего рейха было вовлечено до 2 млн чел. из оккупированных стран Европы. Из завербованных «добровольцев» создавались отдельные воинские формирования, в которые вошли представители Франции, Нидерландов, Дании, Норвегии, Хорватии, а также советские люди, оказавшиеся в плену или на оккупированной территории. Оценка их численности различается в исследованиях историков. В среднем в пехотной дивизии насчитывалось до 10% добровольцев, а в транспортных колоннах их количество доходило до половины численного состава. На довольствие они зачислялись, а их потери воинской частью не учитывались. Организационно «хиви» не входили в добровольческие формирования. Они зачислялись в части вермахта обслуживающим персоналом, ставились на довольствие, использовались в качестве подсобной рабочей силы в пищеблоках и ремонтных мастерских, шоферов, возниц и т. д. [2, л. 68–69].

Историографию Великой Отечественной войны обогатило статистическое исследование «Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил» под редакцией Г. Ф. Кривошеева. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер считал, что число безвозвратных потерь не входивших в вермахт воинских формирований достигало 40 % их общей численности. Однако, по мнению Г. Ф. Кривошеева, система учета потерь

контингента этих формирований неизвестна и определить их по немецким документам невозможно [21; 22].

По данным, опубликованным в издании «Война Германии против Советского Союза, 1941–1945» приводятся сведения, согласно которым в начале 1943 г. в вермахте «числилось до 400 тыс. «хиви» [23, с. 140]. По информации рейхскомиссариатов, в полицейских формированиях в 1943 г. числилось до 300 тыс. чел. [24, с. 157]. М. А. Гареев, доктор военных и исторических наук, военный теоретик, называл цифру общего количества коллаборационистов в 200 тыс. чел., подчеркивая, что в боевых вооруженных формированиях вермахта насчитывалось около 100 тыс. чел. [25, с. 42–52]. По данным американской Комиссии во главе с генералом Вудом, о результатах анализа сведений, содержащихся в документах германского Управления по делам военнопленных численность советских солдат и офицеров, завербованных в вермахт, суммарно составляла 100 тыс. чел. [26, с. 153–163]. Известный германский ученый, профессор Гейдельбергского университета К. Штрайт в своем объемном труде «“Они нам не товарищи...”». Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг.», впервые опубликованном на русском языке в 2009 г., высказывает точку зрения, согласно которой называемое в историографии количество советских людей, вступивших на путь политического сознательного коллаборационизма, составляло от 800 тыс. до 1 млн, не соответствует историческим реалиям [27]. Это издание, вызвавшее острые дискуссии в российской и германской историографии, признано хрестоматийным. Сведения о количестве погибших в немецких концлагерях советских военнопленных, опубликованные Штрайтом, считаются наиболее объективными и являются свидетельством преступной сути нацистского режима «Третьего рейха».

По данным, опубликованным руководителем Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института Российской истории РАН С. В. Кудряшовым, число участников активного военного сотрудничества составляло 250–300 тыс. чел. из 1 млн чел. общего состава коллаборационистов [28, с. 84–98]. С. И. Дробязко пишет, что коллаборационисты составляли 1,3–1,5 млн чел. Из них в добровольческих вспомогательных службах числилось 500–675 тыс. чел.; в полиции – 70 тыс. чел.; восстановительных батальонах – 80 тыс. чел.; казачьих формированиях – 55–60 тыс. чел.; в туркестанских и кавказских частях – 150 тыс. чел. [29, с. 131–133].

В новейшей российской историографии в связи с появлением новых источников и применением современных исследовательских методик обозначился рост научного интереса к соци-

альной истории Великой Отечественной войны, особенно к ее культурно-ментальным и социально-психологическим аспектам.

Особый интерес вызывают такие темы, как ментальные основы массового и индивидуального сознания, взаимоотношения общества и власти, духовный мир как комбатанта, так и труженика тыла, попавшего в пограничные условия несвободы: депортации, плена, положения «остарбайтеров» [30] и др. К этой тематике относится также влияние социальных аномалий на поведение человека в экстремальной ситуации войны, исследование различий в поведенческих моделях защитника родной земли и врага, захватчика, оккупанта.

История народов Северного Кавказа в военные годы в силу полиэтничности населения региона, а также нарушения прав ряда народов, выразившегося в несправедливой тотальной депортации, стала одной из наиболее сложных проблем в отечественной историографии. В национальных региональных исследованиях при обращении к прошлому разворачиваются полемики, наблюдаются политизированность и столкновение интересов различных этнических и социальных групп, что отмечается в историографии проблемы. Тема вклада в Победу над нацистской Германией народа Чечено-Ингушетии в 1941–1945 гг. нашла достойное отражение в современной отечественной исторической литературе.

Саратовский историк, известный российский ученый-исследователь А. П. Мякшев, высказывая основанную на верифицированных источниках собственную точку зрения о фактах доказанной коллаборации части представителей кавказско-тюркских, мусульманских народов, пишет: «В специальной литературе давно существует утверждение о том, что две трети из 18,5 тыс. призванных в действующую армию из Чечено-Ингушской АССР были добровольцами, что среди частей, прославившихся своей стойкостью и мужеством при защите Сталинграда, был 255-й отдельный чечено-ингушский полк. Правда о чеченцах будет не полной, если историк «забудет» о подвигах пулеметчика Ханпаши Нурадилова, снайпера Абухажи Идрисова, кавалериста Мовлида Висайтова и других чеченцев-героев. Нет ничего вредного и в историческом мифе о старшем лейтенанте чеченце Бурханове, которого некоторые издания называют последним защитником Брестской крепости, и в красивой легенде о сотне боевых офицеров-чеченцев, простоявших после депортации и приказа об увольнении всех чеченцев с фронта на Красной площади целый день и, благодаря вмешательству К. К. Рокоссовского, вновь отправленных воевать с врагом» [31, с. 114–117].

Согласимся с мнением А. П. Мякшева, который раскрывает тему с применением новей-

шей методологии исследования исторических процессов, основанной на применении синергетического подхода к анализу любого исторического явления. Неприемлема и недопустима также лакировка «неудобных» исторических фактов, как пишет автор, «ради сиюминутной политической выгоды» [31, с. 114]. Историческая справедливость требует отметить наличие проявлений элементов коллаборационизма практически на всех территориях, оккупированных германскими вооруженными силами [32].

В отечественной историографии достигнут определенный уровень выявления и освещения масштабов, форм выражения коллаборационизма на оккупированных территориях различных регионов Советского Союза, в том числе северокавказского [33, с. 147–168].

В апреле 1943 г. с началом освобождения советских территорий от нацистской оккупации издается Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». Уже в июле 1943 г. перед трибуналом Северокавказского фронта предстали 11 изменников Родины, служивших в Зондеркоманде 10-А. Из них 8 подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение, трое к каторжным работам сроком по 20 лет каждому [1, с. 779].

В ряде публикаций в северокавказской региональной историографии, в том числе трудах чеченских ученых, делается акцент на теме депортации и лишениях репрессированных соотечественников. Память как эстафета передается послевоенным поколениям, она стала основой идентичности ряда народов. Память как дань уважения предкам генетически определяет этнонациональную специфику менталитета представителей восточной цивилизации – кавказских народов.

Наряду с гордостью за достойный вклад в Победу и достижения осталась передаваемая молодому поколению как эстафета памяти незабываемая обида за несправедливость тотальной депортации «за предательство» в годы Великой Отечественной войны. Перспектива дальнейшего углубленного исследования темы лежит в плоскости привлечения и историко-ведческого анализа дополнительно выявленных и введенных в научный оборот новых групп источников и документов, которые позволят прийти к выводам концептуального характера.

Различного рода формы проявления коллаборации на временно оккупированной территории СССР имели место во всех захваченных районах страны. Согласимся с суждением С. Г. Осмачко, согласно которому далеко

не бесспорной является «классификация», предлагающая выделить «детский», «половой виды коллаборации». На самом деле «культурный», «духовный» интеллектуальный, «идеологический» виды коллаборационизма находят прямое отражение в такой форме, как политическая коллаборация [34, с. 230–241]. Из всех предложенных в историографии подходов наиболее оптимальным, по нашему представлению, является предложенная С. В. Кудряшовым типология коллаборационизма, в которой выделяются три основные формы: военное, политическое и экономическое сотрудничество.

Эти формы включают и некоторые более градуированные указанные выше дефиниции такого сложного социального феномена, как коллаборационизм. На временно оккупированной территории Советского Союза в 1941–1944 гг. развернулось движение Сопротивления – позиция всенародная борьба партизан и подпольщиков против германских оккупационных частей. Не дала ожидаемых результатов разработанная летом 1942 г. и одобренная самим Гитлером тактическая концепция германских оккупационных органов – провести так называемый «Кавказский эксперимент» с целью привлечения на свою сторону народов Кавказа. Провокационные листовки, фотоснимки, воззвания, обещания «свободы и благосостояния», создание национальных органов управления – все было пущено в ход для того, чтобы «умиротворить» горцев и казаков и добиться от них безропотного послушания оккупационной армии. Общий вывод, основанный на анализе верифицированных исторических источников, свидетельствует о том, что потерпели крах все попытки и ухищрения поборников «нового порядка» склонить советские народы, в том числе на Северном Кавказе, ко всеобщему коллаборационизму: этим амбициозным планам был противопоставлен народный подвиг [33, с. 147–168].

На наших глазах в западном общественном мнении вершится масштабная фальсификация, когда историческая панорама конца 1930 – первой половины 1940-х гг. фактически делится на два противоположных полюса. На одном – Третий рейх и СССР, роль которых в развязывании войны уравнивается, на другом – США и союзники по антигитлеровской коалиции, «защитники от мирового зла». Советский Союз, подвергшийся агрессии, и нацистская Германия – победители и побежденные – ставятся на одну доску.

В дискуссионном поле полемики историков, политологов и политиков историческая память используется как инструмент разжигания русофобии, ксенофобии, преследуется цель переформатировать массовое общественное сознание. Этой задаче подчинена в том числе коммеморативная практика и мемориальная политика,

направленная на войну с исторической памятью, позорные «победоносные сражения» с памятниками советским командармам, сокрушившим нацизм и освободившим в 1944–1945 гг. оккупированные Германией страны Европы. В Польше, Словакии, Литве, Латвии, Эстонии, Чехии и ряде других стран созданы «Институты национальной памяти», «Управления по расследованию преступлений коммунизма», «Музеи оккупации», «Музеи жертв нацизма и коммунизма» и т. п.

На Украине до недавнего времени оставшимся в живых воякам дивизии СС «Галичина» назначались дополнительные пенсии, день освобождения Львова 27 июля был объявлен «днем траура и закабаления московским режимом». Улица Александра Невского в Киеве теперь носит имя Андрея Шептицкого, митрополита, благословившего в 1941 г. дивизию СС «Галичина» на борьбу с Красной Армией.

Важность обращения к этой тематике вызвана активными попытками современных антироссийских сил трансформировать сложившиеся оценки ревизировать итоги Великой Отечественной войны. Сегодня подвергается аберрации достоверный исторический факт нашего вклада в Победу над нацизмом во Второй мировой войне, предать забвению который мы не имеем права. Красная Армия освободила от германского нацизма 120 млн чел., проживавших в 16-ти независимых на настоящий момент странах Европы. В освобождении еще 6-ти стран Советские Вооруженные силы участвовали вместе с союзниками. Свыше 7 млн советских воинов 15 месяцев вели бои за освобождение Европы. За это была заплачена непомерно высокая цена – свыше 1 млн чел. погибшими [35, с. 105–123].

Попытка преувеличить масштабы советского коллаборационизма, показать имеющие место в любой армии мира издержки в РККА как тотальные преступления «мстителей» преследуют цель переставить акценты в дихотомии «победитель – побежденный». Защита исторической правды о Великой Отечественной войне имеет колоссальное значение в условиях развернувшейся антироссийской информационной войны, в которой представляется искаженный образ СССР. Полное исследование и освещение истории Второй мировой и Великой Отечественной войны еще далеко от завершения. Продолжается изучение этого глобального масштаба события в истории стран, выявляются и вводятся в научный оборот новые документы и факты, которые становятся доступными для исторического сообщества.

В этом контексте представляется необходимым подчеркнуть важность доступности новых архивных документов и материалов, в том числе немецких.

Значительный вклад в развитие источниковедения истории периода Второй мировой и Великой Отечественной войны вносят сотрудники Германского исторического института в Москве (ГИИМ), в частности Маттиас Уль, (Matthias Uhl) – доктор исторических наук, автор монографий и статей на русском и немецком языках, соавтор сборников, принявший активное участие в реализации российско-германского проекта по оцифровке (дегитализации) немецких документов в архивах Российской Федерации. В Бундесархиве в Германии, по оценке доктора Маттиаса Уля, крайне мало документов о «восточной кампании». Крупнейшим архивохранилищем нашей страны является Федеральное государственное казенное учреждение «Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации» (ЦАМО РФ), в котором находится на хранении 20 244 243 архивных дела, в том числе 60 477 024 единицы хранения военно-медицинских документов. Из этого количества 10 951 948 дел относятся к периоду Великой Отечественной войны. Архив документов нацистской Германии в ЦАМО состоит из 28 тыс. дел общим объемом 2,5 млн листов. Здесь, кроме немецких, хранятся японские, итальянские, румынские, финские документы. На некоторых делах стоят штампы спецслужб США, которые, по всей видимости, были переданы СССР в рамках сотрудничества союзных войск. Большая часть – это военные документы, дневники, отчеты об операциях, доклады, даже альбомы с фотографиями, из которых историки узнают больше о повседневной жизни на оккупированных нацистами территориях, а также о судьбе многих советских военнопленных. Для оцифровки архива Фонд имени Макса Вебера выделил почти 2,5 млн евро, на которые были приобретены высокотехнологичные сканеры и другая техника для дегитализации. Сегодня оцифрованные документы нацистской Германии из Центрального архива Министерства обороны России размещены в сети Интернет.

Становятся доступными для современных исследователей оцифрованные или готовящиеся к дегитализации документы федеральных государственных архивов РГВИА, МИД, ФСБ России. Эти поистине бесценные свидетельства документальной памяти советского народа и его роль в Победе над нацистской Германией в величайшей из войн позволят значительно расширить источниковую базу исторической науки [36].

Взаимодействие общества и власти в условиях жесточайшего противостояния с противником в 1941–1945 гг. в целом, а также такое недостаточно изученное и наиболее сложное для анализа социальное явление, как коллаборационизм, вызывают особый интерес и внимание в силу целого ряда обстоятельств. В современных условиях этот интерес обусловлен актуализацией

проблемы опасности возрождения нацизма, активными попытками фальсификации исторических реалий и непреходящей значимостью вклада народов СССР в Победу над нацистской Германией. Эта далеко не безобидная тенденция преследует конкретные политические цели подорвать основы национальной государственной безопасности Российской Федерации, базовой ценностью единения народов которой является гордость за вклад СССР в победу над Третьим рейхом и его сателлитами.

Проявления и особенности индивидуального и общественного сознания человека в экстремальных условиях периода Великой Отечественной войны нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании. Итоги войны показали, что желание сохранить свою жизнь любой ценой и пойти на сотрудничество, в том числе дать присягу «на верность Гитлеру и великой Германии» (военный коллаборационизм), определяло общественное сознание незначительной части советских граждан. Когда возникают крайне радикальные суждения и оценки состояния советского общества в годы войны, на вопрос «кто же победил сильного, беспощадного и коварного врага?» ответ один – народы СССР, объединенные усилиями воли. Великая Отечественная война явила миру поразительные образцы стойкости, невиданного в мировой истории героизма воинов и тружеников тыла, всех народов СССР, в том числе Кавказа, которые оставили немеркнущую память в сознании послевоенных поколений. Остается актуальной задача не позволить исказить эту Память во имя сохранения мира на планете.

Список литературы

1. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 863 с.
2. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород : Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009. 371 с.
3. Кудряшов С. В. «О проекте, посвящённом истории Великой Отечественной войны. Оценить готовность, подсчитать потери». URL: <https://historyrussia.org/polemika/intervyu-s-istorikami/otsenit-gotovnost-podschatat-poteri.htm> (дата обращения: 30.11.2022).
4. Малышева Е. М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке: Война 1941–1945 годов: современные подходы / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Наука, 2005. С. 305–339.
5. Хисамутдинова Р. Р. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе // Вестник Оренбургского госу-

- дарственного педагогического университета. 2013. № 7. С. 117–125.
6. Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М. : Центрполиграф, 2012. 479 с.
 7. Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма : сборник / ред.-сост. Д. А. Жуков, И. И. Ковтун, Ф. Л. Синицын, Б. Н. Ковалев, С. И. Дробязко, Х. Куберский, А. А. Самцевич, А. Н. Белков, И. В. Грибков, С. А. Митрофанов. М. : Пятый Рим, 2020. 464 с.
 8. Золотарев В. А. Значение 50-томного документального труда «Русский архив: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Документы и материалы» для дальнейшего исследования проблем Великой Отечественной войны // Информационный бюллетень «Вестник архивиста». 2000. № 3–4. С. 63–70. URL: http://portal.rusarchives.ru/publication/vestnik/1991_ (дата обращения: 5 октября 10.2023).
 9. Боффа Джузеппе. История Советского Союза : в 2 т. Т. 2 : От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. / пер. с итал., 2-е изд. М. : Международные отношения, 1994. 632 с.
 10. Ганс Вернер Нойлен. «Европа и Третий Рейх». Проекты объединения германских властных структур 1939–45 годов. Мюнхен, 1987. URL: <https://www.yandex.ru/search> (дата обращения: 01.12.2022).
 11. Гилязов И. А. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «Третьего рейха». Казань : Татарское книжное издательство, 2005. 383 с.
 12. Гилязов И. А. Легион «Идель-Урал». М. : Вече, 2009. 304 с.
 13. Черепанов М. «Легионеры «Идель-Урала» в 1943–1944 г. спасли не только свою честь, но и честь народов Поволжья». URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/56975-legionery-idel-urala-v-1943-1944-godah-spasli-ne-tolko-svoyu-chest-no-i-chest-narodov-povolzhya> (дата обращения: 14.08.2023).
 14. Легион «Идель-Урал»: попытки реабилитации коллаборационизма среди татар в годы Великой Отечественной войны в Татарстане в постсоветский период // Татарские историки увлеклись оправданием военных преступников. URL: <https://posredi.ru/tatarskie-istoriki-uvleklis-opravdaniem-voennyh-prestupnikov.html> (дата обращения: 21.08.2023).
 15. Муса Джалиль «Единство слова и поступка» // Гатчинская правда. URL: <https://gtn-pravda.ru> (дата обращения: 21.08.2023).
 16. Тетрадь из Моабита. Последний подвиг Мусы Джалиля. URL: https://aif.ru/culture/person/tetrad_iz_moabita_posledniy_podvig_musy_dzhalilya (дата обращения: 21.08.2023).
 17. Мустафин Р. А. По следам оборванной песни. Казань : Татарское книжное издательство, 2004. 399 с.
 18. Христоворов В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М. : Издательство Главного архивного управления г. Москвы, 2011. 432 с.
 19. Брычков А. С., Карпенко В. П. Коллаборационизм: причины, признаки и определения // Военно-исторический журнал (ВИЖ). 2019. № 6. С. 34–42.
 20. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 500 (Трофейные немецкие документы). Оп. 12462. Д. 9.
 21. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
 22. Кривошеев Г. Ф., Андронников В. М., Гуркин В. В. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь / ред. Г. Ф. Кривошеев, А. В. Кириллин. М. : Вече, 2021. 384 с.
 23. Война Германии против Советского Союза, 1941–1945. Документальная экспозиция / под ред. Р. Рюрупа. Берлин : Argon, 1992. 288 с.
 24. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. / гл. ред. В. А. Золотарев (сопред.), Г. Н. Севастьянов (сопред.), В. П. Зимонин (отв. секр.). М. : Наука, 1999. Кн. 3. 510 с.
 25. Гареев М. А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 42–52.
 26. Дробязко С. И., Романько О., Семенов К. Иностранные формирования Третьего рейха. 2-е изд. М. : АСТ ; Астрель, 2011. 964 с.
 27. Штрайт К. «Они нам не товарищи...». Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / пер. с нем. И. Дьяконова ; предисл. и ред. И. Настенко. М. : Русское историческое общество ; Русская панорама, 2009. 480 с.
 28. Кудряшов С. В. Предатели, «освободители» или жертвы режима: советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 84–98.
 29. Дробязко С. И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых : сборник статей студентов, аспирантов, молодых ученых / отв. ред. Н. А. Кирсанов. М. : Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 1997. С. 131–133.
 30. Гаража Н. А. «Восточные рабочие»: труд и повседневная жизнь советских граждан в третьем рейхе. 1941–1945. М. : Прометей, 2022. 264 с.
 31. Мякишев А. П. Коллаборационизм на Северном Кавказе: историческая правда или исторический миф? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 114–117.
 32. Нансо Н. Т. На чужой стороне. Восточные легионы вермахта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / науч. ред. Е. М. Малышева. Краснодар : Мир Кубани, 2006. 208 с.
 33. Малышева Е. М. Идеологическое противостояние СССР и нацистской Германии в 1941–1945 гг.: воспи-

- тание ненависти к врагу // Вестник архивиста. 2015. № 2. С. 147–168.
34. *Осьмачко С. Г.* Советский коллаборационизм (1941–1945 гг.): актуальность дефиниции и социокультурный дискурс // Верхневолжский философский вестник. 2019. № 3 (18). С. 230–241.
35. *Малышева Е. М.* Искажение роли РККА в освобождении стран Центральной и Восточной Европы в современной европейской политике памяти // Известия Воронежского государственного педагогического университета (ВГПУ). Серия : «Педагогические науки», «Гуманитарные науки», «Психологические науки». 2020. № 2 (287). С 105–123.
36. Министерство обороны Российской Федерации [сайт Центрального архива]. URL: https://archive.mil.ru/archival_service/central/history.htm (дата обращения: 14.08.2023).

Поступила в редакцию 08.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 08.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 34–39
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 34–39
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-34-39>, EDN: ANBXBD

Научная статья
УДК 94(410)|13|+929 Анна Богемская

Анна Богемская – королева Англии

А. Н. Галямичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, Galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, AuthorID: 1131371

Аннотация. В статье рассматривается история династического брака короля Англии Ричарда II и дочери короля Чехии и императора Священной Римской империи Карла IV Анны Богемской, анализируются ее роль в жизни Английского королевства, а также исторические последствия династического брака для развития Англии и Чехии.

Ключевые слова: Анна Богемская, Ричард II, династический брак, чешско-английские связи в Средние века

Для цитирования: Галямичев А. Н. Анна Богемская – королева Англии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 34–39. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-34-39>, EDN: ANBXBD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Anne of Bohemia – Queen of England

A. N. Galyamichev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander N. Galyamichev, Galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, AuthorID: 1131371

Abstract. The article examines the history of the dynastic marriage of King Richard II of England and the daughter of the Bohemian King and Holy Roman Emperor Charles IV Anna of Bohemia, analyzes her role in the life of the English kingdom, as well as the historical consequences of the dynastic marriage for the development of England and the Bohemia.

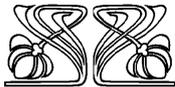
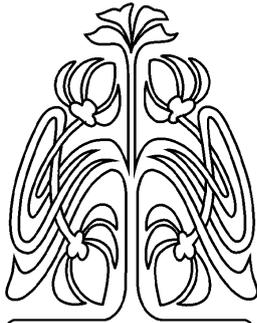
Keywords: Anna of Bohemia, Richard II, dynastic marriage, Czech-English relations in the Middle Ages

For citation: Galyamichev A. N. Anne of Bohemia – Queen of England. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 34–39 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-34-39>, EDN: ANBXBD

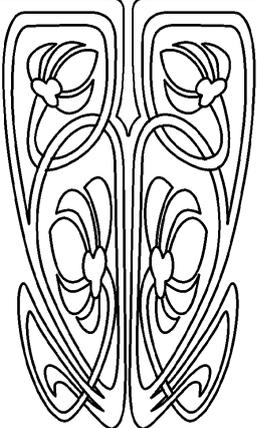
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исторические судьбы Чехии и Англии в Средние века долгое время почти не пересекались. В силу географической удаленности стран друг от друга, особенно труднопреодолимой в те времена, прямые контакты между ними были весьма редкими. Именно поэтому каждый такого рода пример заслуживает специального рассмотрения.

© Галямичев А. Н., 2024

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Анна Богемская, дочь короля Чехии и императора Священной Римской империи Карла IV Люксембурга и его четвертой и последней жены Елизаветы Померанской, родившаяся 11 мая 1366 г. в Праге, была королевой Англии недолго, всего 12 лет (с 1382-го по 1394 г.), однако известные историкам факты дают основания для вывода о том, что она успела оставить достаточно глубокий след в истории Англии. Брак Ричарда II и Анны Богемской был следствием сложной дипломатической борьбы европейских дворов на рубеже 1370–1380-х гг. Важнейшими факторами выступали при этом незавершенная Столетняя война и Великая папская схизма (раскол), продолжавшаяся с 1378 по 1417 г. В этот период в западной церкви было одновременно два (а после Пизанского собора 1409 г. – три) первосвященника, претендовавших на роль ее главы.

Начало расколу в церкви было положено в 1378 г., когда после смерти папы Григория XI 8 апреля в Риме был избран папа Урбан VI, избравший Вечный город своей резиденцией, намереваясь тем самым положить конец «Авиньонскому пленению пап». Не признавшие законность избрания Урбана VI французские кардиналы избрали папой Климента VII, резиденцией которого продолжал служить южнофранцузский Авиньон [1, с. 179–184]. Раскол в церкви сопровождался и усугублялся обострением противоречий в сфере международных отношений вследствие затянувшейся Столетней войны. Государства-союзники Франции (Кастилия, Арагон, Шотландия) признали законность власти Климента VII, в то время как Англия и страны Центральной Европы поддержали избрание Урбана VI. Наиболее могущественным из признававших подлинным наместником Святого Петра Урбана VI правителем Европы был император Священной Римской империи и король Чехии Вацлав IV Люксембург, коронованный еще при жизни отца, проницательного политика и тонкого дипломата Карла IV, который скончался через несколько месяцев – 29 ноября 1378 г. – и поддержал его избрание, а Вацлав IV, утвердившись на императорском престоле, пытался продолжать политику отца. Союз с императором представлялся английскому двору перспективным направлением международной политики, поэтому иные варианты брачного союза юного короля Англии, родившегося 6 января 1367 г. (в том числе брак с дочерью правителя Милана Бернабо Висконти Катериной), были отвергнуты. В свою очередь, Вацлав IV отказался от заключенного еще в 1373 г. договора о помолвке Анны и сына маркграфа Мейссена и ландграфа Тюрингии Фридриха III Хромого [2, с. 70, 76–77].

Важную роль при подготовке к заключению династического брака сыграл папа Урбан VI, который отправил в Прагу опытного дипломата

кардинала Пьетро Пилео да Прата, сумевшего убедить 18-летнего императора Вацлава IV в благотворности отказа от прежнего союза с Францией и сближения с Англией, после чего начались переговоры между чешским и английским дворами [3, с. 56].

Первое посольство из Чехии прибыло в Англию 28 марта 1380 г. [4, с. 94], а окончательный договор о браке был заключен 2 мая следующего, 1381 г. [5, с. 87].

Британия не очень гостеприимно приняла юную принцессу из далекой Чехии. Хронисты указывают на тревожные природные предзнаменования, которые сопровождали вступление Анны Богемской на английскую землю. Так, Рафаэль Холиншед сообщает, что как только невеста короля и сопровождавшая ее свита покинули корабль в Дувре, разразилась страшная буря и разбила корабль в мелкие щепки, которые были видны на море вплоть до прибытия принцессы в Лондон [6].

Современные английские хронисты отметили недовольство, вызванное тем, что чешская принцесса не принесла достойного приданого [7, р. 170; 8, р. 24]. Напротив, юный английский король Ричард II выплатил брату Анны королю Чехии и императору Священной Римской империи Вацлаву IV 20 тыс. фунтов стерлингов.

Династический брак не оправдал в полной мере надежд его вдохновителей, однако его все же можно признать удачным: Анна Богемская сумела со временем завоевать симпатии как в придворной и аристократической среде, так и в широких слоях английского общества, стала оказывать заметное влияние на политику короля, особенно после смерти матери Ричарда II Джоанны Кентской, последовавшей 14 августа 1385 г.

Среди английских подданных Анна снискала славу «народной заступницы». Едва ступив на английскую землю в декабре 1381 г., Анна просила Ричарда II помиловать участников восстания Уота Тайлера, вспыхнувшего 30 мая того же года, спустя месяц после заключения соглашения о браке между английским королем и чешской принцессой (2 мая).

10 лет спустя, в 1392 г., Анна вновь ходатайствовала перед королем в связи с менее известными и не столь значительными событиями, которые тем не менее сыграли немаловажную роль в истории правления Ричарда II. На этот раз королева просила венценосного супруга сменить гнев на милость по отношению к жителям столицы королевства.

Лондонцы, продолжая активно заниматься кредитной деятельностью, отказали в предоставлении займа королю. В ответ на это Ричард II изгнал из Лондона мэра и шерифа, покинул столицу и вместе с двором и королевской администрацией перебрался в Йорк.

Придя к королю с повинной и преподнеся в качестве подарка 10 тыс. фунтов стерлингов, лондонцы при заступничестве королевы получили прощение, а торжественный въезд Ричарда II в столицу стал сюжетной основой одного из произведений современника событий, монаха-кармелита Ричарда Мэйдстоуна – латинской поэмы «Согласие, учинённое между королём и горожанами Лондона» [9].

Королева неоднократно пыталась смягчить наказания попадавших в королевскую немилость видных политических деятелей, которым грозили суровые кары импульсивного, скорого на расправу Ричарда II (отметим, что не всегда успешно: если благодаря ее просьбам вынесенный в 1384 г. мэру Лондона Джону Нортгемптону смертный приговор был заменен пожизненным заключением, то ходатайство за Саймона Бёрли, бывшего воспитателя Ричарда II, осужденного Беспощадным парламентом 1388 г., осталось безрезультатным).

Нет оснований говорить о направляющей роли королевы во внешней и внутренней политике Англии, однако общепринятым является мнение, согласно которому Анна Богемская неизменно оказывала благотворное влияние на политику Ричарда II, удерживая его от непродуманных и недальновидных решений, поскольку обладала ровным и сильным характером, воздействие которого определялось возникшим между юными супругами (в момент свадьбы обоим было по 15 лет) глубоким чувством взаимной любви и привязанности.

Анна Богемская не родила наследника престола, хотя ее молодой возраст оставлял надежду до самых последних дней жизни чешской принцессы. Она умерла от чумы 7 июня 1394 г. в возрасте 28 лет. Отражая восприятие ее смерти современниками, Ившемская хроника писала: «Эта королева, хотя и не родила детей, способствовала росту славы и богатства королевства, насколько это было в ее силах. И знатные, и простые люди претерпели немало страданий после ее смерти» [10, р. 134].

Смерть любимой супруги стала страшным потрясением для Ричарда II. В порыве гнева он приказал разрушить замок Шин, где прошли последние дни и часы ее жизни [7, р. 292]. Память о ней он хранил до конца своих дней, несмотря на повторный брак с французской принцессой Изабеллой Валуа. Ричард II был погребен в Вестминстерском аббатстве рядом с Анной в специально построенной по его приказу парной гробнице – первой такого рода усыпальнице в истории средневековой Англии. Украшавшие гробницу скульптурные портреты усопших правителей имели одну очень показательную деталь: в правую руку короля была вложена рука правая королевы как символ любви, не подвластной беспощадному времени [11, s. 135–136].

Возможно, это нововведение было осуществлено не без влияния чешских образцов – знаменитых гробниц чешских правителей, созданных в мастерской выдающегося архитектора и зодчего Петра Парлержа, руководившего в годы правления Карла IV и его сына Вацлава IV строительством пражского кафедрального собора святого Вита. Такое предположение вполне вписывается в контекст приводимых исследователями примеров влияния чешской принцессы, отличавшейся редкой красотой и безупречным вкусом, не только на повседневную жизнь английской знати и двора [12]. Принято, в частности, считать, что именно Анна Богемская ввела в обиход знатных англичанок дамское боковое седло для верховой езды, более безопасное и изящное, нежели традиционное седло [13, р. 309].

Воспитанная при дворе Карла IV, который являлся одним из важнейших центров духовной жизни Европы середины XIV в., Анна оставила заметный след в религиозной жизни Англии, оказав влияние на распространение в стране культа святой Анны, а в какой-то мере – на развитие идей ранней реформации. По крайней мере, в трактате Джона Виклифа «*De triplici vinculo amoris*» (1383), завершавшего труд по переводу Библии на английский язык, содержится упоминание о том, что «возможно, благородная королева Англии, сестра императора, имеет Евангелие на трёх языках: а именно на чешском, немецком и латинском» «*Nam possibile est, quod nobilis regina Anglie, soror cesaris, habeat ewangelium in lingwa triplici exaratum, sclicet in lingwa boemica, in lingwa teutonica et latina*» [14, р. 168].

Анна Богемская, по мнению специалистов, оказала также большое влияние на развитие английского искусства. Наиболее ярким свидетельством этого принято считать появившуюся вскоре после ее коронации, около 1383 г., богато иллюстрированную рукопись «*Liber Regalis*», отмеченную, по оценкам специалистов, следами влияния чешской книжной миниатюры, а также знаменитый диптих Уилтона, датируемый серединой 1390-х гг. – выдающийся памятник средневековой английской живописи [15], художественные достоинства которого созвучны творческим исканиям мастеров так называемого «прекрасного стиля», работавших в Чехии при дворе Карла IV и обогативших европейское искусство выдающимися шедеврами.

Нельзя, наконец, не сказать и о знаменитой короне принцессы Бланш – старейшей из сохранившихся до наших дней английских королевских корон, известной также как Богемская, или Пфальцская корона [16]. Свое наиболее известное название корона получила от имени принцессы Бланш Английской, дочери короля Генриха IV, которая была в 1402 г.

выдана замуж за курфюрста Пфальцского Людвига III из рода Виттельсбахов.

Большинство исследователей полагают, что первоначально корона принадлежала Анне Богемской, что подтверждается данными письменных источников, включая список королевских драгоценностей, составленный после свержения Ричарда II с престола в 1399 г.

В момент коронации Анны Богемской корону украшали 91 жемчужина, 63 рубина, 47 сапфира, 33 бриллианта и 5 изумрудов. Впрочем, ее ценность определяется не этим избытком драгоценных камней, а выдающимися художественными достоинствами. Состоящая из 12 шестиугольных розеток в основании, от каждой из которых восходит изящный золотой стебель, венчаемый лилией, корона принцессы Бланш представляет собой одну из вершин западноевропейского ювелирного искусства эпохи готики. Предположительно корона была изготовлена в Праге около 1370 г. в духе ведущих тенденций развития прикладного искусства Западной Европы последней четверти XIV в.

Особый сюжет представляет собой место Анны Богемской в творчестве ее великого английского современника – писателя Джеффри Чосера. Уже по поводу сватовства Ричарда II к чешской принцессе Чосер, тесно связанный с королевским двором, написал поэму «Птичий парламент» в жанре полуаллегорических «видений». С этим произведением принято связывать истоки современного романтического восприятия исключительно популярного в странах Западной Европы и США Дня святого Валентина [17, 18]. В поэме Чосера нашло отражение народное поверье, что в середине февраля в день святого Валентина (в этот день была закончена поэма) птицы начинают поиски своей пары. Имеются в виду следующие строки:

Зане был день Святого Валентина,
Когда пернатые вступают в брак;
Толь дивная открылась мне картина!
Лесной, речной, морской явился всяк
Летун – и сборище кричало так,
Что дебри, мне почудилось, тряслись,
И мнилось, будто содрогалась высь [19].

Принято считать, что Чосер воспел красоту Анны Богемской в эпической поэме «Троил и Крессида», написанной в середине 1380-х гг., где она выступает под псевдонимом «А»:

Крессида же во вдовьем черном платье
На торжество явилась без прикрас;
Но так же верно, как могу сказать я,
Что «А» – из литер первая у нас,
Так всех она затмила в этот раз:

И темень траурного покрывала
Ее красы лучистой не скрывала.
С другими не вступая в разговор,
Она вошла в святилище Афины
Стопой бесшумною, потупив взор, –
Прекрасней в мире не было картины!
Смирненно встала за чужие спины
И так стояла в стороне одна,
Спокойного достоинства полна [20].

Когда Анна стала королевой, в круг обязанностей Джеффри Чосера на службе при дворе вошла обязанность развлекать своими рассказами королеву.

Исследователи сходятся во мнении, что именно для развлечения Анны Богемской Чосер написал в середине 1380-х гг. поэму в жанре видения «Легенда о добрых женщинах». В прологе героиня древнегреческой мифологии Альцеста (как полагают специалисты, прототипом последней была Анна Богемская) задает писателю вопрос: почему он в «Троилеи Крессиде» представил женщин неверными и слабыми? Отвечая на него, Чосер поведал историю десяти добродетельных женщин античной эпохи: Клеопатры, Фисбы, Дидоны, Гипсипилы, Медеи, Лукреции, Ариадны, Филомелы, Филлиды, Гипермнестры. По преданию Альцеста, дочь царя Пелия, славившаяся необычайной красотой, выйдя замуж за царя Фессалии Адмета, добровольно пожертвовала собою ради спасения супруга, которому богини судьбы обещали долгую жизнь в том случае, если кто-нибудь принесет себя за него в жертву. Но жертва Альцесты не была принята владычицей царства мертвых Персефоной, а в награду Альцеста и Адмет прожили долгую и счастливую жизнь. Альцеста же стала эталоном самоотверженной и добродетельной супруги [21, р. 46–49].

Исследователи английской литературы склонны полагать, что, выступая в качестве первого критика произведений Чосера 1380-х гг., Анна оказывала влияние на развитие его творчества. Нельзя, наконец, не отметить, что, выполняя службу при королеве, Чосер ради ее развлечения начал писать свой величайший шедевр, вошедший в историю мировой литературы, – «Кентерберийские рассказы» [22, с. 366].

В заключение нельзя не остановиться на естественно возникающем вопросе о том, не оказал ли династический брак Ричарда II и Анны Богемской какого-либо влияния на историю Чехии.

На этот вопрос следует дать положительный ответ, причем, возможно, восшествие чешской принцессы на английский престол имело для Чехии гораздо более существенные последствия, чем для Англии.

Вполне вероятно, что уже несколько сопровождавших Анну на пути в Англию и присутствовавших на торжественной церемонии королевского бракосочетания представителей чешской аристократии поступили в университеты Оксфорда и Кембриджа. Но в любом случае установление регулярных связей между английским и чешским королевскими дворами [23, с. 11–12] способствовало притоку студентов из Чехии в знаменитые британские центры науки и образования в 1380–1390-е гг. Наиболее значимым непосредственным результатом этого стало знакомство с реформационным учением Джона Виклифа, взгляды и сочинения которого оказали большое (а, по мнению многих исследователей прошлого и настоящего, – определяющее) влияние на формирование идеологии гуситского движения и на самого его основоположника – Яна Гуса [24, с. 11–39; 25].

На страницах «Истории Чехии» [26, с. 72] отмечается, что «первое знакомство с философскими произведениями Виклифа в Пражском университете относится к 1391 г.». Особо важную роль в распространении в Чехии сочинений Виклифа принято признавать за Иеронимом Пражским, который в 1399 г. после получения степени бакалавра в Праге совершил путешествие в Оксфорд, где находился, по всей вероятности, с весны 1399 г. до февраля 1401 г. [27, р. 16] и собственноручно переписал основополагающие сочинения Виклифа «Диалог» и «Триалог», в которых были изложены наиболее важные моменты учения английского реформатора [27, р. 17], и привез эти копии в Прагу. При этом очевидно, что в период своего пребывания в Англии Иероним Пражский имел возможность опереться на сложившиеся в предшествующее время традиции обучения чешских студентов в английских университетах.

Гуситская эпопея занимает центральное место не только в средневековой истории Чехии, но и на всем многовековом пути исторического развития чешского народа, а английская королева Анна Богемская, по всей вероятности, в определенной мере причастна к складыванию предпосылок этого выдающегося явления истории Чехии и Европы.

Список литературы

1. Лозинский С. Г. История папства. М. : Политиздат, 1986. 382 с.
2. Spěváček J. Václav IV: K předpokladům husitské revoluce: 1361–1419. Praha : Svoboda, 1986. 773 s.
3. Čechura J., Hlavačka M., Mikulec J. Děti a levobočci českých králů. Praha : Akropolis, 1995. 207 s.
4. Bejblík A. Shakespeare a dobrá královna Anna. Praha : Vyšehrad, 1989. 210 s.
5. Saul N. Richard II. New Haven : Yale University Press, 1999. 416 s.
6. Holinshed's Chronicles of England, Scotland, and Ireland. 1807 edition. Vol. II of VI. Part 12 of 12. Richard II. URL: <https://www.gutenberg.org/files/52147/52147-h/52147-h.htm> (дата обращения: 18.09.2023).
7. The Chronica Maiora of Thomas Walsingham, 1376–1422 / eds. D. Preest, J. G. Clark. London : Boydell Press, 2009. 480 p.
8. The Westminster Chronicle: 1381–1394. Oxford : Clarendon Press, 1982. 563 p.
9. Маслов А. Н. Несчастливая «Новая Троя»? К интерпретации латинской поэмы о примирении короля Ричарда II с лондонцами // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2013. № 4, вып. 3. С. 88–99.
10. Historia Vitae et Regni Ricardi II / ed. G. B. Stow. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1977. 228 p.
11. Urbánek R. Anna Anglická, «dobrá královna» // Královny, kněžny a velké ženy české / ed. K. Stloukal. Praha : J. R. Vilimek, 1941. S. 128–137.
12. Норвич Дж. История Англии и шекспировские короли: [какие они были на самом деле]. М. : АСТ, 2013. 414 с.
13. Strickland A. Lives of the queens of England from the Norman conquest: With anecdotes of their courts: Now first published from official records and other authentic documents, private as well as public. Philadelphia : Lea & Blanchard, 1841. 348 p.
14. Wiclif J. De triplici vinculo amoris // John Wiclifs Polemical Works in Latin. Vol. 1 / ed. R. Buddensieg. London : Published for the Wyclif society by Trübner & Co, 1883. P. 151–198.
15. Scheiifele E. Richard II and the Visual Arts // Richard II. The Art of Kingship / eds. A. Goodman and J. Gillespie. Oxford : Clarendon press, 1999. P. 255–272.
16. Harper E. Pearl in the Context of Fourteenth-Century Gift Economies // The Chaucer Review. 2010. Vol. 44, № 4. P. 421–439.
17. Oruch J. D. St. Valentine, Chaucer, and Spring in February // Speculum. 1981. July. Vol. 56, № 3. P. 534–565.
18. Kelly H. A. Chaucer and cult of Saint Valentine. Leiden : E. J. Brill, 1986. 185 p.
19. Чосер Дж. Птичий парламент. URL: <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=6297&ysclid=lm0xbd0kog142565347> (дата обращения: 15.09.2023).
20. Чосер Дж. Троил и Крессида. URL: <https://facetia.ru/node/3536?ysclid=lmau97i5yr710539786> (дата обращения: 18.09.2023).
21. Thomas A. The Court of Richard II and Bohemian Culture: Literature and Art in the Age of Chaucer and the Gawain Poet. Cambridge : D. S. Brewer, 2020. 243 p.
22. Гарднер Д. Жизнь и время Чосера. М. : Радуга, 1986. 448 с.
23. Suchý M. Dobrá královna Anna Česká // Dějiny a současnost. 1999. Sv. 21. S. 8–12.

24. Рандин А. В. Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 1994. 130 с.
25. Wycliffism and Hussitism: Methods of Thinking, Writing, and Persuasion, с. 1360 – с. 1460 / eds. K. Ghosh, P. Soukup. Turnhout : Brepols, 2021. 443 p.
26. История Чехии / под ред. В. И. Пичеты. М. : Госполитиздат, 1947. 260 с.
27. Fudge T. A. Jerome of Prague and the Foundations of the Hussite Movement. New York : Oxford University Press, 2016. 379 p.

Поступила в редакцию 29.09.2023; одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 29.09.2023; approved after reviewing 17.10.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 40–48

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 40–48

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-40-48>, EDN: AJAUNU

Научная статья

УДК [94(44)+378.4(443.611)]|1453|

Дофин Людовик и Парижский университет: попытка перехвата власти во Франции в апреле – мае 1413 года

О. И. Нуждин

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Россия, 620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 4

Нуждин Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения, o.i.nuzhdin@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2127-4214>, AuthorID: 5068-2833

Аннотация. Данная статья посвящена изучению политического кризиса во Франции в начале 1413 г. Формулируется вывод, согласно которому болезнь короля Карла VI требовала реформы управления. Сформировались две тенденции – аристократическая (сохранение власти внутри рода Валуа, но с переходом ее в руки дофина Людовика) и демократическая (ограничение королевской власти через допуск к управлению людей незнатного происхождения). В первой половине 1413 г. дофин Людовик предпринял попытку захвата власти, чем спровоцировал восстание в столице. В свою очередь, Парижский университет использовал волнения, чтобы добиться у Карла VI подписания проекта реформ в форме «Ордонанса кабошьенов». Герцог Бургундии Жан Бесстрашный старался сохранить свое влияние на короля. В итоге попытки отстранения короля закончилась неудачей, и Карл VI сохранил за собой корону.

Ключевые слова: Столетняя война, Карл VI, дофин Людовик, Парижский университет, Жан Бесстрашный, восстание кабошьенов

Для цитирования: Нуждин О. И. Дофин Людовик и Парижский университет: попытка перехвата власти во Франции в апреле – мае 1413 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 40–48. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-40-48>, EDN: AJAUNU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dauphin Louis and the University of Paris: An attempt to seize power in France in April – May 1413

O. I. Nuzhdin

Ural Federal University, 4 Turgeneva St., Ekaterinburg 620083, Russia

Oleg I. Nuzhdin, o.i.nuzhdin@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2127-4214>, AuthorID: 5068–2833

Abstract. This article is devoted to the study of the political crisis in France at the beginning of 1413. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the illness of King Charles VI required government reform. Two trends emerged – aristocratic (preservation of power within the Valois family, but with its transfer into the hands of the Dauphin Louis) and democratic (limitation of royal power through the admission of people of humble origin to government). In the first half of 1413, the Dauphin Louis attempted to seize power, which provoked an uprising in the capital. In turn, the University of Paris used the unrest to get Charles VI to sign a reform project in the form of the Ordinance of Cabochins. The Duke of Burgundy, Jean the Fearless, tried to maintain his influence on the king. As a result, attempts to remove the king ended in failure, and Charles VI retained the crown.

Keywords: Hundred Years' War, Charles VI, Dauphin Louis, University of Paris, Jean the Fearless, Cabochin Rebellion

For citation: Nuzhdin O. I. Dauphin Louis and the University of Paris: An attempt to seize power in France in April – May 1413. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 40–48 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-40-48>, EDN: AJAUNU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Подписание в 1412 г. между орлеанистами и королем Карлом VI договоров в Бурже и Осере не привело к установлению окончательного мира, напротив, спровоцировало новый политический кризис. Он формировался в условиях противостояния англичанам, война с которыми требовала средств, и неэффективности государственного управления. Здесь столкнулись

интересы герцога Бургундии Жана Бесстрашного, положение которого опиралось на авторитет Карла VI, и молодого дофина Людовика, стремившегося к самостоятельному правлению.

Дофину Людовику уже исполнилось к тому времени 15 лет, то есть он достиг компетентного возраста и имел достаточно здравого смысла, чтобы самостоятельно разбираться в государ-

ственных делах [1, р. 335], и герцогу Бургундии Жану Бесстрашному приходилось с этим считаться [2, р. 98]. Юный принц желал, чтобы отныне дела велись в соответствии с его волей, ибо считал, что все, что происходит во Франции, касается его более всех остальных людей в королевстве, за исключением только Карла VI. Соперником дофина оставался герцог Бургундии, сохранивший свои властные позиции в Париже.

Свое отношение к Жану Бесстрашному дофин Людовик выразил тем, что содействовал погребению в Маркусси тела Жана де Монтагю, казненного врага герцога Бургундии [1, р. 301; 2, р. 98]. Оперу своей власти дофин стал формировать, привлекая на службу людей, находившихся вне влияния Жана Бесстрашного, или даже среди его врагов. Одним из них стал новый камергер Жак де Ла Ривьер, брата которого Жан Бесстрашный сместил в 1410 г. [3, р. 279–280]. В круг приближенных дофина вошли также герцоги Эдуард де Бар, Людвиг Бородатый, граф Филипп де Верту и «иные члены этого союза, которые, как говорилось, находились в Париже и очень часто навещали его, и не желали иного, кроме как занять управление» [1, р. 335]. Автор «Дневника парижского горожанина» называл среди наиболее влиятельных лиц в первую очередь брата королевы Людвиг Бородатого, а вслед за ним Эдуарда де Бара, Жака де Ла Ривьера и Пьера дез Эссара [4, р. 27–28, 59–60]. Среди приближенных дофина особенно выделялся Филипп де Верту, брат Карла Орлеанского и сын герцога Людовика, убитого в ноябре 1407 г. Он оказывал значительное влияние на дофина, который его «очень любил» (*aimait beaucoup*) [5, р. 33]. Опираясь на них, дофин мог обеспечить себе независимость в управлении.

Законодательную базу власти дофина обеспечивали ордонансы 1403 и 1407 гг. В соответствии с ними сын-наследник мог стать королем в любом возрасте, но только в случае смерти Карла VI. Утерянный ордонанс [3, р. 125] от 26 или 28 декабря 1407 г. предоставлял дофину право управлять королевством в период болезни Карла VI в качестве регента: «И когда король будет ослаблен болезнью, дофин, его старший сын, станет регентом и будет управлять как регент» («*et que le roy estant essonié de maladie, le dauphin son fils aîné regenteroit, et comme regent gouverneroit*») [6, р. 438]. Юридически ордонансы позволяли принцу Людовику отстранить Карла VI от управления, оставив за ним только формальный королевский титул.

Реализация такого плана означала бы государственный переворот, но осуществленный на законных основаниях. Во Франции не имелось опыта отстранения короля от власти, а тем более смещения его с престола [7, р. 224–225]. Одновременно произошло бы восстановление прав орлеанистов и возобновление обвинений

против Жана Бесстрашного в убийстве Людовика Орлеанского. О том, что данная угроза была небеспочвенной, свидетельствуют следующие факты: некто по имени Жувеналь де Трайнель, возможно, им был сам Жан Жувенель дез Урсен [3, р. 280], в начале 1413 г. не раз приходил к герцогу Бургундскому в его отель Артуа. Предметом разговоров стали два сюжета. Один из них касался слухом тесного общения герцога с мясниками и живодерами, что воспринималось как нечто, недостойное члена королевской семьи. Вторым стало требование признания герцогом Бургундии того, что именно он отдал приказ убить Людовика Орлеанского, что способствовало бы поддержанию внутреннего спокойствия. Однако Жан Бесстрашный отказался воспринять эти упреки, заявив только, что «никогда не признается» (*qu'il ne le conneseroit jamais*), но до поры до времени будет сохранять мир [6, р. 476–477].

Действительно, опору своей власти в Париже Жан Бесстрашный видел, с одной стороны, в персоне короля, а с другой – в кабошьенах. Они состояли из «людей жестоких, не терпящих беспорядка, рассчитывающих на триумф Жана Бесстрашного для удовлетворения своих амбиций или личной ненависти, своего рода авангарда партии бургиньонов и реформаторов, специфической смеси шевалье, молодых мэтров Университета, мясников и ремесленников, без идеи и четкой цели, которых мы видим во главе всех мятежей» [8, р. 179]. Так охарактеризовал эту группировку А. Ковиль. Эти мясники, живодеры и иные люди низшего сословия (*autres rauxtes gens de bas estât*), бесчеловечные, опасные и бесчестные [6, р. 477], считали орлеанистов своими врагами.

Впрочем, они также выступали за реформы управления, и ситуация начала 1413 г. предоставила им шанс. Ключевым вопросом стал финансовый. Выплата огромных денежных средств в качестве отступного англичанам, затраты, понесенные на военную кампанию весны – лета 1412 г., пагубно сказались на состоянии королевских финансов [9, р. 721, 735]. Доходы с домена, традиционного источника содержания для королевской администрации, в силу его сокращения [8, р. 38] и плохого управления уже не восполняли затраты. Для покрытия расходов использовались два пути. Первый – увеличение объемов чеканки золотой и серебряной монет, особенно заметные с 1412 г. [10, р. 173, 177]. Вторым стала девальвация валюты. Превоз Парижа Пьер дез Эссар и купеческий превоз Пьер Женьсен провели ослабление экю на два су и блана – на одно денье, что позволило менялам и ломбардцам получить прибыль по 12 франков из ста экю [9, р. 763; 11, р. 178]. Такая политика финансовых властей рассматривалась как великое зло «для всех жителей королевства и для величества» короля. Признавалось, что власть

может извлечь из девальвации валюты только временную выгоду, а в длительной перспективе такая мера приведет к большому ущербу для «общественных дел» (*la chose publique*) и для народа [6, р. 763; 11, р. 178; 12, р. 429].

Так как эти меры оказались недостаточными, то в 1413 г. было решено обратиться к Генеральным штатам, первым за время правления Карла VI. Короли Франции старались избегать этой меры, памятуя об опыте 1358 г., когда данный институт стал источником, оплотом мятежных настроений в королевстве. Поэтому они предпочитали созывать либо представителей духовенства и Университета, либо депутатов «добрых городов», рассчитывая добиться от них решения вопросов в нужном для правительства ключе [13, р. 278–279]. Само возникновение термина «добрые города» оказалось связано с установившейся практикой созыва представительных учреждений. Для того чтобы попасть в эту категорию, населенным пунктам, помимо прочего, было необходимо обладать значительным и богатым населением, чтобы иметь средства на постройку каменной стены, быть резиденцией светских и церковных административных и судебных учреждений.

Генеральные штаты работали с 30 января по 13 февраля 1413 г., заседая под председательством короля и в присутствии значительного количества знати. Большую роль в их деятельности сыграли представители Университета, столичных корпораций, а также люди герцога Бургундии, который рассматривал Штаты как средство борьбы против своих политических противников [14, р. 570]. Ему требовалось проведение такой реформы управления, которая не допускала бы установления регентства дофина над Карлом VI.

Потребность в улучшении системы государственного управления назрела уже давно, причем это осознавали не только представители сословий, но и король, и принцы. Наиболее успешной попыткой можно считать реформы февраля – апреля 1389 г., когда советники молодого Карла VI опубликовали пять ордонансов и регламент, охватывающие все основные сферы управления королевством [8, р. 137]. Однако принятые законы были отменены, как только советники, их принявшие, покинули свои посты [8, р. 138].

Идея реформ возродилась в 1405 г. и вновь стала актуальной в конце 1412 – начале 1413 г. Сторонниками преобразований выступали парижане, объединенные в корпорации, и Университет, опиравшийся на поддержку герцога Бургундии. Союзники, правда, преследовали разные цели: горожане – по причине усталости от затянувшихся неурядиц, Университет – из идеальных представлений о хорошем правлении, Жан Бесстрашный – из властных амбиций [8, р. 143; 15, S. 198].

От имени короля перед собравшимися выступил канцлер Гиени Жан де Ниель. В своей продолжительной речи он обрисовал тяжелое положение в стране, вызванное враждой принцев, гражданской войной и иностранным вторжением. Для покрытия расходов для ведения новой войны с англичанами, «армия которых более многочисленна, чем когда-либо», было предложено собрать большую талью. На обсуждение и принятие решения Штатам было определено шесть дней, после чего предполагалось собратьсь вновь [9, р. 737, 739; 16, р. 254–255].

Сказанное канцлером означало, что обложению подлежали среди прочих и представители Университета. Они были не против продолжения войны с англичанами, но не желали платить на это деньги. Позицию Университета по данному вопросу сформулировал канцлер Нотр-Дама Жан Жерсон еще в ноябре 1405 г. в своей речи «*Vivat rex!*». Он сказал, что нельзя требовать с Университета никаких выплат, поскольку «она (университетская корпорация. – О. Н.) есть дочь короля Франции и благородна и потому, что она трудится [на благо] королевства и всей Церкви, ей следует более помогать, чем обременять» [17, р. 49]. Очевидно, что поправка прав такой важной корпорации, какой являлся Университет, свидетельствует о дурном управлении. И в развитие своих прежних идей в июле 1411 г. Жан Жерсон заявил, что король, злоупотребляющий правом взимать налоги, заслуживает свержения [9, р. 417, 419].

В русле концепции «не платить» первым выступил 31 января 1413 г. советник Жана Бесстрашного аббат Симон де Со. Он предложил обложить налогами не только горожан, но также принцев и провинциальных чиновников. Эту мысль поддержали 7 февраля депутаты от Реймской церковной провинции. 8 февраля с критикой сборщиков налогов и распределения средств выступил депутат от Лионской провинции, аббат монастыря Мутье-Сен-Жан (имя не упоминается). Их речи были встречены с одобрением [6, р. 476; 9, р. 739; 13, р. 281–288]. На заседании 9 февраля монах аббатства Сен-Дени Бенуа Женсьен осмелился упрекнуть самого Карла VI в том, что он излишне щедр по отношению к своим приближенным, в том числе членам своего дома и Королевского совета [9, р. 739, 741].

Не удовлетворившись этим, «пламенные реформаторы» Университета, как их назвал А. Ковиль, стали добиваться повторной аудиенции, чтобы в полной мере изложить свои накопившиеся обиды. Их суммировали и оформили в виде ремонстрации, выработанной Университетом совместно с городом Парижем и содержащей 75 пунктов [12, р. 422–442]. Спустя четыре дня, 14 февраля этот документ Карлу VI зачитал кармелит, доктор богословия Эсташ де Павильи. Он изложил записанные претензии

к существующей системе управления и представил предложения по улучшению финансового положения и состояния королевства в целом.

Главной проблемой оставалось качество управления, которое в течение 26 лет находилось в руках безответственных чиновников. Из-за этого домен короля не приносил необходимых доходов. В среде чиновников царили семейственность и коррупция. Отмечалось, что в ведомствах много ненужных должностей, замещаемых случайными и корыстолюбивыми людьми. Стало правилом, что чиновники занимали нескольких должностей, некоторые даже четыре, везде исправно получая жалование. Наконец, общей чертой чиновничества, в том числе и парламентского, было то, что все друг другу являлись родственниками. Так, некто Андре Жиффар получил свой пост только потому, что был родственником жены прево Парижа Пьера дез Эссара, и вскоре его дом наполнился серебряной посудой и драгоценностями. Вопиющим примером, по мнению авторов ремонстрации, стала история с назначением Жака Ле Онгра, для которого прево Парижа потребовал дать должность, поскольку тот являлся его двоюродным братом [12, р. 426–427, 432–433, 434].

Не ограничиваясь общими фразами, авторы ремонстрации отважились назвать конкретных лиц, ответственных за оскудение казны. Ими были, по их мнению, королева Изабелла и дофин Людовик. Если прежде расходы короля, королевы и дофина составляли 94 000 франков, то теперь – 350 000, содержание королевы возросло с 36 000 до 154 000 франков. Были поименно названы 25 человек, которые потворствовали растаскиванию средств казны на собственные, а не на государственные нужды [1, р. 310–311, 316; 8, р. 171; 12, р. 424, 425, 428].

Таким образом, авторы ремонстрации возложили ответственность за оскудение казны и вместе с тем выразили недоверие королеве Изабелле и дофину Людовику. Для улучшения ситуации было предложено реорганизовать суд, сократить штаты чиновников и расходы на их содержание, усилить контроль над порядком расходования средств [9, р. 745–769]. Красной нитью через все заседание проводилась мысль, согласно которой нет необходимости вводить налоги для уже разоренного непомерными тяготами населения, а следует разумно распоряжаться уже имеющимися доходами. Эта идея, пусть и выраженная в осторожной форме, показала собранность достойной внимания и заслуживающей дополнительного обсуждения.

Фактически действия членов Университета можно было трактовать как попытку узурпации управления, перехвата власти. В таком ключе оценивал события Мишель Пинтуэн, опираясь на мнение «людей важных, обладающих большим опытом и знаниями», поскольку мэтры

и горожане покусились на права короля и принцев крови [5, р. 5]. Хронист оказался прав, и уже в марте ситуация в Париже дестабилизировалась, так как «и не было между ними ни порядка, ни правительства» [18, р. 77].

Однако представители Университета, вошедшие в комиссию, «очень любили короля и народ» и стали «с большим усердием» составлять списки, куда занесли имена всех, кого подозревали в соучастии в делах орлеанистов [4, р. 28]. Хотя все они по условиям мира в Осере были прощены и получили право вернуться в Париж, это не остановило докторов Университета. Составление списков активно курировал Жан Бесстрашный, у него на руках (точнее, «в рукаве») (*dans sa manche* [5, р. 259]) имелись их копии.

Первым шагом, по мнению Генеральных штатов, должно было стать отстранение от службы наиболее одиозных чиновников и определение степени их виновности. Чиновники короля, находившиеся у управления продолжительное время, оказались в весьма стесненном положении: от них стали требовать отчета, видимо, угрожая расправой, поэтому они стали искать себе убежище за пределами Парижа. Некоторых из них арестовали, их имущество конфисковали и передали в руки короля.

Одним из первых лишился своего поста Пьер дез Эссар, имя которого прозвучало уже в «Ремонстрации». Его обвинили в продажности и корыстолюбии и назначили капитаном города Шербур [1, р. 333, 343]. Изменение отношения к прево произошло стремительно: еще год назад парижане относились к нему с большой приязнью и именовали его «отцом народа и главным защитником общественных дел» (*le père du peuple et le principal défenseur de la chose publique*). Теперь же они испытывали к нему неприязнь, вплоть до чувства смертельной ненависти (*une haine mortelle*). Мишель Питуэн объяснял такое поведение любовью к перемене, столь присущей капризной толпе [5, р. 7, 9].

Сам Пьер дез Эссар был не согласен с обвинениями и попытался оправдаться. Он заявил, что по приказу короля передал 2 млн экю Жану Бесстрашному, в подтверждение чего готов предъявить расписки с собственноручной подписью герцога [5, р. 7]. То же самое, но несколько в ином контексте, поведал Жан Жувеналь дез Урсен. По его словам, когда встал вопрос об изъятии денег у принцев, Пьер дез Эссар порекомендовал обратить внимание на герцога Бургундии, у которого имелось 2 млн экю [6, р. 477].

Дофин Людовик решил использовать информацию Пьера дез Эссара против герцога Бургундии. Слова бывшего прево обеспечили ему благосклонность (*les bonnes grâces*) дофина и одновременно превратили его в «смертельного врага» (*un ennemi mortel*) герцога Бургундии и кабошьенов. Очевидно, что вопрос о 2 млн экю

оказался чрезвычайно болезненным для Жана Бесстрашного. Как только Карл VI вновь выздоровел, принц Людовик поспешил вернуть Пьера дез Эссара из Шербурга, чтобы, видимо, довести до него эти сведения [5, р. 7; 6, р. 477].

История с деньгами для Жана Бесстрашного спровоцировала бунт в Париже, известный как восстание кабошьенов [19, с. 225, 231]. По словам Мишеля Пинтуэна, именно «оттуда последовали ужасные несчастья, рассказ о которых больше соответствовал бы акцентам трагической музыки, чем перу историка» [5, р. 9]. Но это было лишь частью более обширного плана.

Запутанная хронология описания событий не позволяет точно выявить детали замысла дофина Людовика. Возможно, первым шагом стал захват моста через реку Марну в городе Шарантонэ людьми Пьера дез Эссара. Следующей стадией стало занятие бастиды Сен-Антуан, расположенной неподалеку от королевского дворца Сен-Поль. Она представлялась «почти неприступной, обильно снабженной всевозможным оружием и осадными машинами, с помощью которой можно было ввести в Париж большое количество воинов, назло жителям и в ущерб городу» [5, р. 9]. По сути бастиды представляла собой один из ключевых пунктов обороны города [19, с. 225].

Ангерран де Монстреле считал, что попытка оказалась неудачной: жители города арестовали воинов отряда Томлена де Бри и препроводили их в башню Лувра [1, р. 333]. Эти события предшествовали бегству Пьера дез Эссара в Шербург в начале марта 1413 г. По версии Жана Жувенеля дез Урсена, захват моста предшествовал занятию бастиды Сен-Антуан [6, р. 477], следовательно, имел место в конце апреля. А. Ковиль, видимо, стараясь примирить обе версии, предположил, что попытка захвата моста произошла перед отъездом Пьера дез Эссара из Парижа в Шербург, а прево захватывал бастиду Сен-Антуан дважды [8, р. 183]. Однако письма парижан, отправленные в Нуайон 2 мая 1413 г., позволяют предполагать взаимосвязь этих событий. По словам авторов посланий, Пьер дез Эссар вступил в бастиду, сломав замурованные нижние ворота, и отправил вооруженных людей в Шарантон [20, р. 61].

Версия, согласно которой попытка захвата Шарантонского моста произошла примерно одновременно с занятием бастиды Сен-Антуан, косвенно подтверждается тем, что только в мае дофин передал охрану моста Шарантон Симуону Кабошу, а Сен-Клу – живодеру Дени де Шомону. Тогда же с них взяли клятву не пропускать никаких врагов Парижа [5, р. 35, 37]. Если люди Пьера дез Эссара на самом деле атаковали мост в начале марта, не было необходимости выжидать два месяца, чтобы укрепить его оборону силами кабошьенов.

Шаги Пьера дез Эссара не были самостоятельными, их санкционировал дофин, выдав бывшему прево охранную грамоту за своей подписью и печатью [5, р. 15]. Она позволила 27 апреля 1413 г. Пьеру дез Эссару и его брату Антуану во главе небольшого отряда занять бастиду Сен-Антуан. Возможно, такая же грамота имела у Томлена де Бри для захвата моста в Шарантоне.

Наконец, третий элемент плана, вероятно, предполагал вывоз Карла VI за пределы Парижа. Хронисты Жан Жувеналь дез Урсен и Мишель Пинтуэн сообщали о намерении Пьера дез Эссара захватить короля и дофина. Для осуществления этого замысла бывший прево предполагал провести в Венсенском лесу рыцарский турнир-жосту, назначив праздник на 1 мая [5, р. 25; 6, р. 477]. В своих хрониках Анггерран де Монстреле и Лефевр де Сен-Реми прибавили ряд важных подробностей. В частности, инициатива по проведению жосты принадлежала дофину, которого парижане заставили переселиться в отель Сен-Поль, к королю Карлу VI, запретив выезжать за пределы Парижа. К 1 мая принц Людовик распорядился собрать пять или даже шесть лансов воинов и оплатил их службу сроком на один месяц. Лансом (иначе «копьем») именовали военный отряд, состоявший, как правило, из трех человек. Во главе их встал Пьер дез Эссар, к которому за городом должен был присоединиться Карл Орлеанский с большим отрядом своих союзников [1, р. 346; 18, р. 77].

Таким образом, есть основания полагать, что дофин Людовик планировал захватить Карла VI и вывезти его под прикрытием военного отряда орлеанистов на юг через Шарантонский мост. Такие действия вызвали волну негодования парижан, и вину, по знанию или незнанию, они возложили на исполнителя – бывшего прево Пьера дез Эссара. Автор «Дневника парижского горожанина» сравнил его поступок с «сумасшествием» (*comme fols*) [11, р. 179], а парижане назвали его лживым и неверным предателем (*faulx et desloiaulx traittres*) интересов короля, совершившим проступок против его блага и блага всего королевства (*contre le bien du Roy et de ce Royaume*), а его сторонников – врагами короля и монсьёра герцога Гиенского (*avec aultres ennemis de nostredit trez redoubté et souverain Seigneur et de Monseigneur de Guienne*), несущими зло и разрушение всей Франции. Своевременные действия горожан и герцога Бургундского против Пьера дез Эссара и его людей позволили предотвратить «утрату чести, королевского величества, его благородного происхождения и всего общественного блага королевства» (*perdition l'onneur, la magesté Royal, sa très noble lignée et toute la chose publique de ce Royaume*) [20, р. 61–62].

Роль Жана Бесстрашного в событиях ночи с 27 на 28 апреля 1413 г. неясна. Очевидно,

что планы дофина Людовика шли вразрез с его собственными, и он был заинтересован в сохранении status quo. По мнению Ф. Леу, герцог Бургундии стал невольной жертвой собственных замыслов по использованию кабошьенов для реализации политических целей и в критический момент не смог контролировать разбушевавшуюся толпу [21, р. 300]. В свою очередь, А. Ковиль полагал, что герцог Бургундии старался выступать в роли посредника и по мере сил и возможностей сдерживал толпу от эксцессов [8, р. 372]. Однако положение его оставалось двусмысленным, поскольку он как принц крови был вынужден опираться на городскую чернь и лиц непрестижных профессий [2, р. 99].

Представляется более обоснованной точка зрения Р. Фамильетти, утверждавшего, что все действия Жана Бесстрашного в ту ночь были по сути притворством, чтобы представить себя в максимально выгодном свете перед своими сторонниками и противниками. Герцог Бургундии был не просто свидетелем, а одним из организаторов событий 28 апреля, о чем свидетельствует его личное участие во всех ключевых событиях, а многие из активных кабошьенов были с ним тесно связаны. Иными словами, Жан Бесстрашный предстал в образе «молчаливого партнера» взбунтовавшихся парижан [3, р. 286–287].

Совсем иначе понимал развернувшиеся события принц Людовик, когда заявил герцогу Бургундии: «Тесть, этот бунт был сделан мне по твоему совету, и ты не можешь его извинить, потому что люди твоего отеля главные» (*Beau père ceste esmeute m'est faicte par vostre conseil, et ne vous en povez excuser, car les gens de vostre hostel sont les principaulx*) [1, р. 345]. Не следует упускать из виду мнение Карла VI и его советников по поводу событий весны 1413 г. Выстраивая обвинение против герцога Бургундии в совершении им преступления оскорбления величества, они указали на него как на подстрекателя. В частности, аресты родственников и приближенных королевы и дофина проводились по заранее составленным спискам, которые носил в рукаве Жан Бесстрашный [5, р. 259].

Видимо, герцог Бургундии представлял собой весьма активную и заинтересованную фигуру, игнорировать влияние которой кажется невозможным. Следует обратить внимание также на то, что Университет, узнав о подготовке заговора против короля, известил об этом Жана Бесстрашного и купеческого прево Андре д'Эпернона. В дальнейшем можно регулярно встретить среди взбунтовавшихся горожан людей, так или иначе связанных с герцогом Бургундии, да и сам Жан Бесстрашный оставался в числе активных действующих лиц и также оказался перед бастидой Сен-Антуан в ночь на 28 апреля.

В столице весной циркулировал слух о том, что орлеанисты готовятся «захватить короля, чтобы стать хозяевами Парижа и делать все по своей воле» [4, р. 28]. Переворот, по одной из версий, должен был случиться во время празднования бракосочетания Людвига Баварского с Екатериной Алансонской, вдовой Пьера Наваррского. Доктора Университета сообщили о своих подозрениях купеческому прево Андре д'Эпернону, эшевенам, а также Жану Бесстрашному [4, р. 28–29]. Как полагал автор «Дневника парижского горожанина», важную роль в осуществлении переворота должен был сыграть герцог Баварии Людвиг Бородатый, брат королевы Изабеллы. Скрывая свои намерения, он выдавал себя за «добротого слугу» (*le bon varlet*) короля и делал вид, что ничего не знал о готовящемся заговоре [4, р. 29].

Однако в этот момент произошел захват бастиды Сен-Антуан, и парижане решили, что заговор стал реализовываться. Купеческий прево Андре д'Эпернон уже 27 апреля 1413 г. собрал большое количество вооруженных парижан, с которыми окружил бастиду Сен-Антуан. Вместе с ними оказался и Жан Бесстрашный. Именно он выступил посредником в переговорах между горожанами, которых собралось до 20 тыс., и Пьером дез Эссаром. Первых он увещевал не совершать преступления оскорбления королевского величества (*le crime de lèse-majesté*), нападая на королевскую крепость, второму обещал покровительство, если тот сдастся без сопротивления [5, р. 15]. Пьер дез Эссар согласился на предложение, и парижане арестовали всех, кто находился в бастиде, и отконвоировали их к отелю Сен-Поль [18, р. 77], где в то время проживал дофин.

План принца Людовика был разрушен действиями горожан. Герцог Карл Орлеанский, граф Алансонский и другие, не доехав совсем немного до Парижа и узнав подробности о том, что происходит в столице, не решились двигаться дальше и вернулись в Шартр. Их напали «мятежи, вспыхнувшие в этом городе» (*les émeutes qui avaient éclaté dans cette ville*) [5, р. 39].

Члены Университета и кабошьены принялись искать потенциальных заговорщиков в самом Париже. От их имени Эсташ де Павильи зачитал перед членами королевской семьи и их приближенными список изменников, в котором было 60 имен, и уже 12 мая начались их аресты. Удалось схватить всего 20 чел. [1, р. 350], остальные успели покинуть столицу. Одним из последних был граф Филипп де Верту, уехавший к своему брату Карлу Орлеанскому. Имена беглецов были оглашены на перекрестках под звуки труб, именем короля от них потребовали вернуться обратно под угрозой конфискации имущества и смертной казни [1, р. 350]. Несколько раз пытался покинуть Париж и сам дофин Людовик, но неудачно. Тогда с посылными

он направил письма герцогам Орлеанскому, Бретонскому и Анжуйскому, графу Алансонскому с просьбой о помощи во имя родственных связей и верности, которой они обязаны королю. Тогда горожане усилили стражу у ворот и у дворца Сен-Поль, чтобы принц не смог скрыться тайком [5, р. 35].

Тогда же Карл VI с согласия Парламента, Университета и горожан отправил делегации к герцогам Орлеанскому, Бурбонскому и Бретонскому, графам де Верту и д'Алансону с просьбой прибыть в Париж и выразить свое отношение к происходящему. Вскоре он получил ответ, что они по-прежнему видят в нем «своего естественного сеньора, что они готовы служить ему и что они предоставили себя лично и свое имущество в его распоряжение», но в Париж не вернулись [5, р. 39].

Далее Эташ де Павильи потребовал сформировать комиссию из 12 чел. для расследования злоупотреблений, на что дофину Людовику пришлось дать согласие. В нее вошли советники Парламента и трое горожан: Андре Руссель, один из мастеров Большой бойни Гарно де Сент-Йон и секретарь Шатле [5, р. 33; 19, с. 229].

На этом восставшие не остановились, и 22 мая недовольные вновь явились к отелю Сен-Поль, где накануне свадьбы герцога Людвига Баварского собрались представители знати. Магистр Эташ де Павильи обратился к дофину Людовику с требованием удалить из своего окружения всех, кто «стремился отвлечь его от обязанностей королевского ранга и добрых нравов предков» [5, р. 41]. Себя Эташ де Павильи сравнил с садовником, который пропалывает сорные травы, чтобы росли прекрасные цветы, ибо недостойно «оставлять безнаказанными тех, кто мешают побегам геральдической лилии достичь всей своей красоты и всего своего блеска». Его поддержал Жан де Труа и сказал, что они пришли, чтобы «вырвать эти сорняки, иначе они мешают цветку твоей юности принести сладкие плоды» [5, р. 43]. Для большей убедительности они привели с собой несколько тысяч горожан.

Определить роль короля Карла VI в событиях конца апреля – мая 1413 г. затруднительно. Считается, что вплоть до 18 мая он был болен [7, р. 296] и не мог принимать решения. Однако и Эташ де Павильи, и Жан де Труа ссылались именно на королевскую волю. И если первый в сослагательном наклонении указывал, что Карлу VI было угодно, чтобы такие неверные служащие были бы «уничтожены как бесполезный сорняк», то второй произвел арест именем короля (*au nom du roi*), сделав вид, что «получил от него устный приказ» [5, р. 43]. Если они не имели согласия Карла VI, то их действия против жены и сына короля однозначно подпадали под определение *le crime de lèse-majesté*. Но если имели таковое, то тогда дофин уступил

указаниям своего отца, а не из страха перед «слепой толпой, сбитой с толку яростью, [которая] не слушает ни разума, ни жалости и не уклоняется ни от одного преступления» [5, р. 43]. Правда в ордонансах 5 и 12 сентября 1413 г., когда потребовалось аннулировать решения кабошьенов, и Карл VI, и дофин Людовик настояли на том, что действовали против своей воли, под давлением и насильем (*par force, violence et contre nostre voulente*) [22, р. 163, 175–176].

Фактически в тот день дом монсеньора герцога Гиенского, как и дом его матери Изабеллы Баварской [4, р. 30; 5, р. 41; 6, р. 479; 23, р. 112–114], были разгромлены, их наиболее влиятельные советники и приближенные оказались в заключении. Среди них были Людвиг Баварский, а также фрейлины и придворные дамы королевы. Поскольку именно дофина и косвенно его мать Изабеллу поддерживали орлеанисты (один из убитых прямо назван «орлеанистом» – *esté Orléanois* [1, р. 346]), то пострадали прежде всего интересы этой группировки.

Параллельно с арестами представителей высшей знати и чиновничества шла разработка программного документа партии реформаторов, получившего в дальнейшем название «Ордонанс кабошьенов». Как свидетельствовал Жан Жувеналь дез Урсен, члены комиссии по его созданию, действуя во благо королевства (*pour le bien du royaume*), обратились в Счетную палату, в Палату казны и Шатле, откуда взяли старые королевские ордонансы [6, р. 479]. Видимо, их положения использовались при разработке проекта реформы.

В двадцатых числах мая 1413 г. ордонанс был готов и 26 мая представлен на рассмотрение королю в здании Парламента. Присутствовали дофин, герцоги Жан Беррийский и Жан Бургундский, графы Филипп де Шароле и Валеран де Сен-Поль, купеческий премо, эшеваны, представители Университета, духовенства и дворянства и большое количество парижан. Текст зачитал секретарь Шатле мэтр Пьер де Френ как обладатель красивого и громкого голоса. Через час после полудня чтение приостановили и объявили перерыв до следующего дня. Оставшиеся 163 статьи из 258 зачитали 27 мая [24, р. 209–210]. Большая часть положений документа касалась финансовой сферы [14, р. 571], поэтому говорить о реформе всего управления не приходится. Такое положение объясняется полномочиями, предоставленными комиссией со стороны Генеральных штатов, которые сами были созданы для решения налоговых проблем.

Содержание королевской четы и их детей существенно сокращалось, расходование собранных от налогов денег передавалось под строгий контроль. Его осуществляли советники из числа представителей высшей знати и докторов Университета. Основная идея «Ордонанса

кабошьенов» заключалась в предоставлении монархии возможности самостоятельно урегулировать собственные финансовые потребности, не прибегая к помощи Штатов.

Функции Королевского совета ввиду болезни короля предполагалось существенно расширить. Весь прежний состав из-за своей коррумпированности должен был покинуть Совет, кроме канцлера, коннетабля и еще нескольких человек, находящихся там по своей должности. На освободившиеся места следовало включить 15 прелатов, шевалье и чиновников. Все вошедшие в состав Совета должны были получать умеренное жалование, исключавшее какие-либо пенсии от посторонних лиц [24, р. 134–135]. Членов Совета назначает король «по совету и согласию тех, кто нашей крови и происхождения, а также путем добрых и великих выборов» [24, р. 135]. Помимо этого, вводились правила, призванные упорядочить процедуру с тем, чтобы сделать работу Совета более эффективной. 27 мая король утвердил все положения ордонанса.

Тем временем репрессии продолжились. В июне – июле 1413 г. дело дошло до публичных казней, и 1 июля после формального судебного процесса обезглавили Пьера дез Эссара [1, р. 373]. Расписки о получении Жаном Бесстрашным денег от короля Карла VI исчезли и о них на время забыли. В июле – августе движение кабошьенов пошло на спад, и тогда король и дофин, сделав ставку на орлеанистов, вынудили герцога Жана Бесстрашного в августе 1413 г. покинуть Париж.

Таким образом, восстание кабошьенов повлекло за собой два последствия. Оно предотвратило установление регентства дофина и переход власти в его руки. Кроме того, установленный режим террора сделал возможным разработку и принятие «Ордонанса», который существенным образом ограничил королевскую власть.

Здесь просматривается противоречивость ситуации весны 1413 г. Создатели «Ордонанса кабошьенов» выступали за мирный, эволюционный путь развития, тогда как сами кабошьены и поддерживавшая их часть населения, в том числе университетского – за путь быстрых насильственных преобразований [19, с. 231–232]. Эти реформы требовали оформления в виде соответствующего королевского постановления, но заставить Карла VI его подписать можно было только угрозами. И тот факт, что реформаторский документ был принят в атмосфере насилия, стал веским основанием для его аннулирования. Так и случилось в начале сентября 1413 г. В итоге ни один из проектов перехвата власти за авторством дофина или Университета так и не был реализован, что позволило Карлу VI сохранить власть за собой.

Список литературы

1. *Monstrelet E. de*. Chronique en deux livres. 1400–1444 : in 6 vols. / ed. L. Douët-d'Arcq. Paris : Jules Renouard, 1858. Vol. 2. 478 p.
2. *Vaughan R.* John the Fearless. The growth of Burgundian Power. Woodbridge : The Boydell Press, 2005. 324 p.
3. *Famiglietti R. C.* The French Monarchy in Crisis, 1392–1415, and the Political Role of the Dauphin, Louis of France, Duke of Guyenne : in 2 vols. New York : University Press, 1982. Vol. 1. 435 p.
4. *Journal d'un bourgeois de Paris*. 1405–1449 / publ. A. Tuetey. Paris : Chez H. Champion, 1881. 413 p.
5. *Chronique du religieux de Saint-Denis*, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422 : in 6 vols. / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1844. Vol. 5. 768 p.
6. *Histoire de Charles VI, roy de France par Jean Juvenal des Ursins // Choix de chroniques et mémoires relatifs a l'histoire de France* / ed. J.-A.-C. Buchon. Orléans : H. Herluison, 1875. P. 323–573.
7. *Guenée B.* La folie de Charles VI. Paris : CNRS Éditions, 2019. 317 p.
8. *Coville A.* Les cabochiens et l'ordonnance de 1413. Paris : Librairie Hachette et Co, 1888. 456 p.
9. *Chronique du religieux de Saint-Denis*, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422 : in 6 vols. / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1842. Vol. 4. 781 p.
10. *Miskimin H. A.* L'or, l'argent, la guerre dans la France médiévale // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 1985. № 1. P. 171–184.
11. *Journal parisien des années 1412 et 1413* / publ. par A. Tuetey // *Mémoires de la société de l'histoire de Paris et de l'Île-de-France*. 1917. T. XLIV. P. 163–182.
12. *Moranvillé H.* Remontrances de l'Université et de la ville de Paris à Charles VI sur le gouvernement du royaume // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1890. T. LI. P. 420–442.
13. *Marion J.* Rapport adressé au roi sur les doléances du chergé aux états généraux de 1413 // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1845. T. VI. P. 277–288.
14. *Histoire des institutions françaises au Moyen Age* : in 3 vols. / publ. sous la direction par F. Lot et R. Fawtier. Vol. 2 : *Institutions royales (les droits du Roi exercés par le Roi)*. Paris : Presses universitaires, 1958. 623 p.
15. *Kimm H.* Isabeau de Bavière, reine de France. 1370–1435. Beitrag zur Geschichte einer bayerischen Herzogstochter und des französischen Königshauses. München : Stadtarchiv, 1969. 293 S.
16. *Picot G.* Histoire des Etats Généraux, considérés au point de vue de leur influence sur le Gouvernement de la France de 1355 à 1614 : in 2 vols. Paris : Librairie Hachette et Co., 1872. Vol. 1. 575 p.
17. *Harengue faite au nom de l'Université de Paris*, devant le Roy Charles Sixiesme et tout le Conseil en 1405, contenant remonstrances touchant le gouvernement du Roy, et du Royaume, par maistre Jehan Gerson, chancelier de l'Eglise de Paris. Paris : Chez Debeausseaux, Libraire, 1824. 52 p.

18. Chronique de Jean le Févre, seigneur de Saint-Remy : in 2 vols. / publ. par F. Morand. Paris : Libraire Renouard, 1876. Vol. 1. 402 p.
19. Себенцова М. М. Восстание кабошьенов // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1958. Вып. 12. С. 208–240.
20. Bourquelot F. Correspondance entre le corps municipal de la ville de Paris et celui de la ville de Noyon, en 1413 // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1845–1846. Т. II, ser. II. P. 52–69.
21. Lehoux F. Jean de France, duc de Berri. Sa vie, son action politique (1340–1416) : in 3 vols. Vol. 3 : De l'«avènement» de Jean sans Peur à la mort du duc de Berri. Paris : Alphonse Picard, 1967. 518 p.
22. Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique : in 23 vols. / par M. de Vilevault et M. de Bréquigny. Paris : De l'imprimerie royale, 1763. Vol. 10. 514 p.
23. Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris. 1400–1417 : in 2 vols. / publ. par A. Tuetey. Paris : Libraire Renouard, 1888. Vol. 2. 350 p.
24. Coville A. L'ordonnance cabochienne (26–27 mai 1413). Paris : Alphonse Picard, 1891. 202 p.

Поступила в редакцию 08.10.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 10.11.2023

The article was submitted 08.10.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 49–52
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 49–52
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-49-52>, EDN: GAMNFP

Научная статья
УДК [94+355.454](410.166) | 15 | +929[Генрих VIII+Елизавета I]

Военный гарнизон и городская община Берика-на-Твиде по уставам Генриха VIII и Елизаветы Тюдор

А. А. Бельцер

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34

Бельцер Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, доцент, abelhist@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3545-4948>, AuthorID: 273064

Аннотация. В статье исследуются взаимоотношения городской общины и гарнизона на основе анализа документов, регулирующих жизнь Берика-на-Твиде. Находясь практически на самой границе, Берик обладал большой стратегической важностью, поэтому в городе находился военный гарнизон. Королевские постановления первых Тюдоров уделяли незначительное внимание взаимоотношениям горожан и солдат гарнизона. В основном эта проблема интересует законодателей, когда затрагиваются вопросы, имеющие значение для обороны города. В этом случае речь обычно идет о контактах офицеров гарнизона с руководителями городской общины. Тем не менее можно сделать вывод о постоянном взаимодействии горожан с солдатами и наличии конфликтов между ними.

Ключевые слова: Тюдоры, Берик-на-Твиде, городская община, англо-шотландское пограничье, пограничная администрация, королевские постановления, Генрих VIII, Елизавета I

Для цитирования: Бельцер А. А. Военный гарнизон и городская община Берика-на-Твиде по уставам Генриха VIII и Елизаветы Тюдор // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 49–52. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-49-52>, EDN: GAMNFP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Garrison and the town community of Berwick-upon-Tweed on the orders of Henry VIII and Elizabeth Tudor

А. А. Beltser

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Alexander Beltser A., abelhist@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3545-4948>, AuthorID: 273064

Abstract. The article is devoted to the study of relations between the town community and the garrison based on the analysis of documents regulating the life of Berwick-upon-Tweed. Located almost on the very border, Berwick was of great strategic importance, so the town had a military garrison. Early Tudor royal enactments pay little attention to the relationship between the townspeople and the soldiers of the garrison. The legislators were mainly interested in this problem when it came to matters of importance to the defense of the town. In this case, it usually concerns the contacts of garrison officers with the leaders of the town community. Nevertheless, it can be concluded that there is a constant interaction between the townspeople and the soldiers and that there are conflicts between them.

Keywords: Tudors, Berwick-upon-Tweed, town community, Anglo-Scottish borders, border administration, royal enactments, Henry VIII, Elizabeth I

For citation: Beltser A. A. Garrison and the town community of Berwick-upon-Tweed on the orders of Henry VIII and Elizabeth Tudor. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 49–52 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-49-52>, EDN: GAMNFP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Средневековый город оказал огромное влияние на развитие европейского общества. Следы этого влияния можно увидеть в экономических, социальных, политических и культурных процессах, происходивших в Европе в Средние века и Раннее Новое время. Неудивительно, что городская проблематика занимает почетное

место в медиевистических исследованиях. Историки обращаются преимущественно к изучению крупных городов, игравших значительную роль в жизни страны. Городские поселения, расположенные на окраинах, удостоены меньшего внимания. В случае английского королевства внимание преимущественно обращено на Лондон

[1, 2] и города южной Англии. Из поселений северной Англии наибольший интерес уделено Йорку, «столице Севера» [3–5]. Городам англо-шотландского пограничья отведено значительно меньше места в трудах исследователей.

Берик-на-Твиде занимает особое положение среди английских городов Средневековья и раннего Нового времени. На протяжении своей истории он не раз переходил из рук в руки. Находясь в районе, оспариваемом Англией и Шотландией, Берик выступал в качестве яблока раздора, за обладание которым боролись оба королевства. С 1296 по 1482 г. город 13 раз менял хозяина. С 1333 по 1461 г. он принадлежал английской короне. Во время Войн Роз Маргарита Анжуйская вернула город шотландцам в обмен на оказываемую ими поддержку Ланкастерам, но в 1482 г. англичане отвоевали его обратно. С тех пор Берик оставался во власти английской монархии, будучи английским форпостом в Восточном пограничье. Стратегическая значимость Берика-на-Твиде и постоянная угроза со стороны Шотландии (находясь в английских руках, город неоднократно подвергался нападениям шотландцев) привели к тому, что в поселении квартировал военный гарнизон, что было отличительной чертой наиболее важных в военном отношении крепостей. Военные гарнизоны располагались, например, в таких стратегически важных центрах, как Карлайл и Кале.

Положение гарнизонов в средневековых городах, система управления ими, взаимоотношения с городской общиной не так часто становятся предметом исследования. Применительно к Англии эпохи Позднего Средневековья и раннего Нового времени наибольшее внимание привлекает Кале [6, 7]. Это вполне закономерно, поскольку гарнизон Кале был едва ли не самым большим из английских гарнизонов эпохи первых Тюдоров, к тому же зачастую его устройство служило образцом для других [6, р. 53]. В случае Берика-на-Твиде наиболее полно исследован период елизаветинского правления, который рассмотрен в ряде статей и диссертаций [8–11]. Раннетюдоровскому периоду посвящены лишь отдельные главы в обобщающих трудах по истории города или северных земель Англии [12]. В то же время существует целый ряд документов, позволяющих составить представление о жизни гарнизона в первой половине XVI в. и его взаимоотношениях с городской общиной. В частности, можно назвать серию королевских уставов, изданных в то время и посвященных регулированию пребывания военных в городе.

В эпоху Тюдоров Бериком-на-Твиде управлял мэр, при котором существовал городской совет. Гарнизон квартировал в городском замке. Возглавлял его капитан, назначавшийся непосредственно монархом. Порядок жизни города и правила жизни гарнизона регулировались различными документами, уставами. В нашем рас-

поряжении имеются опубликованные документы времен Генриха VII, Генриха VIII и Елизаветы Тюдор. Это гильдейские статуты, ордонансы и уставы. Попытаемся на их основании выявить проблемы, существовавшие в жизни гарнизона Берика-на-Твиде, где солдаты гарнизона пересекались с представителями городской общины, как осуществлялось их взаимодействие.

Если вчитаться в городские уставы, то можно установить, что в них содержится немного упоминаний о солдатах гарнизона. Как показывают гильдейские статуты, они активно принимали участие в городской торговле. Так, гильдейский статут 1505 г. запрещает солдатам, равно как и другим жителям города, если только они не являются фрименами, торговать с иноземными купцами или с кем-нибудь другим сверх удовлетворения повседневных потребностей. Исключение составляли только капитан гарнизона Берика и его заместители, если они покупали продовольствие для гарнизона [13, р. 7]. Гильдейские статуты и ордонансы регулировали и количество скота, которое могли содержать горожане и солдаты. Так, тот же статут 1505 г. предписывал горожанам – фрименам, констеблям, семейным солдатам гарнизона содержать не более четырех коров и волов, а одиноким солдатам не более трех коров и волов [13, р. 11].

Ордонанс Генриха VIII от 1533 г. уделяет довольно большое внимание взаимодействию гарнизона с городской общиной. В первую очередь он запрещает офицерам и солдатам гарнизона быть фрименами города или заниматься торговлей, или каким-либо другим занятием, свойственным фрименам Берика [14, р. 470]. Фримены, которые в нарушение королевского указа поступали на военную службу, теряли свои привилегии.

Согласно ордонансу взаимодействовать с капитаном гарнизона горожанам приходилось при торговле с купцами из Шотландии. В этом случае мэр Берика или члены городского совета в его отсутствие должны были запросить у капитана лицензию для пропуска шотландцев. Капитан гарнизона согласовывал и перечень тех горожан, у которых должны были останавливаться шотландцы. Ежегодно мэр и городская община предоставляли ему список из шести кандидатов. Капитан мог не согласиться с предложенными кандидатурами, и тогда мэр и городская община должны были представить ему другие кандидатуры [14, р. 472].

Лицензии от капитана гарнизона требовали и поездки купцов и других жителей Берика в Шотландию. При этом запрещалось продавать шотландцам зерно, если оно стоило дорого в Йоркшире и южных графствах [14, р. 472].

Ордонансы 1542 и 1560 гг. были в большей степени посвящены организации службы и повседневной жизни гарнизона. Солдатам предписывалось в обязательном порядке приносить

присягу монарху перед капитаном гарнизона. Запрещалось носить чьи-либо ливреи, кроме королевских, поскольку это означало, что человек находится на чьей-то частной службе. Много статей было посвящено правилам караульной службы, наказаниям за их нарушение, особенно при охране городских ворот. Отдельно ордонансы уделяли внимание комплектности вооружения солдат, которые несли ответственность за отсутствие доспехов или оружия [15].

Городская община в этих ордонансах прямо практически не упоминается. Однако по некоторым статьям можно проследить отдельные элементы ее взаимодействия с военными. Запрещались любые взаимоотношения с шотландцами без специальной лицензии, которую, скорее всего, как и по ордонансу 1533 г., мог выдавать капитан гарнизона. Солдаты гарнизона, видимо, часто оставались ночевать в городе. Ордонанс 1542 г. предписывал получать для этого специальное разрешение у капитана гарнизона, но, судя по тексту, это правило часто нарушалось [15]. Ордонанс регулировал и посещение солдатами гарнизона церквей и рынков. Под угрозой штрафов статут запрещал им находиться в городе без оружия. Еще одной проблемой, с которой пытался бороться ордонанс, были азартные игры. Судя по его статье, солдаты играли в кости и карты не только в замке, но и в городе, причем преимущественно именно в городских заведениях [15].

В условиях постоянных набегов со стороны шотландцев и ответных экспедиций, в которых солдаты гарнизона принимали активное участие, обычным делом был захват пленных. Ордонанс пытался поставить захват и содержание пленных под контроль командования гарнизона, но, судя по всему, это далеко не всегда удавалось, и сокрытие узников от начальства и последующее использование пленных для личного обогащения было распространенным явлением. Зачастую солдаты позволяли пленным свободно передвигаться по городу и на ночь не запирали их в гарнизонную тюрьму [15].

Ордонанс 1542 г. особое внимание уделял регулированию содержания собак солдатами гарнизона, указывая, какие породы можно содержать и предписывая запиравать собак на ночь. Еще одна проблема, которая могла регулярно служить источником столкновений солдат с горожанами, судя по всему, заключалась в доступе на городские стены. Ордонанс предписывал, чтобы никто праздно не шатался по городским укреплениям, не приводил к ним иностранцев, особенно шотландцев. Запрещалось перебираться через стены, используя лестницы или другие приспособления для того, чтобы попасть в город либо покинуть его [15].

В октябре 1560 г. королева Елизавета выпустила сразу 2 ордонанса, посвященных гарнизону. Первый из них фактически полностью повторял ордонанс 1542 г., отличаясь лишь тем,

что вместо короля в нем фигурировала королева [16]. Второй ордонанс, означенный как «Новые установления для города Берика и его гарнизона», как сообщалось в его преамбуле, был призван исправить плачевное состояние города из-за того, что древние законы были забыты и не выполнялись [17]. «Новые установления» предписывали губернатору города (так теперь называлась должность капитана гарнизона) в случае необходимости привлекать для решения сложных вопросов жителей города.

В «Новых установлениях» в очередной раз подчеркивалось, чтобы в число солдат гарнизона не входили жители Берика, а также уроженцы пограничных графств – Нортумберленда, Камберленда, Уэстморленда и епископства Даремского. В свою очередь, солдатам и офицерам гарнизона запрещалось заниматься ремеслом, за исключением оружейного дела [17, р. 455]. Новацией этого ордонанса стала статья, запрещавшая солдатам отбивать жен и сожительниц у горожан. Другим преступлением, которое королева попыталась запретить, стали вооруженные стычки и дуэли, видимо, часто происходившие в городе. Отдельной статьей королева запрещала солдатам и иным жителям города, гулявшим по ночам, за исключением часовых и тех, кто в данный момент находился на службе, нарушать покой горожан криками или каким-либо иным шумом [17, р. 456].

Таким образом, согласно городским и гарнизонным ордонансам городская община и гарнизон существовали относительно автономно. Авторы документов обращают внимание на порядок взаимодействия гарнизона и городской общины лишь тогда, когда это касается вопросов, связанных с безопасностью. В этом случае, правда, речь идет преимущественно о контактах главы гарнизона, капитана или губернатора с руководителями городской общины. В то же время уставы позволяют заключить, что солдаты гарнизона были вовлечены в постоянное общение с горожанами, которое зачастую было для жителей Берика довольно обременительным. Впрочем, ордонансы об этом не говорят напрямую, и более полную картину следует искать в других источниках.

Список литературы

1. Чернова Л. Н. Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>
2. Чернова Л. Н. Тюдоровский Лондон: социальный портрет (на материале завещаний) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 311–319. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-311-319>

3. Мосолкина Т. В. Город Йорк и англо-шотландские противоречия во второй половине XV века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 309–312. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-3-309-312>
4. Мосолкина Т. В. Социально-экономическое развитие г. Йорка в первой трети XVI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 320–324. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-320-324>
5. Евсеев В. А. Проблемы социального развития английского города XVI–XVII вв. (на примере Йорка) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5, вып. 10 (33). URL: <https://history.jes.su/s207987840000868-3-1/> (дата обращения: 15.08.2023).
6. Grummitt D. The Calais Garrison: war and military service in England, 1436–1558. Woodbridge : Boydell and Brewer, 2008. 217 p.
7. Rose S. Calais: An English Town in France, 1347–1558. Woodbridge : Boydell and Brewer, 2008. 187 p.
8. Kesselring K. J. 'Berwick is Our England': Local and National Identities in an Elizabethan Border Town // Local Identities in Late Medieval and Early Modern England / eds. N. L. Jones, D. Woolf. London : Palgrave Macmillan, 2007. P. 92–112.
9. Wallace H. M. Berwick in the Reign of Queen Elizabeth // English Historical Review. 1931. № 46. P. 78–88.
10. Штокмар В. В. Берик-на-Твиде в конце XVI – начале XVII века // Средневековый город / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. Вып. 5. С. 113–119.
11. Van Vliet J. M. "From A "strong Town of War" to The "very Heart Of The Country": The English Border Town of Berwick-Upon-Tweed, 1558–1625": A Dissertation in History Presented to the Faculties of the University of Pennsylvania in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Publicly Accessible Penn Dissertations, 2017. 347 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/214215162.pdf> (дата обращения: 07.09.2023).
12. Scott J. Berwick-upon-Tweed: The history of the Town and Guild. London : Published by Elliot Stock, 1888. 495 p.
13. The manuscripts of the corporation of Berwick-upon-Tweed // Reports on Manuscripts in various collections : in 8 vols. London : H. M. Stationery Office, 1901. Vol. 1. P. 1–28.
14. Grant of Henry // Scott J. Berwick-upon-Tweed: The history of the Town and Guild. London : Published by Elliot Stock, 1888. Appendix IX. P. 470–472.
15. The true copy of the book of statutes and ordinances at Barwik // Letters and Papers, Foreign and Domestic : in 21 vols. Henry VIII. Vol. 17: 1542 / eds. J. Gairdner, R. H. Brodie. London : H. M. Stationery Office, 1900. P. 199–218.
16. The Aunient Statutes of the town and castle of Barwick // Scott J. Berwick-upon-Tweed: The history of the Town and Guild. London : Published by Elliot Stock, 1888. Appendix IV. P. 447–453.
17. New Orders for the town of Barwick and the garrison of the same // Scott J. Berwick-upon-Tweed: The history of the Town and Guild. London : Published by Elliot Stock, 1888. Appendix IV. P. 454–455.

Поступила в редакцию 05.09.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 05.09.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 53–58
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 53–58
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-53-58>, EDN: FMPOLX

Научная статья
УДК [94(410-21):930.2(450.341)]|15|

Города Англии середины XVI века в Relazioni венецианских послов

М. В. Третьякова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, Россия, 607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. Карла Маркса, д. 36

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, marinatretyakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6158-8800>, AuthorID 453839

Аннотация. В статье рассматриваются данные итоговых отчетов венецианских послов об английских городах. Сведения венецианских послов о городах Англии, к сожалению, кратки и в основном сводятся к указанию, что Лондон является главным городом страны, другие же города Англии венецианские послы просто перечисляют. Свидетельства венецианцев, хотя и косвенно, помогают воссоздать восприятие венецианцами городов английского королевства.

Ключевые слова: Англия, города Англии, 50-е гг. XVI в., Relazioni венецианские послы

Для цитирования: Третьякова М. В. Города Англии середины XVI века в Relazioni венецианских послов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 53–58. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-53-58>, EDN: FMPOLX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cities of England in the middle of the XVI century in the Relazioni of the Venetian ambassadors

M. V. Tretyakova

National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, 36 Karl Marx St., Arzamas, N. Novgorod region 607220, Russia

Marina V. Tretyakova, marinatretyakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6158-8800>, AuthorID: 453839

Abstract. The article examines the data of the final reports of the Venetian ambassadors on English cities. The information of the Venetian ambassadors about the cities of England, unfortunately, is brief. The author of the article comes to the conclusion that they basically boil down to pointing out that London is the main city of the country, that other cities of England are simply listed by the Venetian ambassadors, that the testimonies of the Venetians, albeit indirectly, help to recreate the perception of the cities of the English kingdom by the Venetians.

Keywords: England, cities of England, 50s of the XVI century, Relazioni, Venetian ambassadors

For citation: Tretyakova M. V. Cities of England in the middle of the XVI century in the Relazioni of the Venetian ambassadors. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 53–58 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-53-58>, EDN: FMPOLX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Итоговые отчеты венецианских послов содержат самую разнообразную информацию, которую дипломаты сообщали своему правительству. Есть среди этих сведений и некоторая толика информации о городах тех стран, где были аккредитованы послы. В этом аспекте нами были исследованы итоговые отчеты венецианских послов при дворе английской короны: Даниэле Барбаро (1513–1570) [1, р. 225–271; 2], представителя патрицианской фамилии, гуманиста, переводчика и комментатора Витрувия, мецената (в частности, был патроном А. Палладио) [3–5; 6, р. 12; 7, р. 37; 8] посла при

дворе Эдуарда VI в 1547–1551 гг., Джакомо Сорранцо (1518–1599) [9, р. 29–87], также выходца из патрицианской семьи, которая была патроном венецианского живописца Я. Тинторетто [8; 10, р. 113; 11, р. 46–47; 12, 13] посла при дворах Эдуарда VI и Марии I в 1551–1554 гг., Джованни Микеле [14, р. 289–380], посла при дворе Марии I в 1554–1557 гг. Кроме того, использовалось произведение «Описание английского королевства периода правления Марии I» Анонимного автора [15, р. 381–398], время написания которого предположительно 1556 г.

У Даниэле Барбаро, Джакомо Соранцо, Джованни Микеле и Анонимного автора «Описания английского королевства периода правления Марии I» содержится немного информации об английских городах. Чаще всего они просто называют города и дают из их числа лишь некоторым весьма краткую характеристику. Исключение, пожалуй, сделано лишь для Лондона, но и о нем пишется не пространно. Однако в любом случае можно все-таки составить представление о том, как венецианские послы воспринимали английские города.

В итоговых отчетах венецианских послов сведения о городах Англии в основном сводятся к названию городов, обязательно указывается столичный город, количество населения, проживающего в нем, иногда описываются архитектурные достопримечательности, а также, правда, еще реже и события, связанные с тем или иным городом.

Местом аккредитации венецианских послов были города, где размещался королевский двор. Выяснить, где размещались венецианские послы в Лондоне, достаточно сложно. Где жили венецианские послы в Лондоне? Точно не ответить, но есть сведения, что в XVII в. венецианские послы в Лондоне размещались в Rutland House [16, р. 366], который находился на северо-восточном углу Charterhouse Square [17, р. 681; 18–20].

Достоверно известно лишь, что резиденцией венецианского посла Пьетро Контарини (1578–1632), аккредитованного при дворе короля Якова I в 1617–1618 гг., был дом сэра Пола Пиндара. В 1597 г. Пиндар купил недвижимость на северо-востоке Сити (City of London) на западной стороне Bishopsgate Street [21]. Этот дом и служил резиденцией Пьетро Контарини. Некто из свиты Контарини (Contarini's chaplain) [22] описывал это здание как «avery commodious mansion which had here to fore served as the residence of several former ambassadors» [22].

Где конкретно размещались венецианские посольства в Лондоне, вопрос остается пока открытым. Несомненно одно, что где-то послы все-таки жили. Во всяком случае, в своем отчете Даниэле Барбаро пишет, сообщая о состоянии религиозных дел в Англии, что он в какой-то степени сам пострадал во время своей миссии в Лондоне из-за исповедания католицизма: «Они имели наглость проникнуть в дом самого Барбаро, нарушив привилегии посла, захватив священника, который служил мессу для него дома, о чем он писал дожу в письме от 24 июля прошлого года» [1, р. 250]. Но где находился этот дом? Единственно, что точно, так это то, что жили венецианские послы в Лондоне. В какой-то степени это утверждение подтверждает указание места написания их депеш в Венецию. Свои депеши и Даниэле Барбаро, и Джакомо Соранцо, и Джованни Микеле подписывали так: ставили

дату написания письма и место их нахождения во время составления документа, всегда это был Лондон. В депеше Микеле Суриана (Michiel Surian)¹, венецианского посла в Англии в 1557 г., от 31 марта 1557 г. указан Вестминстер как место, где была написана и откуда отправлена эта цедула [23]. Пребывание в Вестминстере посол объясняет так: «Вчера я прибыл сюда, где находится король и королева, но нет достопочтенного легата, который отбыл, чтобы провести святые дни (Пасху. – М. Т.) [23] в своем архиепископстве, где я думаю навестить его и остаться на этот короткий период в таком поистине святом обществе, особенно потому, что двор точно также удалится отсюда в течение этих дней» [23]. Микеле Суриано недолго пробыл послом в Лондоне. Уже в июле 1557 г. он стал венецианским послом при короле Филиппе и перебрался вслед за монархом на континент, отправлял свои депеши в Венецию из Брюсселя, откуда и отбыл в Венецию между 8 и 29 января 1559 г.

Еще один вопрос: как добирались венецианские послы до Лондона? Можно предположить, что, если из Венеции до Лондона добирались по суше и по морю, то тогда послы должны были остановиться в Кале и высадиться в Дувре или в другом городе на побережье Англии. Если же добирались морским путем, то тогда тоже, скорее всего, не миновали Дувр или другой порт Англии. Из Венеции до Лондона в XVI в. могли добираться по суше и морю и исключительно по морю. Могло быть несколько вариантов, как добраться до Лондона из Венеции по суше и по морю. Первый вариант: Венеция – Падуя – Милан – Базель – Франкфурт – Кёльн – Брюгге – Кале – Дувр – Лондон; второй вариант: Венеция – Падуя – Милан – Генуя – Лион – Париж – Кале – Дувр – Лондон; третий вариант: Венеция – Падуя – Базель – Страсбург – Лилль? (Париж?) – Кале – Дувр – Лондон; четвертый вариант – по дорогам пути св. Якова: Венеция – Милан – Безансон – Реймс – Самбре – Кентерберри – Лондон; или: Венеция – Милан – Лион – Париж – Самбре – Кентерберри – Лондон; или: Венеция – Милан – Лион – Париж – Руан – Дьепп – Брайтон – Лондон.

По морю маршрут был таков: Венеция – Неаполь – Пальма – Кадис – Лиссабон – Саутгемптон/Плимут/Брайтон/Кентерберри/Дувр – Лондон. Однако, как пишет К. Бек, «в 1532 г. из Венеции отплывает последний конвой венецианских галер в направлении Эг-Морта и Лондона» [24, с. 105–106]. Поэтому, скорее всего, добирались по суше, а потом через Ла-Манш (Па-де-Кале) до Лондона. Основные порты Па-де-Кале: Кале, Булонь-сюр-Мер, Дюнкерк, Дувр.

По отчету и донесениям Даниэле Барбаро можно относительно точно определить его маршрут. Известно, что на должность посла при английском дворе он был избран 12 октября 1548 г., а 4 февраля 1549 г. Совет Десяти

постановил, что Альвизе Агостини будет секретарем миссии, и спустя 4 дня было решено, что посольство должно отправиться в путь как можно быстрее. Лишь 25 апреля 1549 г. Барбаро вступил в должность официально, да и отъезд из Венеции состоялся не быстро. До Парижа посольство добралось в середине июня, а первые депеши из Англии стали приходить не ранее начала июля [4]. Кроме того, Даниэле Барбаро в своем отчете пишет, что в Дувре высаживаются те, кто прибывает в Англию из Кале. Следовательно, маршрут от Венеции до Лондона мог выглядеть следующим образом: Венеция – Падуя – Милан – Генуя – Лион – Париж – Кале – Дувр – Лондон либо: Венеция – Падуя – Базель – Страсбург – Лилль? (Париж?) – Кале – Булонь-сюр-Мер? – Дюнкерк? – Дувр? – Лондон. Во всяком случае, в предписании Джованни Микеле отправиться в путь в Англию Совет Десяти непосредственно указывал, что ему следует добираться в Англию через Францию: «Предупредите его, чтобы он не отправлялся ко дворам ни императора, ни наихристианнейшего короля, но следовал в свою миссию через Францию, ловко избегая двора, не показывая, что он делает это намеренно или по их приказу. Он должен пожелать своему предшественнику сделать то же самое по возвращении, и после совместного прочтения этого письма и выдержки из него (*con l'estratto di esse*) они должны тайно сжечь их, чтобы они не попали в руки других лиц. Ayes, 23. No, 1. Neutrals, 4» [25].

Вернемся к отчетам венецианских послов. Даниэле Барбаро был послом при дворе короля Эдуарда VI с февраля 1549 по август 1551 г. [1, р. 227]. В своем отчете он отмечал, что Британия – это «остров, состоящий из Англии и Шотландии», что это – «богатая страна, длиной 800 миль, шириной 140 миль, что 2/3 этого острова принадлежат королю Англии» [1, р. 228]. Из городов Англии Барбаро выделял Лондон, Кентербери, Йорк, Оксфорд и Кембридж, Дувр, крепости на границе с Шотландией; из континентальных городов Англии – города Английского Кале – Кале, Гин (*Guines*), Ард (*Arbres*) [1, р. 263].

По Даниэле Барбаро Лондон – богатый город, в котором проживает много людей [1, р. 240]. В основном Барбаро писал о специфике управления городом: с 1189 г. существует городское самоуправление, что это – привилегия, полученная горожанами за деньги еще в период правления Ричарда I, что это – «не что иное, как другая форма республики», благодаря чему Лондон стал «богатым», что «весь народ разделен на цехи/корпорации, которые в Венеции называются скуолами. Среди всех цехов выделяется тот, что связан с шерстью (купцы-авантюристы – *M. T.*)» [1, р. 240].

Барбаро отмечал, что правитель (он его именует на итальянский манер «подеста». – *M. T.*)

Лондона называется лорд-мэр, что есть в городе еще «два трибуна (виконты), они называются шерифы» [1, р. 240]. Должности выборные. Город разделен на 24 части. Эти части он называет английским словом «wards». Во главе каждой стоят олдермены. Здесь Даниэле Барбаро также объясняет своим слушателям, что слово «олдермен» можно перевести как «старый человек или сенатор», поясняя суть статуса олдерменов. Магистратура тоже выборная, выборы проводятся каждый год, но можно на эту должность избираться подряд в течение 5 лет. Выборы сопровождаются помпезными церемониями, одной из которых является совместная трапеза («банкет»), когда за столом собирается более 1000 чел. Их обслуживают «в тишине и в прекрасном порядке». Лорд-мэр одет во время церемонии в одеяния scarlatного цвета, перед ним впереди несут меч. Все мероприятия носят публичный и пышный характер. После того как срок службы на посту лорд-мэра завершен, человек, замещавший эту должность, становится кавалером, получая право именоваться лордом, а его жена соответственно имеет право именоваться леди и «может одеваться иначе, чем прочие женщины» [1, р. 241]. По Даниэле Барбаро, «в других городах тоже существуют подобные церемонии, но не такие пышные, за исключением города Йорка, где церемония сходна с той, что проводится в Лондоне» [1, р. 241].

В отчете Барбаро больше внимания уделено Шотландии, чем собственно Англии. Это объясняется тем, что его пребывание в Англии совпало по времени с ведением переговоров о завершении англо-шотландско-французской войны 1542–1550 гг., ее окончанием [26] и возобновлением франко-шотландского союза [27]. Поэтому он пишет и о самой Шотландии, и об английских городах шотландской границы. Судя по тексту его отчета, он, видимо, посетил Шотландию, раз благодарит графа Уорвика² за предоставленную возможность побывать в ней [1, р. 267].

В Англии венецианский нобиль Джакомо Соранцо (1518–1599) как венецианский посол, пребывая при дворах английских монархов – сначала при Эдуарде VI, потом при Марии I – был аккредитован в 1551–1554 гг. С точки зрения объема информации, о городах Англии отчет Джакомо Соранцо, по сравнению с отчетами других венецианских послов, более информативен, хотя тоже краток.

Из отчета Джакомо Соранцо видно, что он знаком с некоторыми городами Англии. Он называет такие города, как Лондон, Дувр, Йорк, Кале, указывая, что «главные города королевства – Лондон и Йорк, но «Лондон – главнее, там королевский двор» [9, р. 50]. Сложно сказать, бывал ли он в этих городах, кроме, естественно, Лондона, Дувра, Кале, лично.

В своем же отчете Джакомо Соранцо приводит относительно подробное описание лишь

одного Лондона. Он пишет, что Лондон стоит на р. Темзе, «которая иногда даже напоминает море» [9, р. 50], что «она вполне судоходна, например, для 400 судов, но не очень больших, но пригодных для торговли» [9, р. 51].

Из архитектурных достопримечательностей столицы Англии Соранцо выделяет лондонский мост [9, р. 51], Тауэр [9, р. 60]. Поскольку Джакомо Соранцо в Лондоне оказался после проведения в жизнь акта о диссолюции, то, с его точки зрения, город совершенно не украшают «руины монастырей и церквей» [9, р. 51]. В городе проживают 180 тыс. чел. [9, р. 51].

Преемником Джакомо Соранцо на посту венецианского посла при дворе английской короны в 1554–1557 гг. был Джованни Микеле, избранный на эту должность в начале марта 1554 г., поручение (Commissione) от дожа и сената получил 27 марта 1554 г. [28]. В Англию прибыл 22 мая 1554 г. Последнее свое донесение из Англии написал 26 января 1557 г., а уехал оттуда в начале февраля 1557 г. Свой отчет (Relazione) представил венецианскому правительству 13 мая 1557 г. [29].

В свою очередь Джованни Микеле пишет, что «Лондон – столица королевства, один из главных городов Европы», что «он удобен для проживания», что «в нем проживают 180 000 человек», что в нем «красивые улицы и здания», есть мост с «девятнадцатью арками (dicianove archi)», что есть «главный собор св. Павла», что Темза красива, «достаточно полноводна, вмещающая от трехсот до четырехсот судов», что среди жителей Лондона «есть 25 олдерменов (Aldermani)», что «особое место в городе занимают ливрейные компании, отличающиеся исключительным богатством, особенно этим известны купцы-авантюристы», и делает вывод, что, без сомнения, город – «один из богатейших в Европе» [14, р. 294–296].

Другие города Джованни Микеле не называет, за исключением городов на границе с Шотландией, это – Берик, Карлайль, Дарем [14, р. 305], континентальных владений – Кале (Calais) и Гина (Guines) [14, р. 296, 305]. Города на шотландской границе характеризуются с точки зрения их обороноспособности: фортификационных сооружений, наличия гарнизонов, количества контингента. Он пишет, что Кале и Гин имеют важное стратегическое значение для Англии на континенте, объясняя преимущества расположения Кале тем, что город находится напротив Дувра, а также «не более чем в двух милях от Ардра, границы Франции, и на одинаковом расстоянии от Гравелина, границы империи», что позволяет англичанам «объединять свои силы с теми из них, с кем они в дружбе, в ущерб врагу» [14, р. 296, 305].

У Анонимного автора почти нет сведений о городах, за исключением того, что он называет Виндзор, который находится в 12 милях

от Лондона, да и то в контексте того, что рыцари ордена Подвязки посещают это место [15, р. 397]. Кроме того, Анонимный автор тоже упоминает крепости на шотландской границе, называя Берик, и владения на континенте – Кале, Гин [15, р. 388].

Для сравнения можно привести и данные Джорджа Рейнсфорда о городах Англии. Он пишет, что «в Англии много больших городов, но они не так красиво и величественно построены, как в других странах. ... Лондон главный город и столица, в нем много красивых дворцов, мост с изумительной конструкцией, на котором множество лавок с товарами. Лондон управляется в соответствии с прекрасными законами, стоит на Темзе, удобной для навигации во всех местах. Даже крупные суда могут безопасно проходить по Темзе до 60 миль от Лондона. Берега Темзы везде с прекрасными зелеными лугами, богатыми пастбищами, полные удивительных овец, к великому удовольствию проплывавших мимо моряков» [30, р. 74]. «Есть и другие города – Бристоль, Ковентри, Норвич, Йорк, Гулль, Честер, Оксфорд, Эксетер, Саутгемптон, Кентербери и много других» [30, р. 92–93].

Из отчетов венецианских послов, конечно, не составить Блумсдэя, но можно понять, что они бывали в Вестминстерском аббатстве (Джакомо Соранцо (коронация Марии), Вестминстерском дворце (Даниэле Барбаро, Джакомо Соранцо, Джованни Микеле) (заседания парламента), резиденциях монархов (Даниэле Барбаро, Джакомо Соранцо, Джованни Микеле) (предположительно Уайтхоллский дворец³, Ричмондский дворец⁴, Хэмптон-корт⁵, Гринвичский дворец⁶, Oatlands Palace⁷, прочие замки), перемещались по делам/гуляли по Лондону – (Даниэле Барбаро, Джованни Микеле, Джакомо Соранцо – Тауэр, мост, и по маршруту въезда королевы в Лондон [9, р. 41, 72]), посещали частных лиц (Джакомо Соранцо – Себастьяна Кабота [31, р. 268–269], вельмож – возможно, графа Пемброка [9, р. 52] и других, но кого именно, можно лишь предполагать).

Из мероприятий, связанных с Лондоном, Даниэле Барбаро [1, р. 240–241], Джакомо Соранцо [9, р. 51–52] побывали, скорее всего, на церемонии вступления в должность (въезда в город) лорд-мэра Лондона. Кстати, об этом почему-то не пишет Джованни Микеле, хотя, несомненно, и при его миссии эта церемония тоже проходила.

В период миссии Даниэле Барбаро должность лорд-мэра Лондона занимали: в 1549 г. – Sir Rowland Hill (ок. 1495–1561), первый протестантский лорд-мэр Лондона («Почтенная компания торговцев»), в 1550 г. – Sir Andrew Judde, или Judd (1492–1558) («Почтенная компания скорняков» (торговцев мехом), в 1551–1552 гг. – Sir Richard Dobbs († 1556) («Почтенная компания скорняков» (торговцев мехом)).

В период миссии Джакомо Соранцо лорд-мэрами Лондона были: в 1551 г. – Sir Richard Dobbs из «Почтенной компании скорняков» (торговцев мехом), в 1552 г. – George Barne из «Почтенной компании галантерейщиков» (торговцев одеждой сшитой на заказ и из тонких тканей (шелк и вельвет)), в 1553 г. – Sir Thomas White, представитель «Почтенной компании торговцев-портных». 19 июля 1553 г. именно Thomas White, будучи лорд-мэром Лондона, провозгласил Марию Тюдор законной наследницей Эдуарда VI. 9 августа 1553 г. она въехала в Лондон. В 1554 г. лорд-мэром Лондона был Sir John Lyon из «Почтенной компании бакалейщиков».

Как видим, венецианские послы не слишком много пишут об английских городах середины XVI в. Представление о городах Англии того времени можно, наверное, составить по анализу всех отчетов в целом. Многие сведения дублируются. Послы повторяют в основном данные друг друга, добавляя лишь события, которые пришлось на период их миссии. Большая часть сведений приводится применительно лишь к Лондону. Но можно понять, что у венецианцев существует градация английских городов: столица – Лондон, города – центры церковных диоцезов – Кентербери, Йорк, где Кентербери – главенствует, города – университетские центры – Оксфорд и Кембридж, причем, эти города отмечает именно в этом качестве лишь Даниэле Барбаро, вероятно, это объясняется тем, что он являлся представителем интеллектуальной элиты того времени, другие города – чаще всего называются приморские города Бристоль, Честер, Дувр, города, являющимися важными стратегическими крепостями на границе с Шотландией – Берик, Карлайль, и континентальные города, принадлежавшие Англии, – Кале, Гин, Ардр.

Таким образом, сведения об английских городах в итоговых отчетах венецианских послов незначительны по объему, но относительно важны с точки зрения заключенной в них информации. Возможно, краткость этих данных можно объяснить и тем, что облик и специфика жизни английских городов были хорошо знакомы венецианскому нобилитету, и слушатели отчетов не нуждались в детализации их описаний, да и эти сведения, скорее всего, не являлись наиболее значимой частью итоговых отчетов венецианских послов.

Примечания и комментарии

- ¹ Michiel Surian – Ser, венецианский посол ко двору императора Карла V, короля Филиппа и королевы Марии I Тюдор в Нидерландах и Англии.
- ² Джон Дадли, 1-й граф Уорик, 1-й герцог Нортумберленд (1504–1553), английский государственный деятель, лорд-адмирал с 1537 по 1547 г., член Регентского совета, казнен в августе 1553 г.

³ Уайтхоллский дворец был основной резиденцией английских королей в Лондоне с 1530 по 1698 г., когда он сгорел.

⁴ Ричмондский дворец – дворец в западном пригороде Лондона, Ричмонде, летняя резиденция королей Англии в XIV–XVII вв., ныне не существует.

⁵ Хэмптон-корт – дворцово-парковый ансамбль в Лондоне, загородная королевская резиденция до 1760 г.

⁶ Гринвичский дворец, или Дворец Плацентия – бывшая главная королевская резиденция. Дворец неоднократно менял не только своих владельцев, но и свое название. При Хамфри, герцоге Глостере, который и занимался строительством дворца, – Белла-Корт, при Маргарите Анжуйской – Плацентия. Дворец был разрушен в 1660 г. при короле Карле II, который собирался построить на этом месте новый дворец. Вместо дворца был построен Гринвичский морской госпиталь в 1694 г.

⁷ Oatlands Palace – резиденция королей династии Тюдоров и Стюартов, находится в Oatlands недалеко от Уэйбриджа, графство Суррей.

Список литературы

1. *Relazioni d’Inghilterra del clarissimo Daniel Barbaro tornato ambasciatore da quella corte l’anno 1551 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato : in 15 vols. Vol. 2 : Firenze : Tipografia e calcografia all’insegna di Clio, 1840. P 225–271.*
2. Report by the most noble Messer Daniel Barbaro (afterwards Patriarch elect of Aquileia) of his Legation in England, delivered in the Senate in the month of May 1551 [on parchment] ‘Venice: May 1551’ // *Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice : in 38 vols. / ed. R. Brown. London : Longman, H.M.S.O., 1873. Vol. 5. 1534–1554. P. 338–362. URL: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/venice/vol5/pp338-362> (дата обращения: 21.03.2023).*
3. Третьякова М. В. Даниэле Барбаро как представитель венецианского нобилитета XVI века // *Личность и общество в историческом процессе : сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Рязань, 9–10 апреля 2020 г.) / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. Рязань : ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2020. С 291–295.*
4. *Alberigo G. Barbaro, Daniele Matteo Alvise // Dizionario Biografico degli Italiani : in 100 vols. Roma : Istituto della Enciclopedia italiana, 1964. Vol. 6. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/daniele-barbaro_\(Enciclopedia-Italiana\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/daniele-barbaro_(Enciclopedia-Italiana)) (дата обращения: 25.02.2023).*
5. *Miranda S. Barbaro, Daniele Matteo Alvise (1514–1570) // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL: <http://webdept.fiu.edu/~mirandas/bios1561.htm#Barbaro> (дата обращения: 20.07.2023).*
6. *Yriarte Ch. La vie d’un patricien de Venise au XVIe em siecle: M. Barbaro. Paris : E. Plon., 1874. 447 p.*
7. *Cicogna E. Famiglie nobili venete // Venezia e sue lagune : in 2 vols. Venezia: nell’R. Privilegio. Stabilimento Antonelli, 1847. Vol. I. P. 33–37.*
8. *Coronelli V. M. Arme, blasoni, o insegne gentilitie delle famiglie patritie esistenti nella serenissima republica di*

- Venetia... dal p. cosmografo Coronelli. [Venetia: [s. n.], 1700?]. Dedicata / All'III.mo et Eccellentissimo Signore Pietro Garzoni, Senatore, ed Istoriografo Publico, Dal P. Cosmografo Coronelli. URL: <https://www.internetculturale.it/> (дата обращения: 21.07.2023).
9. Relazione d'Inghilterra di Giacomo Soranzo, tornato ambasciatore da quella corte il 19 agosto 1554 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto : in 15 vols. Vol. 3. Firenze : Società Editrice Fiorentina, 1853. P 29–87.
 10. *Tafari M.* Venice and the Renaissance / transl. by J. Levine. Cambridge (Mass.) ; London : MIT Press, Cop. 1989. XI. 296 p.
 11. *Nichols T.* Tintoretto. Tradition and Identity. London : Redaktion Books, 2015. 400 p.
 12. *Holt S.* Paolo Veronese and his Patrons. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St. Andrews, 1990. URL: <http://research-repository.st-andrews.ac.uk/> (дата обращения: 20.07.2023).
 13. *Третьякова М. В.* Дипломатическая деятельность венецианского нобиле XVI века Джакомо Соранцо. Н. Новгород : Издательство ННГУ, 2018. 322 с
 14. Relazione d'Inghilterra del clarissimo Giovanni Michelli detta in Pregadi di 13 maggio 1557 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato : in 15 vols. Vol. 2. Firenze : Tipografia e calcografia all'insegna di Clio, 1840. P. 289–380.
 15. Ritratti del regno d'Inghilterra del tempo della regina Maria // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato : in 15 vols. Vol. 2. Firenze : Tipografia e calcografia all'insegna di Clio, 1840. P 381–398.
 16. *Wheatley H. B., Cunningham P.* London Past and Present: Its History, Associations, and Traditions : in 3 vols. London : John Murray, Albemarle Street, Scribner & Welford, 1891. Vol. 1. 545 p.
 17. *Timbs J.* Curiosities of London. London : Longmans ; Green, Reader & Dyer, 1928/1868. 871 p.
 18. *Thornbury W.* The Charterhouse // Old and New London : A narrative of its history, its people, and its places : in 6 vols. London : Cassell, Petter, & Galpin, [1873–1878]. Vol. 2. 1878. P. 380–404. URL: <http://www.british-history.ac.uk/old-new-london/vol2/pp380-404> (дата обращения: 03.07.2022).
 19. *Temple Ph.* Charterhouse Square // Survey of London : in 47 vols. Vol. 46 / ed. by Ph. Temple. London : Yale University Press for English Heritage, New Haven and London, 2008. P. 242–265. URL: <http://www.british-history.ac.uk/survey-london/vol46/pp242-265> (дата обращения: 09.06.2022).
 20. Ogilby and Morgan's Large Scale Map of the City As Rebuilt by 1676 ([s. l.], 1676. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/london-map-ogilby-morgan/1676/map> (дата обращения: 03.07.2022).
 21. *Thornbury W.* Bishopsgate in Old and New London: A narrative of its history, its people, and its places : in 6 vols. London : Cassell, Petter, & Galpin [1873–1878], 1878. Vol. 2. 576 p. URL: <http://www.british-history.ac.uk/old-new-london/vol2/pp152-170> (дата обращения: 03.07.2022).
 22. Sir Paul Pindar's house. Victoria and Albert Museum. London. URL: <https://www.vam.ac.uk/articles/sir-paul-pindars-house> (дата обращения: 20.07.2023).
 23. March 31 Original Despatch, Venetian Archives. Michiel Surian, Venetian Ambassador in England, to the Doge and Senate. 'Venice: March 1557, 26–31' // Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice : in 38 vols. / ed. R. Brown. London : Longman, H.M.S.O., 1877. Vol. 6: 1555–1558. URL: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/venice/vol6/pp984-999> (дата обращения: 16.07.2023).
 24. *Бек К.* История Венеции. М. : Весь мир, 2002. 192 с
 25. March 28. Parti Secrete. Consiglio X., File no. 8. The Council of Ten and Junta to Giovanni Michiel, on his way to England Venice: March 1554' // Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice : in 38 vols. / ed. R. Brown. London : Longman, H.M.S.O., 1873. Vol. 5: 1534–1554. URL: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/venice/vol5/pp472-477> (дата обращения: 16.07.2023).
 26. *Arnold Th. F.* The Renaissance at War. Smithsonian History of Warfare / ed. by John Keegan. London : Cassell, 2001. 224 p.
 27. *Macdougall N.* An Antidote to the English: The Auld Alliance, 1295–1560. East Linton : Tuckwell Press, 2001. 168 p.
 28. Commission from the Doge and Senate to Giovanni Michiel, Ambassador designate to England 'Venice: March 1554' // Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice : in 38 vols. / ed. R. Brown. London : Longman, H.M.S.O., 1873. Vol. 5: 1534–1554. URL: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/venice/vol5/pp472-477> (дата обращения: 16.07.2023).
 29. May 13. MS. Penes me. Report of England made by Giovanni Michiel, late Ambassador to Queen Mary and King Philip, to the Venetian Senate, on the 13th May 1557 'Venice: May 1557, 11–15' // Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice : in 38 vols. / ed. by R. Brown. London : Longman, H.M.S.O., 1877. Vol. 6: 1555–1558. P. 1041–1095. URL: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/venice/vol6/pp1041-1095> (дата обращения: 16.07.2023).
 30. *Rainsford G.* Ritratto d'Inghilterra (1556) / ed. by P. S. Donaldson // Camden Miscellany. London : Offices of the Royal Historical Society, 1979. Vol. XXVII. P. 49–111.
 31. *Turducci F.* John and Sebastian Cabot: Biographical Notice, with Documents. Detroit : H. F. Brownson, 1893. 441 p.

Поступила в редакцию 05.08.2023; одобрена после рецензирования 13.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 05.08.2023; approved after reviewing 13.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

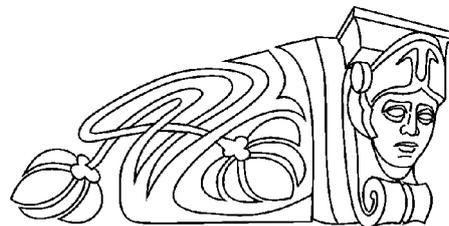

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 59–64
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 59–64
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-59-64>, EDN: ESOLRO

Научная статья
УДК 001.8(410)|16/17|+929

Стратегии самопрезентации английских ученых в XVII–XVIII веках

Ю. С. Шипицына

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Шипицына Юлия Сергеевна, ассистент кафедры зарубежного регионоведения, shipitsyna.phd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6257-0995>, AuthorID: 1122614

Аннотация. Статья посвящена проблеме исторической вариативности стратегий самопрезентации английских ученых в XVII–XVIII вв. Уделяется внимание исследовательскому кейсу, связанному с натуралистами Джозефом Бэнксом, Дэниелом Соландером, Юнасом Драйндером и Робертом Брауном, которые стали участниками организованной Бэнксом корпоративной социальной сети, получившей в историографии название «Бэнксианская просвещенная империя». Показано, что используемые ими технологии организации информации отвечали задачам достижения визуальной наглядности большого массива данных и осуществления доступности этих данных для широкого круга интересующихся содержанием натуралистических коллекций и библиотек. Рассмотренные в статье стратегии самопрезентации представляют собой альтернативный вариант реализации стремления к завоеванию исследовательского авторитета, что подчеркивает ценность их изучения в контексте актуальной сегодня проблемы рефлексии ученых.

Ключевые слова: научная культура, Фрэнсис Бэкон, Ньютоновская наука, Исаак Ньютон, Бэнксианская наука, Джозеф Бэнкс, Дэниел Соландер, Юнас Драйндер, Роберт Браун

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Для цитирования: Шипицына Ю. С. Стратегии самопрезентации английских ученых в XVII–XVIII веках // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 59–64. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-59-64>, EDN: ESOLRO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Self-presentation strategies of English scientists in the 17–18th centuries

Yu. S. Shipitsyna

Ural Federal University, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Yulia S. Shipitsyna, shipitsyna.phd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6257-0995>, Author ID: 1122614

Abstract. The article is devoted to the problem of historical variability of self-presentation strategies of English scientists in the XVII–XVIII centuries. The author pays attention to the certain case, connected with such naturalists as Joseph Banks, Daniel Solander, Jonas Dryander and Robert Brown. These scientists were involved in the corporate social network, created by Banks and known among the historians as Banksian Learned Empire. Technologies of information organizing, used by these naturalists, met the tasks of attainment visual obviousness of large data set and implementation of availability this data for wide circle of people, who were interested in content of naturalistic collections and libraries. Described strategies seem an alternative way of gaining scientific authority, what highlights the value of its researching in the context of actual researchers' reflection problem.

Keywords: scientific culture, Francis Bacon, Newtonian science, Isaak Newton, Banksian science, Joseph Banks, Daniel Solander, Jonas Dryander, Robert Brown

Acknowledgements. The research was supported by The Russian Science Fund (project № 22-18-00488 “The Crisis of Values and the Coping Strategies: the Idea of the „Common Wealth” in the Intellectual discourse of Britain and Russia (1650–1750)”).

For citation: Shipitsyna Yu. S. Self-presentation strategies of English scientists in the 17–18th centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 59–64 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-59-64>, EDN: ESOLRO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В июле 1965 г. в Бедфорд-колледже Лондонского университета состоялись дебаты между историком науки Томасом Куном и философом науки Карлом Поппером. Молодой автор «Структуры научных революций» вышел из этого спора о природе науки победителем. Стив Фуллер, один из ведущих представителей социальной эпистемологии¹, уверен в том, что последствия триумфа Куна на самом деле печальны. «Робкое понимание науки», свойственное нам сегодня, и совершенно размытое как среди ученых, так и в обществе в целом, представление об ответственности за артикуляцию нового знания приводят к отсутствию «умственной гибкости» среди ученых, необходимости *веры* в науку (что сближает ее с религией в глазах обывателей) и неограниченным возможностям манипуляции плодами научного знания в политике [1, с. 61]. «Карьера Куна и восприятие его работ свидетельствуют о потере интеллектуальной ответственности на нескольких уровнях», на восполнение которой, однако, «мы все еще можем надеяться», – считает Фуллер [1, с. 39].

Отсылка к куновскому пониманию науки во введении призвана проблематизировать вопрос исторической изменчивости британской научной культуры, многие достижения, как, впрочем, и заблуждения, которой остаются сегодня прочно связанными с той наукой, частью которой мы все себя ощущаем.

Специфику британской научной культуры в период XVII – первой половины XIX в. во многом определил знаменитый проект организации научных изысканий Ф. Бэкона, изложенный в «Новом Органоне» (1620). Этот проект, содержащий аргументацию необходимости властной поддержки принципиально новой, опытной (эмпирической) модели познания, был непосредственно основан на идее о том, что знание есть «благо для всех» (англ. Good of common), которое следует ценить гораздо выше, чем «благо для себя» (англ. self-good).

«[Ученым-экспериментаторам] следует напомнить, чтобы думали об истинных задачах знания» и «искали его [знания] не для личного удовлетворения, или спора, или самовозвышения над другими, или выгоды, или репутации, или власти, или любых подобных внутренних мотивов, но ради пользы и полезности для жизни, и тогда [поиски истины] будут направляться и регулироваться в соответствии с любовью к ближнему», – писал Бэкон [2, р. 23].

При жизни Бэкона его проект не был реализован, но уже в трудах следующего поколения ученых – Сэмюэля Гартлиба (1599–1670), Джона Дьюри (1596–1680), Томаса Спрата (1635–1713) тезис об универсальности благих следствий знания повторяется неоднократно. С момента учреждения Лондонского королевского общества в 1660 г. его членам приходится отстаивать идею всеобщего блага познания в контексте

дискуссии о доступности результатов научных изысканий для широкого круга интересующихся. Так, например, Роберт Бойль (1627–1691) выступает с критикой высокомерия, с которым ученые, члены Лондонского королевского общества, охраняют научные достижения от непосвященных [3, р. 85–86].

Все это вместе – риторика благости и отказ от снобизма – отвечало стремлению использовать знание в самых широких целях: социальных, политических и моральных [4, с. 330]. Возможность широкого применения знания в свою очередь позволяла заручиться поддержкой власти. Собственно, в поисках этой поддержки и происходила трансформация способов достижения знания, нашедшая отражение в сочинениях Бэкона. В практическом отношении важнейшим следствием «одобрения» знания и его перспектив стал процесс дальнейшего роста институционализации: объединения ученых в коллективы, действующие в рамках единой нормативности, как процессуальной, так и этической [5, с. 257].

Таким образом, у Бэкона фиксируются момент целеполагания, некое идеальное представление, точка отсчета для развертывания дальнейшей научной культуры Британии. Знание, используемое для государства и общества, и есть то общее благо, которого желают интеллектуалы. Вопрос его применения – уже совсем другая история.

Кульминационный момент реализации идеи «знание – благо» приходится на период президентства в Лондонском королевском обществе Дж. Бэнкса (1778–1820), в ходе которого естественнонаучное знание становится достаточно мощным социальным институтом с устойчивыми связями и механизмами взаимной поддержки.

Рисуя образ идеологической и организационной эволюции научной культуры от Бэкона до Бэнкса, автор данной статьи стремится составить отнюдь не традиционный рассказ о прошлом британской естественной истории, в котором с восторгом схватываются элементы-провозвестники современной науки, постулируется прогрессивная динамика изменений или акцентируется безупречная моральная функция науки как общественного института. Все перечисленное – распространенные черты нарратива о «ньютоновской науке» [6–10]. Обращаясь к другому, «бэнксианскому» эпизоду истории науки, мы не рассчитываем обличить контекстуальный и эпистемические разрывы между науками прошлого и настоящего. Наша цель – показать историческую вариативность представлений о науке через исследование поведенческих паттернов ученых.

Стремления историков обнаружить истоки современной науки в науке эпохи Исаака Ньютона во многом оказываются случаями «опрокидывания» современности сразу в XVII в.,

игнорирующими следствия объединения науки конца XIX в. с промышленным капитализмом, подтверждения теории относительности Альберта Эйнштейна в 1919 г., а также создания мощных разрушительных средств ведения войны в ходе Первой и Второй мировых войн, не говоря уже о менее громких, но не менее важных процессах трансформации научной культуры [11, с. 67]. Сегодня исследователи все чаще отказываются от восприятия научной революции как некоего парадигмального поворота в мышлении и языке [12, 13] и отдают себе отчет в том, что за рамками нашего поля зрения долгое время оставались богословские и алхимические штудии Ньютона и что уже в XVIII в. «ньютонианство было далеко не тем, что создавал Ньютон и во что он свято верил» [14, с. 283–284].

В погоне за принципом рационального эмпиризма, воплощенного для нас в фигуре Ньютона, полезно обратить внимание на взаимосвязь принципиальных методологических установок, приверженцами которых мы себя позиционируем, и рутинных практик по организации научной работы, в частности, визуальных технологий управления информацией, оказывающейся в распоряжении ученого.

Бруно Латур отмечал, что для ученого главной задачей при аргументации своей точки зрения является задача поиска союзников, а главной проблемой при решении этой задачи – проблема использования записей и изображений. Усилия сводятся к мобилизации всех этих артефактов, или «вещей»: «вещи, которые вы собрали и переместили, должны быть *представимы все и сразу* (курсив мой. – Ю. Ш.), чтобы убедить тех, кого вы хотите убедить...» [15, с. 105]. В контексте такой мобилизации сближение значений и смыслов видения и мышления, обозрения и обобщения историка фиксируют еще в XVII в. в трудах Исаака Ньютона и Джона Локка и связывают с практикой использования камеры-обскуры [13, 16].

Идея опытного познания природы, нашедшая свое воплощение в активном участии натуралистов в экспедиционной деятельности в XVIII в., в свою очередь привела к колоссальному росту эмпирических артефактов, находящихся в распоряжении ученых, и потребовала развития такого навыка, как наблюдательность (англ. powers of seeing). Наблюдательность может быть понята как пронизательность (пристальный взгляд) или способность к обозрению (всеохватный взгляд). Эти разные «наблюдательности» одинаково полезны и ценны для познающего субъекта. Однако именно наблюдательность как обозрение – способность к всеохватному видению и мгновенному (насколько это возможно) обобщению стала предметом сознательной тренировки. О способах видения, наблюдательности и других эпистемических добродетелях² (достоверности, точности,

особенно – объективности) в контексте формирования определенных типов научной самости очень хорошо писали Лоррейн Дагстон и Питер Галисон [17]. Дагстон и Галисон построили свое исследование объективности на материале научных изображений, отдельных иллюстраций и целых атласах, служивших целям познания на протяжении XVII – начала XX в. Обширная выборка источников за длительный период времени позволила историкам создать типологию научных этосов – примеров идеализированного познающего субъекта, условно названных мудрецом, работником и экспертом [17, с. 527].

Свидетельства значения визуального встречаются в европейских источниках по естественной истории XVIII в. самого разного типа: описаниях того, как должно ученому обустроить кабинет редкостей [18, с. 13–19]; списках вопросов, направляющих взгляд путешественника, отправляющегося в незнакомую местность [19]; проиндексированных картотеках описаний видов растений, размещенных в ящиках в соответствии с 24 выделенными Линнеем классами [20]. Идее помещения природы в ситуацию «опосредованного наблюдения» в это время отвечают и таксидермические практики музейных экспозиций [21, с. 99–101], и традиции передачи этнографических сведений в форме таблиц [22, с. 55–56].

Далее речь пойдет о «бэнксианской» технологии организации информации, названной по имени ботаника Джозефа Бэнкса (1743–1820). Бэнкс придерживался оригинальной стратегии самопрезентации, отчего осмысление его заслуг долгое время было ограничено постколониальными подходами к описанию жизни и наследия ученого [23].

Рассмотрим, как технология, основанная на аккумуляции коллективных усилий и стремлении представить большие массивы сведений *наглядным образом*, воплотилась в опыте самого Бэнкса и его ближайших помощников: Дэниела Соландера (1733–1782), Юнаса Драйндера (1748–1810) и Роберта Брауна (1773–1858).

Имя Джозефа Бэнкса мало известно русскоязычному читателю. Между тем именно он внес огромный вклад в трансформацию той научной культуры, что принято считать «ньютоновской». Бэнкс фактически отказался от идеи престижа за научные достижения. Он не гнался за публикациями, полагая, что высокий пост лишает его морального права продвигать собственное имя, но сосредоточил усилия на создании обширной и эффективной в своей работе социальной сети – сообществе натуралистов. Стратегия самопрезентации Бэнкса в республике ученых – это, прежде всего, поиск и завоевание союзников посредством формирования устойчивых, взаимовыгодных связей внутри сообщества, одним словом – координация действий множества

других исследователей для общего блага науки и каждого ученого в частности.

На личном опыте убедившись в том, насколько труден и полон опасностей полевой исследовательский опыт (в молодые годы он принял участие в трех экспедициях, в том числе в Первом кругосветном путешествии Джеймса Кука (1768–1771), Бэнкс посвятил себя заботе о развитии коммуникации и взаимной поддержке, обмена знаниями и артефактами среди натуралистов.

Швейцарский историк Рене Сигри, изучая опыт взаимодействия натуралистов внутри европейской «республики ученых», пришел к выводу, согласно которому по количеству корреспондентов Бэнкс мог сравниться только с самим Линнеем, «князем ботаники». Со ссылкой на аналитическое издание корреспонденции Бэнкса под редакцией Уоррена Доусона [24], Сигри говорит о не менее 400 «научных партнеров» британского ботаника [25, р. 223]. Среди них 65 – постоянные, устойчивые связи, 26 – связи исключительно с ботаниками, 17 – связи «меньшей значимости», 9 – связи с ботаниками «второго ранга». Остальные – эпизодические или разовые контакты, которые тем не менее сыграли свою роль в посредничестве между Бэнксом и интересующими его людьми, артефактами, институциями [25, р. 224].

Важной составляющей этого предприятия, помимо непосредственно налаживания и укрепления контактов, стала работа над облегчением самих условий коммуникации: аннотирования нескольких настольных ботанических атласов в соответствии с новым биномиальным принципом наименования растений, приведение в соответствие различных систем классификации растений с новой половой системой классификации Карла Линнея, обновление и пересмотр уже имеющихся сведений. Все это требовало непрерывной работы над систематизацией огромного эмпирического материала.

Первым, кто внес вклад в этот процесс, стал соратник и близкий друг Бэнкса, ученик Линнея, шведский натуралист Дэниел Соландер (1733–1782). Еще до участия вместе с Бэнксом в триумфальном кругосветном путешествии Дж. Кука, в течение 5 лет, с 1763 по 1768 гг., Соландер систематизировал коллекции, имеющиеся в распоряжении Британского музея. В ходе этой работы им была разработана система так называемых «Рукописных карточечных каталогов» (англ. Manuscript Slip Catalogues), представлявших собой собрание бумажных карточек размером 4 × 6 дюймов (10,16 × 15,24 см), размещенных в 24 ящиках, каждый из которых соответствовал одному из 24 выделенных Линнеем классов растений. На карточке помещалась вся известная информация о растении, с указанием его места в иерархии растительного мира,

а также синонимичных названий, использующихся в старой (долиннеевской) литературе [20, р. 505–507]. Затем, когда ботаники отправились в экспедицию Кука, они проставляли новые названия на страницах старых, настольных изданий по ботанике, взятых с собой в плавание. В дальнейшем такая работа по соотнесению старых и новых названий растений и фактически – аннотированию уже вышедших ботанических изданий примет всеохватный характер.

По возвращении из экспедиции Бэнкс уговорил Соландера стать его личным библиотекарем и хранителем коллекций. Опыт создания картотеки был использован Соландером для систематизации архивов Бэнкса. Коллекция, включающая в себя гербарии, ботанические иллюстрации и книги, постоянно росла и с трудом помещалась в лондонском доме Бэнкса на Нью Берлингтон стрит. С момента переезда ученого в собственный особняк на Площади Сохо в 1777 г. она была размещена в отдельной комнате и стала открытой для изучения любым желающим. Однако и в новом доме позднее, в 1792 г., понадобилось надстроить еще галерею и целый этаж, чтобы разместить разросшуюся коллекцию [20, р. 509].

Для облегчения ориентации в пространстве печатных изданий из библиотеки Бэнкса, другой его помощник, тоже ученик Линнея, натуралист Юнас Драйндер составил «Каталог библиотеки по естественной истории Джозефа Бэнкса» [26]. Бэнкс предложил Драйндеру стать его ассистентом, а после смерти Соландера в 1782 г. – библиотекарем. В этой должности Драйндер трудился до 1810 г. Выдающийся библиограф своего времени, он в это же время работал над составлением каталога Ботанических садов Кью для Уильяма Айтона (1789) и каталога растений с побережья Короманделя для Уильяма Роксбурга (1795–1798) [27].

Каталог библиотеки Бэнкса, составленный Драйндером, вышел в пяти томах, публикация длилась с 1796 по 1800 г. Впоследствии он неоднократно переиздавался. Первый том включал в себя перепись всех печатных книг и журналов и открывался двумя указателями: именным – по названию академии или ученого общества (109 рубрик), и тематическим – по названию видов, разделов естественной истории или географических областей (88 рубрик). Еще один указатель был помещен в конце книги и представлял собой подробную роспись видов растений и географических наименований. Второй том содержал роспись зоологической коллекции, третий – ботанической, четвертый – минералогической. Пятый том – дополнение ко всем описям, снабженное указателем по принципу имени автора, который описал растение, так называемый *auctorum* [26]. Такой указатель был чрезвычайно важен, поскольку множество растений имело разные названия даже после введения биномиального принципа наименований.

Это было вызвано тем, что разные авторы описывали вид независимо друг от друга, или попросту ошибались при первичной классификации. Собрание таких синонимов уменьшало количество дальнейших ошибок в употреблении того или иного названия и попросту снимало возможные противоречия, которые возникали при работе натуралиста с разной литературой.

Натуралист Роберт Браун, более известный в России как Броун, первооткрыватель «броуновского движения», также трудился над составлением «Рукописных карточных каталогов». Начав работать на Бэнкса в 1795 г., с 1810 г. он занял место библиотекаря и оставался с Бэнксом до момента его смерти в 1820 г. Карточные каталоги Брауна отчасти копировали картотеку Соландера, заимствовали метод описания коллекций Драйндера и представляли собой обновленную систему ориентации в пространстве естественнонаучных трудов и артефактов Дж. Бэнкса. Отличием картотеки Брауна стало наличие прообраза растения – гербарного образца или иллюстрации, снабженного сведениями о месте его произрастания, имени натуралиста, собравшего и описавшего это растение, а также названии гербарных коллекций, в которых его также можно встретить [20, с. 514].

Итак, на примере Дж. Бэнкса и трех его соратников можно увидеть, как кропотливый труд по постоянной реорганизации и обновлению информации сыграл свою роль в ускорении стандартизации языка научного описания. Приведение в порядок ботанических таксонов стало большим шагом вперед в развитии ботаники и систематики в Британии. Этот процесс – следствие не громкого открытия одного ученого, а эффект функционирования корпоративной сети, так называемой «бэнксианской просвещенной империи» [28].

Библиотека и архивы Бэнкса являлись востребованным ресурсом для многих и многих ученых не только благодаря возможности физического доступа к книгам и артефактам, но и тем усилиям, что были приложены помощниками Бэнкса для совершенствования системы индексации, облегчающей поиск и ориентацию в пространстве научных трудов и номенклатуры названий. Эти усилия направлялись на то, чтобы собранные со всего света природные образцы были систематизированы предельно доступным для визуального восприятия образом. По мнению Эдвина Роуза, коллекция Бэнкса фактически сформировала структуру ботанического знания в Британии с 1771 по 1820 г. и еще около полусотни лет после смерти натуралиста оказывала влияние на развитие систематики [20]. Представляется, это стало возможным не только благодаря уникальному по масштабам и разнообразию содержанию коллекции, но и потому, что существовала продуманная, наглядная и по-

стоянно обновляющаяся система ориентации в этом содержании.

Во многом из-за фиксации ученых на идее обозрения и семантического сближения смыслов «видения» и «знания» сложилась так называемая «квазивизуальная “картина мира”» [29, с. 111]. Свойственная ей уверенность в способности постичь устройство мира, определенным образом на него взирая, закрепилась в самом понятии «мировоззрение». Комплексный подход к исследованию такой познавательной установки, как «познание через наблюдение», приближает нас к другой важнейшей проблеме, характерной для европейского естественнонаучного и шире – общего интеллектуального дискурса XVIII в. – проблеме натурализации социального, поскольку аргументация посредством визуализации напрямую связана с отсылками авторов к «очевидному» как естественному, истинно верному. О различии между научной и «явной» картинами мира, фиксируемой в языке, писал американский философ Уилфрид Селларс. В своем программном эссе «Эмпиризм и философия сознания» (1957, пер. на рус. яз. 2021 г.) он подверг критике основания эмпирической гносеологии Нового времени, развенчивая так называемый «миф о Данном» – познавательную установку, исходящую из того, что окружающий человека мир предзадан и открывается ему в процессе сознательного восприятия таким, какой он есть [13].

Отказ от иллюзий обозримости мира и его понимания произойдет позже, в XX в, а в восемнадцатом столетии мы встречаемся с этой установкой снова и снова, в том числе в популярных изданиях, инструкциях, практиках обустройства личных библиотек и публичных музейных пространств.

Примечания и комментарии

¹ Социальная эпистемология – направление исследований, сформировавшееся на стыке социологии и философии науки в 1960-х гг., для которого характерна фиксация на познании как процессе, укорененном в обществе. Отсюда – особое внимание к контексту и институциональным рамкам производства знания, а также стремление понять познающего субъекта (ученого, интеллектуала) как члена того или иного сообщества. С. Фуллер настаивает на практической ориентации разработок социальной эпистемологии и высокой ответственности науки как коллективного предприятия.

² Эпистемические добродетели (англ. epistemic virtues) – такие личностные качества, навыки и этические категории, которые влияют на процесс познания, осуществляемый субъектом. Эпистемология добродетелей – сравнительно молодое направление в традиции аналитической философии, оформившееся в 1970-е гг. и завоевавшее популярность среди историков науки последних двух десятилетий.

Список литературы

1. Фуллер С. Кун против Поппера / пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 272 с.
2. Bacon F. The new organon / The Oxford Francis Bacon / Vol. 11: The Instauration magna. Part II: Novum organum and Associated Texts / ed. by Graham Rees, Maria Wakely. Oxford : Clarendon Press, 2004. 768 p.
3. Sargent R. M. From Bacon to Banks: The vision and the realities of pursuing science for the common good // Studies in History and Philosophy of Science. 2012. Vol. 43. P. 82–90.
4. Шейпин С. Научная революция // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 313–570.
5. Дмитриев И. С. Остров концентрированного счастья. Судьба Фрэнсиса Бэкона. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 632 с.
6. Вуттон Д. Изобретение науки: Новая история научной революции / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2018. 656 с.
7. Акройд П. Ньютон / пер. с англ. А. Капанадзе. М. : Издательство КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2011. 256 с.
8. Jacob M. C. Scientific Culture and the Origins of the First Industrial Revolution // Historia e Economia. Revista Interdisciplinar. 2006. Vol. 2, № 1. P. 55–70.
9. Jacob M. C., Stewart L. Practical Matter. Newton's Science in the Service of Industry, 1685–1851. Harvard : Harvard University Press, 2004. 216 p.
10. Molthof M. The Industrial Revolution and a Newtonian Culture [E-International Relations / Electronic resource]. URL: <https://www.e-ir.info/2011/08/24/the-industrial-revolution-and-a-newtonian-culture/> (дата обращения: 30.09.2021)
11. Дагстон Л. История науки и история знания / пер. с англ. А. Писарева // Логос. 2020. Т. 30, № 1. С. 63–90.
12. Мерчант К. Смерть природы: производство, воспроизводство и женское // Логос. 2022. Т. 32, № 1. С. 191–222.
13. Селларс У. Эмпиризм и философия сознания / введение Р. Рорти ; комментарии Р. Брэндома ; пер. с англ. Г. С. Рогоняна. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 218 с.
14. Деар П. Событие революции в науке // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 10–311.
15. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 95–156.
16. Крэри Дж. Техники наблюдателя / пер. с англ. Д. Потемкина. М. : V-A-C-press, 2014. 256 с.
17. Дагстон Л., Галисон П. Объективность / пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
18. Магазин натуральной истории, физики и химии, или Новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам, заключающее в себе важные и любопытные предметы оных, равно как и употребление премногих из них во врачебной науке, в экономии, земледелии, искусствах и художествах : в 10 ч. М. : В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1788. Ч. 1. 403 с.
19. Lettsom J. C. The naturalist's and traveler's companion. London : E. & C. Dilly, 1774. 98 p.
20. Rose E. D. From the South Seas to Soho Square: Joseph Banks's library. Collection and Kingdom of natural history // Rethinking of Joseph Banks. 2019. Vol. 73. P. 499–526.
21. Писарев А. С. Образность таксидермии в музее науки: от систематики видов к систематичности насилия и постгуманистической природе // Praxema. 2020. Вып. 24, № 2. С. 91–130.
22. Вишленкова Е. А. Визуальное имперское народоведение. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
23. Gascoigne J. Science in the service of empire. Joseph Banks and the uses of science in the age of revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 248 p.
24. The Banks Letters. Calendar of the manuscript correspondence of preserved in the British Museum, the British Museum (Natural History) and other collections in Great Britain / ed. by W. R. Dawson. London : Printed by order for the trustees of the British museum, 1958. 965 p.
25. Sigrist R. On some social characteristics of the Eighteenthcentury botanists // Scholars in Action. The Practice of Knowledge and the Figure of the Savant in the 18th Century / ed. by A. Hohenstein, H. Steinke, M. Stuber. Leiden ; Boston : Brill Publishers, 2013. P. 205–234.
26. Dryande J. Catalogus bibliothecae historico-naturalis Josephi Banks. Vol. 1: Scriptorum generales. 1798; Vol. 2: Zoologi. 1796; Vol. 3: Botanici. 1797; Vol. 4: Mineralogi. 1799; Vol. 5: Supplementum et index auctorum. 1800. Londini, typis Gul. Bulmer et soc, 1796–1800.
27. Person Dryander, Jonas Carlsson // Encyclopedia of Australian science and innovation. URL: [https://www.eoas.info/biogs/P007010b.htm#:~:text=Dryander%20wrote%20one%20of%20the%20earliest%20papers%20on%20the%20Australian%20flora%2C%20%22Chloris%20novae%20hollandiae%3B%20or%2C%20catalogue%20of%20the%20plants%20of%20New%20Holland%20and%20Van%20Diemen%27s%20Land%22%20~\(1806\)%2C%20based%20on%20material%20collected%20by%20Robert%20Brown%201801%20%2D%201805](https://www.eoas.info/biogs/P007010b.htm#:~:text=Dryander%20wrote%20one%20of%20the%20earliest%20papers%20on%20the%20Australian%20flora%2C%20%22Chloris%20novae%20hollandiae%3B%20or%2C%20catalogue%20of%20the%20plants%20of%20New%20Holland%20and%20Van%20Diemen%27s%20Land%22%20~(1806)%2C%20based%20on%20material%20collected%20by%20Robert%20Brown%201801%20%2D%201805) (дата обращения: 11.07.2023).
28. Miller D. Ph. Joseph Banks empire and “centres of calculation” in late Hannoverian London // Visions of empire: Voyages, botany and representations of nature / ed. by D. Ph. Miller, P. H. Reill. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. P. 21–37.
29. Зенкин С. Воззрение на мир/слово о мире // Логос. 2021. Т. 31, № 5. С. 91–111.

Поступила в редакцию 18.07.2023; одобрена после рецензирования 21.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 18.07.2023; approved after reviewing 21.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 65–72
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 65–72
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-65-72>, EDN: DHIVST

Научная статья
УДК [27-762(410):316.246.2-055.2(540)]|18|

Британские миссии зенаны XIX века и их проекты освобождения индийских женщин

О. В. Яблонская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, Россия, 607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. Карла Маркса, д. 36

Яблонская Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Oyablonskii@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5479-5561>, AuthorID: 305044

Аннотация. В статье на основе анализа отчетов и статей миссионерских журналов изучаются цели, задачи, направления работы британских миссий зенаны в XIX в. Показано, что создание организаций было вызвано стремлением помочь бесправным женщинам Индии. Работницы миссий добивались смягчения социальной изоляции индианок, выступали против жестоких обычаев, рабского положения и унижения женщин, предоставляли им образовательные и медицинские услуги. Христианизация осуществлялась без насилия, через приобщение к западной культуре. Формулируется вывод, согласно которому миссионерки внесли большой вклад в социокультурное освоение Индии, совершенствование общественных отношений, развитие женского образования и системы медицинского обеспечения британской колонии.

Ключевые слова: зенана, Великобритания, Индия, XIX век, колония, империя, образование, феминизм

Для цитирования: Яблонская О. В. Британские миссии зенаны XIX века и их проекты освобождения индийских женщин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 65–72. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-65-72>, EDN: DHIVST

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

British Zenana missions of the XIX century and their projects for the liberation of Indian women

О. V. Yablonskaya

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, 36 Karl Marx St., Arzamas, N. Novgorod region 607220, Russia

Olga V. Yablonskaya, Oyablonskii@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5479-5561>, AuthorID: 305044

Abstract. The article studies the goals, objectives, directions of work of the British zenana missions in the XIX th century based on the analysis of reports and articles in missionary magazines. It is shown that the creation of organizations was caused by the desire to help the disenfranchised women of India. Women missionaries sought to mitigate the social exclusion of Indian women, opposed cruel customs, slavery and humiliation of women, provided them with educational and medical services. Christianization was carried out without violence, through familiarization with Western culture. The author concludes that, the missionaries made a great contribution to the socio-cultural development of India, the improvement of social relations, the development of women's education and the medical system of the British colony.

Keywords: Zenana, Great Britain, India, XIX th century, colony, Empire, education, feminism

For citation: Yablonskaya O. V. British Zenana missions of the XIX century and their projects for the liberation of Indian women. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 65–72 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-65-72>, EDN: DHIVST

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Миссии зенаны, созданные в Британской Индии, были просветительскими, христианскими организациями, основной целью которых было оказание помощи коренным жительницам – от моральной и бытовой поддержки до предоставления медицинских, образовательных услуг и обращения в христианство. В конце XIX в.

здесь действовало два десятка крупных американских и европейских обществ. Самыми важными английскими организациями были «Библейская и медицинская миссии зенаны», «Миссионерское общество зенаны Англиканской церкви», «Баптистское миссионерское общество». Главную роль в них играли женщины.

В XIX в. в Великобритании в условиях избыточности женского населения религиозные и филантропические организации стали набирать представительниц низших классов учителями, медсестрами, библиестками, предоставляя им оплачиваемую работу, образование, а для незамужних девушек – альтернативу браку. Многие из них оказались в Индии. Разумеется, большинство отправились в далекую страну трудиться в тяжелых для европейца климатических условиях, среди чужого народа, воспринимающего их посланницами страны-агрессора, не ради денег или личного социального роста. Здесь были более высокие духовные устремления, позволявшие выдержать физический дискомфорт, тяжесть разлуки с близкими, напряженную, зачастую неблагодарную работу. Рассмотрим мотивы, цели и задачи миссий зенаны, направления деятельности и ее итоги.

Миссионерки всех уровней – от руководителей организаций до библиесток – должны были подробно документировать свои дела. Отчеты публиковались в журналах. Благодаря этому в распоряжении исследователей имеются важные данные о работе миссий зенаны во всех частях Индии [1–4]. Их труды освещались известными религиозными деятелями того времени [5, 6]. Однако, несмотря на важность британских миссий зенаны, наличие источников, они редко анализируются в научной литературе, особенно мало написано о работницах низшего звена – библиестках, медсестрах, учителях. Как в XIX в., так и в новейший период истории в рассказах о жертвенном служении миссионеров акцент делается на мужчинах и игнорируется роль, которую играли простые исполнительницы сложных и важных задач. С конца прошлого века под влиянием «женской истории», колониалистского дискурса и гендерной методологии появляются исследования, в которых отмечен важный вклад женщин в миссионерство и благотворительность на Востоке [7–10].

Начало филантропического и религиозного женского движения было положено женами британских проповедников. В 1799 г. в Индию со своим супругом, известным миссионером, прибыла Х. Маршман и почти сразу же начала обучать туземок в бенгальском Серампуре, надеясь, что ее ученицы будут помогать распространению христианства среди коренного населения. Школу, которую она открыла в 1807 г., сначала посещали только дочери новообращенных христиан, затем туда стали приходить и девочки из нехристианских семей [5, р. 144–146]. В 1820-е гг. Гфогерли и Пирс, жены миссионеров из Лондонской и Баптистской миссий, последовали примеру Х. Маршман и также открыли школы для индийских женщин [11, р. 20]. Особую роль в появлении миссий зенаны сыграла М. Э. Кук (Уилсон). Своих первых учениц

она впустила в классы в 1821 г. в Калькутте. В 1852 г. М. Кук обратилась за поддержкой плана расширения системы образования в колонии к известной миссионерке М. Дж. Киннэйрд, в результате появилась организация «Индийская женская нормальная школа и учебное общество» (до 1864 г. называлась «Калькуттская нормальная школа»), благодаря которой обучать индийских девочек и женщин стали по всей территории страны. В 1867 г. своя ассоциация женщин в Индии была создана баптистами [5, р. 139–140]. В 1880 г. в результате раскола «Индийского общества женских нормальных школ» появляются две организации – «Миссия зенаны Англиканской церкви» и «Библейское и медицинское миссионерское общество зенаны» [12, р. 289–294; 13, р. 294–295].

«Зенана» («дзенана») в переводе с персидского означает «относится к женщине», именно так называли в Бенгалии женскую часть дома. В Дели и на севере страны более распространенным было название «пурда» или «парда», в центральных провинциях – «гоша» («goshā»). Для мусульманских семей использовались также термины гарем и сераль [5, р. 104; 6, р. 1; 11, р. 16–17]. Все эти названия не только указывали на место физического размещения женщин в домах Индии, но и включали широкий спектр норм поведения, направленных на поддержание социальной дистанции между полами. «Туземный дом, – как описывает один индус, – обычно состоит из двух частей, а именно внешней и внутренней... В задней части дома находятся внутренние покои – зенана, куда помещаются женщины из бенгальского дома ... Окна должно быть как можно меньше, а те, что есть, не должны открываться на улицу или в сторону соседнего дома, ...или же быть очень маленькими и высокими, чтобы исключить возможность для женщины выглянуть наружу или кому-либо посмотреть внутрь» [5, р. 93–95]. Знатные жительницы Индостана свои зенаны покидали в исключительных случаях, с соблюдением строгих предосторожностей, чтобы не попадаться на глаза мужчинам. Один из дворов в Раджпутане гордился тем фактом, что его дам никто никогда не посещал, даже европейские леди. Однако предубеждения в отношении женщин с Запада быстро исчезли, их визиты не только разрешались, но и приветствовались [14, р. 75].

Индуистский стандарт семьи характеризовался патриархальным авторитетом мужчины. Бенгальская поговорка гласила, что в младенчестве женщина должна находиться под опекой родителей, в молодости под контролем мужа, а в старости – собственного потомства [5, р. 39]. Это положение санкционировалось священными книгами и закреплялось обычаями. К женщинам, независимо от богатства и кастовой принадлежности, относились как к бездушным животным, слабым, порочным, неполноценным существам

с «клеймом неразумности» [5, р. 35; 6, р. 4–5]. Удел этих «ущербных созданий» быть смиренной рабыней, покорной работницей, во всем беспрекословно подчиняться мужчине, который является для нее средоточием всего мира. Индуска рассматривалась лишь как потенциальная или реальная мать сына, его рождение сакрально и социально оправдывало ее существование, а отсутствие сыновей или бездетность могли стать основанием отказа от супруги, что обрекало несчастную на жизнь изгоя.

Однако, как утверждали британские миссионеры, такое положение индусок было не всегда [1, р. 151]. В ведический период они были свободны, получали образование, хотя религиозные нормы уже тогда ставили их на позицию неполноценности. В этом положении усматривается близкая к христианству идея координации общей деятельности на основе гендерного разделения ролей. В традиционных семьях христиан, индуистов и мусульман в представлении о семье много общего. Все они видят в институте брака не столько романтический союз любящих сердец, сколько религиозную обязанность и общественную потребность. Именно таких взглядов придерживались британские миссионеры: «В семейном теле отец и мать – это голова и сердце, дети – конечности... Каждый должен выполнять свою работу здоровым и эффективным образом, иначе пострадает все тело» [15, р. 6].

История подчинения и порабощения жительниц Индостана была доведена до логического завершения в исламский период. Отчасти в силу примера, отчасти из-за страха перед агрессорами индусы переняли характерную для мусульман систему изоляции слабого пола от внешнего мира [5, р. 3–38; 6, р. 6–7]. Объединение порочных практик завоеванных и завоевателей усугубило положение и мусульманок, и индуисток. На юге, где власть завоевателей была слабее, женщины были свободнее, но и к ним ко времени британского владычества относились как к вьючным животным, «созданным только для удобства людей» [11, р. 17; 16, р. 81]. Система затворничества в большинстве районов Индии оказалась строже, по сравнению с любой другой исламской страной. Мусульмане из Индии, посещающие Аравию или Турцию, удивлялись свободе, предоставляемой там женщинам.

В восприятии западного человека зенаны являлись темными и мрачными тюрьмами для их обитательниц: «Заклученные в четырех стенах своих комнат, они не видят прекрасного Божьего мира! Ум необученный, интересы человечества неизвестны, занятия... не выходят за рамки узкого домашнего хозяйства» [14, р. 75]. Отсутствие контактов с внешним миром сказывалось на их развитии. В зенанах не было места книгам, письменным принадлежностям. Развлекались в гаремах изучением нарядов, драгоцен-

ностей, укладкой локонов, играми с куклами, ведь многие совсем юными переселились сюда из родительского дома. Одним из самых любимых занятий были сплетни. Здесь всегда была какая-нибудь пожилая женщина, обычно овдовевшая родственница, чье специальное дело – собирать и распространять слухи для всеобщего развлечения. Ссоры, возникающие из-за словесных разнообразий в монотонное течение жизни зенаны [5, р. 44]. Результатом такого существования были интеллектуальная отсталость и неприспособленность к самостоятельной жизни. Перепись населения 1891 г. вскрыла серьезную проблему с женским образованием в Индии: в 280-миллионной стране насчитывалось почти 128 млн неграмотных женщин; в возрасте до 15 лет посещали школу 3 млн мальчиков и только 14 тыс. девочек [6, р. 12–13]. Жительницы Индостана не только не умели читать, писать, они ничего не знали о мире и о своей стране [5, р. 73; 17, р. 29]. Многие, как тысячу лет назад, считали, что Цейлон населен чудовищами. Одна знатная индианка проживала в шаговой доступности от Ганга, но никогда его не видела. Рискую навлечь на себя гнев свекрови и мужа, она хитростью выбралась из дома, чтобы посмотреть на священную реку, придя в неопикуемый восторг и изумление от удивительного для нее зрелища [11, р. 15–16]. «Некультурный разум», отмечают англичанки, приводил к тому, что даже богатые узницы, имея бытовой комфорт, впадали в отчаяние из-за пустяков, кончали жизнь самоубийством или начинали принимать опиум [17, р. 35].

Унылое, бездеятельное пребывание в зенане было уделом знатных обитательниц индийских домов. Женщины из беднейших классов имели больше свободы, ведь им надо было трудиться, но обращались с ними как с рабынями.

Но не столько социальное рабство в зенане вызывало критику, сколько суровые обычаи Индии, воспринимавшиеся жителями Запада неуместным рудиментом. Странной и жестокой казалась традиция ранних браков: «100 миллионов жен и матерей выходят замуж, будучи проданы еще в младенческом возрасте, чтобы быть замурованными в стенах зенан своих мужей на всю жизнь» [11, р. 5–6; 18, р. 104–110]. Проявлением варварства считали христиане полигамию, наполнявшую зенаны ревностью, злобой и страданиями [6, р. 9].

Смерть мужа – серьезное испытание для всех семей, но в Индии она вела к новым жертвам. Для верной и благочестивой жены лучшим исполнением божественного долга и доказательством преданности супругу было войти вместе с умершим в погребальный костер. Возраст вдовы при этом не учитывался. Так, в поле зрения британских властей в период 1815–1820 гг. попал 61 случай сати, в которых были сожжены несовершеннолетние: 14 девушкам было по 17 лет;

23–16 лет; 6–15 лет; 2–14 лет; 2–13 лет; 10–12 лет; 1–10 лет; 3–8 лет [11, р. 9]. В 1829 г. обряд сати был запрещен бенгальским губернатором У. Бентинком [19, р. 208–226]. В последующем запрет был распространен на остальные территории колонии. Однако отмена жестокого обычая вызвала противостояние индийского общества и настоящих по этой причине британских политиков. Миссионеры приветствовали этот закон, но указывали, что и в конце XIX столетия он нарушался.

Многие предпочитали сати не только из любви к мужу или религиозных предубеждений, а чтобы избавиться от жестокости и унижений, на которые были обречены вдовы. Смерть супруга считалась наказанием за грехи жены, поэтому вдова лишалась права на нормальную жизнь. Она должна была носить белое сари, не иметь драгоценности, спать на полу, соблюдать посты, выполнять черную работу и постоянно терпеть оскорбления. Чтобы освободиться от жалкого существования маргинала общества, вдовы предпочитали скорую смерть. Пройти через сати для них было желанным исходом, не имея такой возможности, многие совершали самоубийство [11, р. 18; 20, р. 154–159]. Отношение к вдовам не зависело от их возраста, зачастую ими становились маленькие девочки, никогда даже не видевшие своих мужей. Однако юность не освобождала от статуса грешницы [18, р. 104–110; 21, р. 102–104]. Повторное замужество, законодательно разрешенное в 1856 г., отвергалось религией, считалось проявлением распущенности, поэтому редко, кто на него решался. А. Р. Кавалье, секретарь «Библейской и медицинской миссии зенаны», приводит следующую статистику 1891 г., касающуюся вдовствующих индийцев: 22,7 млн вдов и 6,4 млн вдовцов; 14 тыс. – девочки младше 4 лет; 64 тыс. – от 5 до 9 лет, 17 тыс. – от 10 до 14 лет, 4 млн – от 15 до 34 лет. Опираясь на такие цифры, он задает риторический вопрос: «Может ли христианское правительство ничего не сделать, чтобы спасти девочек?» [6, р. 14].

Обычаем Индии, с которым невозможно было примириться цивилизованному человеку, являлось ритуальное «подношение младенцев Гангу», в котором христиане видели лишь бессмысленное убийство детей. В некоторых случаях это так и было. Таким жестоким способом часто избавлялись от «ненужных малышей», чаще девочек, рождение которых считалось «проклятием» [6, р. 7; 22, р. 160]. Британское правительство запретило убийство детей, но, как были вынуждены признать миссионеры, из-за бедности и религиозных предрассудков оно по-прежнему имело место [11, р. 14–15].

Тяжелые условия жизни в «жемчужине Империи», из-за которых страдали самые незащищенные группы населения, побудили многих английских христианок отправиться в далекую колонию помогать своим «сестрам», подданным

британской королевы, исправлять деспотичные порядки и жестокие языческие обычаи. Даже дети в Англии выражали сочувствие индианкам, не знающим о свободной счастливой жизни, находясь взаперти [7, р. 87].

Основное внимание в работе миссии зенаны было сосредоточено на семье, с которой связывалось процветание страны и всей Империи. Оздоровление «ячейки» британского мира предлагали начинать с изменения положения слабого пола. Единых проектов не было, действовали, исходя из личных установок, определяемых социальным происхождением и религиозной принадлежностью, а также условий, в которых приходилось работать [23, р. 775]. Однако все были едины в том, что индийским женщинам необходимо помочь занять «подобающее им место, чтобы они могли выполнять надлежащие функции» [15, р. 6]. Миссионерки отмечали, что мужчины Индии на протяжении десятилетий получали блага британской цивилизации, что особенно казалось важным, многие перешли в христианство, но женщины были оставлены без внимания [11, р. 18, 23].

Что касается самого института зенаны, то, как бы он не осуждался в риторике зарубежного миссионерского движения, очень мало было сделано для его искоренения. Это связывалось с тем, что половая сегрегация не противоречила христианским установкам, а протестантки в миссии зенаны не были участницами «крестового похода» за права женщин, не были феминистками в современном смысле этого слова [8, р. 35]. Их социальный идеал был достаточно консервативным, он не предполагал наступление на мужские прерогативы и нивелирование прав и обязанностей мужчин и женщин: «Мы не хотим создавать набор заносчивых педантов, с одной стороны, и блестящие синие чулки – с другой... Культура женщин должна дополнять культуру человека» [15, р. 5–6]. Принимая гендерное неравенство, подчиненное положение слабого пола, видя в этом разумное функциональное деление общества, миссионерки отстаивали лишь один статус женщин – хранительниц домашнего очага и морали. Но этот статус они считали высоким, не допускающим рабства, унижения и жестокого обращения. Сделать индийскую женщину свободной казалось возможным и «среди оков зенаны» [14, р. 78].

Понимали миссионерки и неосуществимость полного уничтожения зенан. Этот сакральный институт господствовал в массовом сознании индустов и мусульман, являясь неотъемлемым элементом кастового строя и ислама. Грубое наступление на многовековую систему, агрессивное навязывание западных ценностей привело бы к полному отторжению всех социально-христианских проектов.

Препятствия в работе по освобождению женщин миссионерки встречали не только со сто-

роны мужчин, но и со стороны «узниц зенан», считавших изоляцию божественным установлением и показателем высокого статуса [6, р. 1]. Десятилетия британской колонизации не прошли бесследно, в отчетах показаны и другие индианки – женщины, которые хотели сбросить с себя «кандалы», обрекаяющие их на пожизненное заточение и унижение. В «Молитве индийской леди», опубликованной миссионерским журналом, выражена скорбь миллионов «невольниц»: «Веками мрачное невежество овладевало нашими умами ... Преступники, заключенные в тюрьмы на всю жизнь, счастливее нас, ибо они кое-что знают о Твоем мире. Они не родились в тюрьме, но мы ни на один день, нет, даже во сне не видели Твой мир...» [24, р. 67].

Среди коренного мужского населения также были сторонники западного образа жизни. Они разделяли мнение колонизаторов, что в настоящее время Индия представляет собой «организм с очень слабым сердцем». Нерадикальное исправление порядков, использование «мягкой силы» женщин для возвращения силы сердцу находило у них поддержку [15, р. 5–6].

В религиозных вопросах следовало действовать не менее осторожно, чем с зенанами. Когда впервые была выдвинута идея домашнего и школьного образования в Индии, что предполагало обучение грамоте на основе библейских текстов, инициаторы опасались, что первый случай обращения женщины в христианство будет фатальным для всего просветительского проекта [25, р. 2–3]. Мусульманские и индуистские семьи готовы были впустить в свои дома миссионеров, чтобы они учили грамоте их дочерей и жен, но они выражали недовольство, когда англичанки пытались одновременно проводить христианизацию. «Я была в гостях в семье парсов, ... старшая дочь сказала: “Почему вы говорите о Боге и христианстве? Мы не хотим ничего слышать о вашей религии, мы просто хотим научиться читать!”», – пишет в своем отчете евангелистка Мэри Якобс [2, р. 270]. Такие случаи встречались повсеместно.

Единства среди организаций и отдельных работников по вопросу христианизации жителей Индии не было. Одни делали упор на распространение светских ценностей Запада через образование в школах и посещение обитательниц зенан, убеждая своих оппонентов в том, что без искоренения невежества и суеверий индийцы не смогут выбраться из «трясины идолопоклонства» [1, р. 151; 15, р. 7; 16, р. 81]. Для них христианизация была средством изменения уродливых общественных форм или последствием торжества западничества. Другие полагали, что свобода веры «предвосхищает все другие свободы», что без христианизации невозможно оздоровление отношений между мужчиной и женщиной [5, р. 96]. В христианстве они видели «возвышающую силу», которая показывает

мужу, что его жену нужно любить и к ней нужно относиться как к равной [11, р. 24–26]. Третьи отправлялись в Индию исключительно с целью увеличить количество прозелитов христианства. Деятельность последних встречала сопротивление не только со стороны коренного населения, но и британского правительства, придерживавшегося в Индии принципов веротерпимости.

Миссионерство в XIX в. во многом носило светский характер, а евангелическая работа предполагала не только разъяснение библейских истин, но и более широкое поле деятельности по «возращению добродетели в повседневной жизни» [10, р. 125]. Хотя все британские зенаны были в той или иной степени связаны с религиозными деятелями и организациями или непосредственно ими создавались, но даже «Баптистское миссионерское общество» и «Миссионерское общество зенаны Англиканской церкви» действовали относительно независимо от церковной системы и не занимались исключительно распространением христианства. В свою очередь, «Библейская и медицинская миссия зенаны», подчеркивающая свой независимый и неконфессиональный статус [14, р. 73–78; 26, р. 217–222], действовала «рука об руку» с «Церковным миссионерским обществом», сотрудничала с протестантскими миссиями, а их работницы, «не являясь диакониссами», продолжали оставаться теми, кто «служил своему Господу, неся светильник Его истины и знание Его Слова в темные и пустынные места» [17, р. 26]. Независимость от церковной организации позволяла волонтеркам из метрополии больше внимания уделять решению насущных проблем индийцев, не вызывая у них подозрений и не ставила их в выраженную антагонистическую позицию по отношению к традиционному религиозному обществу колонии.

Миссии зенаны действовали самостоятельно от правительства, поддерживая при этом стремление Великобритании модернизировать Индию и во многом помогали это осуществлять. Желая того или нет, они нанесли серьезный удар не только по семейной, но и кастовой системе. Новообращенные, особенно из низших каст, стали оспаривать приписываемое им место в индуистской системе, нарушать табу о соблюдении или несоблюдении определенных обычаев. Например, христиане из неприкасаемой касты кожевников Мадраса перестали есть мясо, играть на барабанах в религиозные праздники, отказывались работать в христианскую субботу. В княжестве Траванкор надары, имевшие статус чуть выше неприкасаемых, получили привилегию носить одежду, закрывающую торс [10, р. 126]. Однако в целом миссионерки не предлагали радикальной ломки социальных отношений, а лишь исправление пороков. Политики, в свою очередь, разделяли их мнение о том, что «домашняя жизнь» индийских женщин является

серьезным препятствием на пути к прогрессу, поддерживали их в стремлении ее оздоровить. Очевидны были результаты их работы по приобщению жителей Индии к ценностям европейской цивилизации и культуры, взаимной адаптации «своего» и «чужого». Это облегчало управление колонией и способствовало построению Великой Британии [23, р. 776]. Таким образом, государство и миссии действовали относительно независимо друг от друга, но в одном направлении.

Определенную роль в распространении на Востоке идей прогресса, гуманизма, ценностей свободы и равенства, а вместе с тем и в расширении движения зенаны играл тот факт, что на троне была королева Виктория. Основная идеология миссий и викторианские идеи о гендере были идентичны, они прославляли роль женщины – морального хранителя дома [10, р. 118]. Королева оказала серьезную поддержку движению, после того как в 1881 г. миссионерка-врач Бэйлби обратилась к ней «от имени всех женщин Индии» с просьбой помочь в организации подготовки медицинских работников для колонии [27, р. 163–164; 28, р. 145–149].

Для достижения поставленных целей миссии зенаны осуществляли три основных направления деятельности: образование и просвещение в рамках школьной системы; посещение зенан; оказание медицинской помощи индианкам. Христианизация осуществлялась тогда, когда это не мешало выполнять основную задачу – освобождение женщин.

В вопросах образования учитывалось половое и стратификационное деление индийского общества. Школы подразделялись на несколько групп: сиротские школы, школы английского языка, школы народного языка, интернаты и базарные школы. Высший и средний класс Индии мог себе позволить платное образование, обучение в них велось на английском языке. В остальных школах обучение было преимущественно бесплатным и осуществлялось на родном языке. К женщинам, которые не могли покинуть свои зенаны, миссионерки приходили домой.

Образование не только выводило индианок из «тьмы невежества», но и предоставляло широкие жизненные навыки, в том числе профессиональные [15, р. 5]. Основная часть рядовых работников в организациях зенаны – учителя, библеистки – были местными жителями, в свое время освоившими грамоту с миссионерками [3, р. 197]. Следуя британским традициям, учили рукоделию – шитью, вязанию, вышивке, плетению кружев. При этом решалось несколько задач. Во-первых, осваивалось ремесло, которое могло приносить доход. Так, Молт из Лондонской миссии в начале XIX в. обучила искусству плетения кружев женщин Нагеркойла, положив начало успешному развитию промысла в этом регионе [11, р. 28, 30–40]. Во-вторых, таким образом

прививали молодежи привычку к трудолюбию и боролись с праздностью, столь распространенную в высших кастах [29, р. 145–150]. В-третьих, миссионерки считали, что рукоделие формирует благородную женственность, а также развивает такие важные качества, как аккуратность, дисциплинированность, терпение [10, р. 128]. Однако столь важная для англичанок и, казалось бы, безобидная деятельность имела противников. Так, судья Бенгалии Б. Маллик утверждал, что, занимаясь тонкой работой, девушки не приобретают простых, но важных хозяйственных навыков, впустую тратят время и ресурсы [30, р. 52].

Учили индианок не только утонченному мастерству, но и простому ведению хозяйства. Все миссионерские работники признавали, что первый шаг в возвышении людей – это улучшение домашнего очага. Зенаны, в том числе апартаменты, отведенные самой индийской королеве, были, как правило, самые темные, грязные, с плохой вентиляцией [31, р. 205–207].

Практика совершенствования человека и семейных отношений через домоводство успешно внедрялась в Англии евангелисткой Э. Г. Рэньярд, создавшей в 1857 г. «Библейскую и домашнюю женскую миссию», в 1868 г. к ней прибавилось отделение сестринского дела. Ее библеистки помогли тысячам женщин, обнищавшим и деградировавшим в грязных трущобах британских мегаполисов, преодолеть порочные наклонности, возродить в них человеческое достоинство не только через приобщение к христианству, но и через обучение приготовлению пищи, наведению чистоты и порядка в доме, экономии бюджета, воспитанию детей [32, р. 291, 297]. Вместе с женщинами возрождались целые семьи. Особенность «Миссий Рэньярд» состояла в том, что ее библеистки происходили сами из нищих кварталов городов. Хорошо зная среду и нужды обделенной и падшей «шестой части» Англии, они являлись «недостающим звеном» между беднейшим классом и уважаемыми гражданами [7, р. 127]. В Индии «библейские женщины» стали «недостающим звеном» между иностранными миссионерами и их многомиллионной местной паствой. На рынке, у водоема, в полях, в домах на женской половине эти простые индийские христианки рассказывали о вере, разговорами и практической помощью скрашивали тяжелую повседневную жизнь своих сестер, ободряли их текстами Священного писания, убеждая многих, что это главное лекарство от всех ран и успокоительное от всех страхов [4, р. 36–38]. Смиренные библеистки стали одной из самых могущественных сил в распространении христианства. В свою очередь, «библейские женщины» не только получали шанс помочь своим соотечественницам, но и оплачиваемую работу [9, р. 134–136].

С 1880-х гг. миссии зенаны стали проявлять особую активность в деле обеспечения меди-

цинскими услугами жителей колонии. Ежегодно из-за религиозной и социальной дискриминации в Индии умирали тысячи женщин и детей, чьи жизни можно было бы спасти при надлежащем лечении. Умирали женщины не только в бедных семьях, но и в состоятельных, в тех, где дочерей и жен любили. В зенаны не было доступа врачам-мужчинам. Если и приглашали доктора, то осмотр был с большими ограничениями [1, р. 150; 11, р. 34; 33, р. 58–61]. Врач, увидевший «лишнее» у пациентки, обрекал ее на позор и даже на смерть. Родители одной девочки были рады, что любимая дочь умерла от болезни, так как при осмотре с ее лица упало покрывало. Другой доктор, чтобы пощупать пульс пациентки, нарушил правило, просунув свою руку через отверстие занавеса. Выздоровевшую девушку родственники стали морить голодом [1, р. 150; 27, р. 163–164]. Из-за уродливых традиций здоровьем женщин пренебрегали в самый сложный и ответственный период – рождение ребенка. Так как роженица считалась «нечистой», то многие индианки на время родов и в первые недели материнства оказывались выселенными из домов в грязные сараи, где за ними присматривали необразованные повитухи. Такие печальные истории рассказала при встрече королеве Виктории миссионерка Бэйлби [1, р. 150–151; 27, р. 163–166; 28, р. 145–149].

Женщины-врачи, в отличие от мужчин, имели возможность провести полноценный осмотр пациенток и назначить правильное лечение. Медицинские услуги миссий зенаны расширялись, начиная с простых визитов на дом до открытия больниц для женщин и мобильных клиник в сельской местности [1, р. 152–153].

Медицинское обслуживание стало мощным оружием по исправлению порочных нравов в Индии и распространению христианства. Если в ответ на просьбу миссионерка могла принять меры для выздоровления больной женщины или ребенка, ее влияние на обитателей этого дома становилось безграничным [1, р. 151].

Итак, цели и задачи миссий зенаны определялись, в первую очередь, потребностями женской половины населения Индии. Физическая и социальная изоляция индианок не позволяла им получать образование, медицинскую помощь, необходимые для полноценной адаптации в обществе жизненные навыки. Зависимое положение усугублялось унижительным обращением, практикой жестоких обычаев, таких как сати, ранние браки, полигамия, дискриминация вдов. Искреннее желание помочь несчастным жительницам Индии и их семьям обусловило появление широкого западного женского движения.

В построении семьи миссионерки исходили из христианских принципов гендерного разделения ролей: мужская доминанта в обществе, но высокий статус женщин как хранительниц

домашнего очага, не допускающий жестокости и унижения.

Большинство миссий зенаны были созданы протестантскими организациями, но работа в них носила межконфессиональный или некофессиональный характер. Независимость от церковной и государственной власти давала большую свободу действий, позволяла решать повседневные нужды жителей Индостана.

Основными направлениями деятельности были просвещение и предоставление медицинских услуг. Через уроки грамоты и рукоделия, беседы о христианстве и домашнем хозяйстве западные миссионерки с помощью образованных индийских помощниц смогли превратить многих «узниц зенан» в свободных жен и матерей для нового поколения «цивилизованных» индийцев. А британские женщины-врачи и медсестры сохранили миллионам людей жизни и здоровье.

Оказывая поддержку наиболее уязвимым группам населения, распространяя сведения о европейской науке, религии и культуре, миссионерки помогали британским властям управлять колонией, интегрировать пеструю в этно-религиозном отношении страну в единую империю.

С обретением независимости возможности для деятельности миссий зенаны сократились, но и сейчас некоторые школы и больницы, созданные ими, действуют в Индии, сохраняя в названии слово «зенана».

Список литературы

1. Francis C. R. Medical Missions to the Women of India // The Indian Female Evangelist. 1881. Vol. VI, № XL. P. 150–154.
2. Our Work and the Workers // The Indian Female Evangelist. 1880. Vol. V, № XXXVI. P. 260–282.
3. Our Work and the Workers // The Indian Female Evangelist. 1880. Vol. V, № XXXV. P. 182–213.
4. Bible-Woman's Work // The Magazine of the Church of England Zenana Missionary Society. 1883. Vol. III, № XIII. P. 33–35.
5. Weitbrecht M. E. The Women of India, and Christian Work in the Zenana. London : James Nisbet & Co., 1875. 265 p.
6. Cavalier A. R. In Northern India: A Story of Mission Work In Zenanas, Hospitals, Schools and Villages. London : S. W. Partridge, 1899. 198 p.
7. Proshaska F. K. Women and Philanthropy in Nineteenth-Century. Oxford : Clarendon Press ; New-York : Oxford University Press, 1980. 301 p.
8. Hill P. R. The World Their Household: The American Woman's Foreign Mission Movement and Cultural Transformation, 1870–1920. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1985. 231 p.
9. Tucker R. A. The Role of Bible Women in World Evangelism // Missiology: An International Review. 1985. Vol. XIII, № 2. P. 133–146.
10. Kent E. F. Tamil Bible Women and the Zenana Missions of Colonial South India // History of Religions. 1999. Vol. 39, № 2. P. 117–149.

11. *Pitman E. R.* Indian Zenana Missions. Heir Need, Origin, Objects, Agents, Modes of Working, and Results. London : J. Snow and Co., 1903. 48 p.
12. Narrative of Events Connected with the Recent Secession // *The Indian Female Evangelist*. 1880. Vol. V, № XXXVI. P. 289–294.
13. Resolution Passed at a Very Full Committee of the Church Missionary Society, April 20th, 1880 // *The Indian Female Evangelist*. 1880. Vol. V, № XXXVI. P. 294–296.
14. *Muir W.* The Veil; Or Seclusion of Women in India // *The Indian Female Evangelist*. 1880. Vol. V, № XXXIV. P. 73–78.
15. *Williams M.* Co-Ordinate Education in its Bearing on the Present Condition of the Women of India // *The Indian Female Evangelist*. 1880. Vol. V, № XXXIII. P. 4–10.
16. Zenana Work in Masulipatam // *The Indian Female Evangelist*. 1880. Vol. V, № XXXIV. P. 78–85.
17. Our Work and the Workers // *The Indian Female Evangelist*. 1880. Vol. V, № XXXIII. P. 22–57.
18. Indian Marriages // *The Indian Female Evangelist*. 1881. Vol. VI, № XXXIX. P. 104–110.
19. Lord William Bentinck on the Suppression of Sati, 8 November, 1829 // *Speeches & Documents on Indian Policy, 1750–1921* / ed. by A. B. Keith : in 2 vols. London : Oxford University Press, 1922. Vol. I. P. 208–226.
20. *Hindu Widows*. By one of Themselves // *The Indian Female Evangelist*. 1881. Vol. VI, № XL. P. 154–159.
21. *Mitchell M.* Re-Marriage of a Bhatia Widow // *The Indian Female Evangelist*. 1881. Vol. VI, № XXXIX. P. 102–104.
22. *Bose B. S. Ch.* The Hindoos as They are // *The Indian Female Evangelist*. 1881. Vol. VI, № XL. P. 160–163.
23. *Prevost E.* Assessing Women, Gender, and Empire in Britain's Nineteenth-Century Protestant Missionary Movement // *History Compass*. 2009. № 7 (3). P. 765–799. <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2009.00593.x>
24. A Heathen Woman's Cry // *The Indian Female Evangelist*. 1881. Vol. VI, № XXXVIII. P. 66–67.
25. *Smith Th.* Zenana Schools // *The Indian Female Evangelist*. 1881. Vol. VI, № XXXVII. P. 2–4.
26. Our Position // *The Indian Female Evangelist*. 1880. Vol. V, № XXXVI. P. 217–222.
27. Reminiscences of Miss Beilby's Addresses // *The Indian Female Evangelist*. 1881. Vol. VI, № XL. P. 163–166.
28. Royal Sympathy, Or the Three Messages // *The Indian Female Evangelist*. 1881. Vol. VI, № XL. P. 145–150.
29. *Knighton W.* To Work or to Beg // *The Indian Female Evangelist*. 1880. Vol. V, № XXXV. P. 145–150.
30. *Murdoch J.* The Women of India and What Can be Done for Them. Madras : The Christian Vernacular Education Society, 1891. 150 p.
31. A Visit to an Indian Queen // *The Indian Female Evangelist*. 1882. Vol. VI, № XLI. P. 205–207.
32. The Missing Link; Or, Bible-women in the Homes of the London Poor by L. N. R., 1810–1879. New York : R. Carter & Bros, 1861. 302 p.
33. *Griffith G. G.* On the Zenana Medical Mission Hospital and Training School for Ladies // *The Indian Female Evangelist*. 1880. Vol. V, № XXXIII. P. 58–61.

Поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 73–79
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 73–79
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-73-79>, EDN: TSNJBV

Научная статья
УДК 327(47+57:430)|1918/1924|

Эволюция представлений западных держав о германо-советских отношениях в 1918–1924 годы

М. А. Трусова

Рязанский государственный медицинский университет им. И. П. Павлова, Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9

Трусова Мария Александровна, преподаватель кафедры философии и истории, trusovarzgmu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6713-8649>, AuthorID: 1154962

Аннотация. На основе изучения документов внешней политики Великобритании, Франции и США освещаются основные этапы «рапальского» периода советско-германских отношений, каждый из которых обладает особенностями восприятия и оценки их перспектив данными странами. Формулируются выводы о взаимозависимости и взаимообусловленности оценок западными странами германо-советских отношений с предпринимаемыми ими внешнеполитическими и внешнеэкономическими решениями.

Ключевые слова: советско-германские отношения, Брест-Литовский договор, Рапальский договор, Генуэзская конференция 1922 г., Рурский кризис

Для цитирования: Трусова М. А. Эволюция представлений западных держав о германо-советских отношениях в 1918–1924 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 73–79. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-73-79>, EDN: TSNJBV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of Western Powers' perceptions of the Soviet-German relations in 1918–1924

M. A. Trusova

Ryazan State Medical University, 9 Vysokovoltnaya St., Ryazan 390026, Russia

Mariya A. Trusova, trusovarzgmu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6713-8649>, AuthorID: 1154962

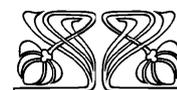
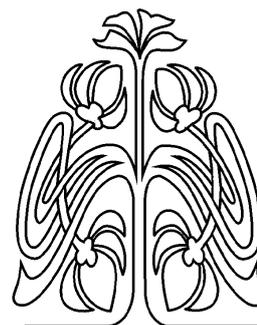
Abstract. On the basis of the study of the Documents of foreign policy of Great Britain, France and the United States the author identifies the main stages of Soviet and German relations in the so-called Rapallo period. Each stage has its own features of the perception and their prospects by these countries. The author concludes that Western countries' assessments of German-Soviet relations are interdependent and interconnected with their foreign policy and foreign economic decisions.

Keywords: Soviet-German relations, The Treaty of Brest-Litovsk, the Treaty of Rapallo, the Genoa Conference of 1922, Ruhr crisis

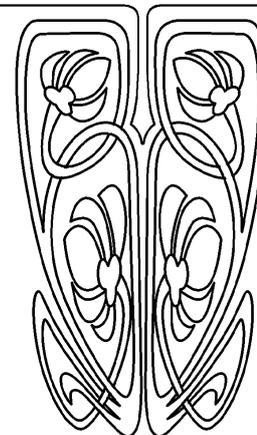
For citation: Trusova M. A. The evolution of Western Powers' perceptions of the Soviet-German relations in 1918–1924. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 73–79 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-73-79>, EDN: TSNJBV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

© Трусова М. А., 2024

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

После окончания Первой мировой войны для стран-победительниц одной из важнейших задач внешней политики стало создание нового мирового порядка. Его целями были провозглашены сохранение достигнутых в ходе войны результатов, а также минимизация рисков возникновения нового европейского или мирового конфликта [1–3]. Одним из ключевых факторов новой системы стал процесс разоружения Германии, усиленный ограничением ее внешнеполитических и экономических связей. При этом серьезным фактором, требующим внимания, стало появление Советского государства, пересмотревшего внешнеполитический курс Российской империи. Как известно, с начала своего существования страна Советов заключила сепаратный договор с Германией и, находясь в условиях политической изоляции, всячески стремилась к поиску партнеров и союзников. В связи с этим германо-советское взаимодействие находилось под постоянным пристальным вниманием западных держав (Великобритании, Франции, США), поскольку тесное сближение Берлина и Москвы могло нарушить их собственные внешнеполитические планы, создать опасность для европейской и мировой безопасности. Анализируя данный период, отечественный исследователь Е. В. Романова указывает на то, что «утверждение большевиков у власти в России, опасения возрождения германского экспансионизма на Востоке, а также сотрудничества Москвы и Берлина стали источником проводимой Францией и Великобританией политики «санитарного кордона» – поддержки буферных государств, возникших между Россией и Германией» [4, с. 42]. Таким образом, изучение германо-советского сотрудничества, с точки зрения оценки его западными странами, представляется важным для понимания причин и сущности внешней политики, проводимой Великобританией, Францией и США.

Основу исследования составили сборники документов внешней политики Великобритании [5–9], Франции [10–13] и США [14], в которых представлена дипломатическая переписка, записи переговоров, черновики соглашений и договоров. Важными для анализа германо-советского сотрудничества являются также статьи в прессе [15–20], касавшиеся ключевых моментов германо-советских отношений изучаемого периода, поскольку они позволяют выявить общественное мнение по изучаемому вопросу, а также позицию представителей бизнеса.

Первым серьезным шагом взаимодействия Германии и Советской России стало подписание Брест-Литовского мирного договора [21]. На заключительном этапе Первой мировой войны впервые был поднят вопрос о совместных военных действиях этих стран против войск Антанты, развернувших интервенцию на территории бывшей Российской империи. Так, характеризую

данный период, профессор РАН Н. Е. Быстрова указывает: «О степени серьезности намерений обеих сторон свидетельствует факт проведения в конце августа совещания представителей немецкого и советского высшего военного руководства по согласованию деталей предполагаемых совместных действий против англичан» [22, с. 136]. Американский историк и дипломат Дж. Ф. Кеннан отмечал, что страны Антанты в тот период по-разному оценивали возможность сотрудничества с большевиками. Франция хотела остановить немецкую агрессию совместно с советским режимом, в то время как Великобритания и США предпочитали поддерживать антибольшевистские силы, выражавшие верность союзническим обязательствам [23, р. 43].

Следующим этапом германо-советского взаимодействия стало обсуждение и подписание советско-германского финансового соглашения и «Добавочного договора» в августе 1918 г. [24]. Российский историк А. Ю. Ватлин указывает, что период, предшествовавший подписанию «добавочного договора», являлся моментом наибольшего сближения Германии и Советской России: «Процесс согласования интересов Германии и России в этот момент зашел так далеко, что страны оказались на грани неофициального военного альянса, сколько бы ни отрицали это их лидеры тогда, ни советская историография впоследствии. Согласно ноте, в рамках новых обязательств по взаимодействию с РККА, германские войска должны были при необходимости выступить против союзной им османской армии» [25, с. 218].

Очевидно, что подобное сближение Германии и Советской России не могло не вызывать беспокойство западных государств. С 1919 г., рассматривая двусторонние советско-германские отношения, страны Запада оценивали их по двум основным параметрам: возможность распространения революционных идей в Германии; перспективы экономического взаимодействия.

Во время Парижской мирной конференции 1919 г. премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж отстаивал позицию, согласно которой репарации в отношении Германии должны быть умеренными, поскольку чрезмерные финансовые тяготы могли создать нестабильность и революционную обстановку в стране: «Мы толкаем Германию в объятия большевизма. Кроме того, чтобы она могла заплатить то, чего мы хотим, и чего требует справедливость, необходимо, чтобы она заняла на рынке еще более значительное место, чем то, какое она занимала до войны» [26, с. 258]. Великобританию волновали также экономические аспекты взаимодействия, поскольку она была заинтересована в развитии собственной торговли и видела Германию своим соперником в предоставлении России долгосрочных кредитов и поставках товаров в советское государство. К осени 1919 г.

в Великобритании обсуждались возможности использования Германии как посредника для проникновения на советский рынок. Так, представитель британской военной миссии в Берлине, полковник С. Р. Мод докладывал в Лондон: «Если английские капиталисты получают контроль над германскими фабриками сейчас, то в следующие месяцы они будут продавать все то, что производят эти фабрики, и затем будут готовы занять российский рынок через немецкие фабрики. Иными словами, они зайдут в Россию через Германию» [27, р. 295].

В этот период в США стали высказываться предположения о возможностях перерастания экономического партнерства в политический союз между двумя государствами. Анализируя положение в Европе после Первой мировой войны, проправительственный орган печати – газета «Нью-Йорк Трибюн» («New-York Tribune») – делал вывод о том, что Германия и Советская Россия склонны к поиску совместных решений: «...Мы видим, что против англо-французского альянса, пытающегося расшириться до общеевропейской системы, есть два важнейших фактора – это Германия и Россия, и обе страны в ближайшем будущем, будут противостоять западному союзу... Сейчас Германия должна принять важнейшее для будущего решение: признает ли она свое поражение, будет ли она оплачивать проигранную войну (деньгами и потерей мощи) или она будет стремиться избежать этой оплаты путем поиска соглашения с большевиками» [15, р. 80].

В начале советско-польской войны 1919–1921 гг. западные державы вновь обратились к вопросу советско-германского сотрудничества в контексте возможностей распространения в Германии коммунистических идей и союза государств на данной основе. Опасения по этому поводу высказывались британским послом в Берлине лордом Килмарноком: «Если большевики смогут оккупировать Польшу и установить советское правительство, последствия для Германии будут настолько сильными, что возможно появление в ней серьезного коммунистического движения. Это означает, что вся Западная и Центральная Германия, и, возможно, Рур станут большевистскими.... Вероятно самая большая опасность, с которой мы сталкиваемся – это улучшение отношения и даже возможно союз между Германией и Советской Россией» [28, р. 275]. Представитель США также сообщал из Берлина в августе 1920 г. о том, что в Германии социалисты, коммунисты и профсоюзы выступали против попыток Антанты заставить Германию нарушить нейтралитет и втянуть ее в конфликт между РСФСР и Польшей. Поэтому высказывалось опасение, что разрешение транспортировки материалов и войск через Германию могло «привести к забастовкам и даже вооруженному

сопротивлению и разрушению железных дорог до такой степени, что заставит Германию открыто принять сторону Советов, и тогда Европа опять будет в огне» [29, р. 847]. Одним из факторов, влиявших на политику Германии в этом вопросе, власти США считали политику, проводимую Францией, в связи с чем предполагали, что «со стороны Франции было бы разумно в данный момент сделать публичное заявление о своих целях в отношении Германии, указав, что не было никаких намерений предпринимать какие-либо шаги в отношении Германии, кроме как обеспечить выполнение Версальского договора, и что Франция готова занять либеральную позицию в отношении условий договора и согласиться на окончательную и разумную сумму репарационных выплат» [30, р. 977].

Однако к концу 1920 г. при обсуждении германо-советских отношений тема большевизации Германии уступила место рассмотрению двусторонних экономических отношений. Переговоры между Великобританией и Францией демонстрировали существенное расхождение двух государств в оценках перспектив германо-советского взаимодействия. Французская позиция была основана на том, что необходимо противодействовать экономическому сближению Германии и Советской России с тем, чтобы не допустить перерастание торговых связей в военное взаимодействие. Глава французской военной миссии в Польше генерал Ниссель сообщал в Париж: «Немецко-большевистская связь неоспорима. В общем, Германия надеется занять важное место в экономическом подъеме России, равно как и оказывать влияние на ее вооруженные силы, которые могли бы после восстановления порядка в России оказывать Германии эффективную помощь» [10, р. 535]. Позиция английского премьер-министра Ллойд Джорджа состояла в том, что с целью недопущения германо-советского сближения необходимо включить Германию в русло европейской политики, для чего важно было пойти на уступки в решении послевоенных проблем: «Если когда-нибудь Россия получит общую границу с Германией, то эти два государства могут бросить вызов блокаде французского и английского флотов. Германия могла бы поставлять локомотивы, в то время как Россия могла бы поставлять зерно. Если предубеждения Мильерана относительно Германии сильнее, чем предубеждения относительно большевизма, то ему стоит подумать об этом» [31, р. 743]. Во время переговоров с итальянским премьер-министром Дж. Джолитти Ллойд Джордж также отстаивал позицию о необходимости установления более дружественных отношений с Германией: «Немцы – порядочный народ, чье настроение антибольшевистское. Но если он будет ограничен слишком сильно, то он может быть принужден к большевизму» [32, р. 757].

Важным шагом в развитии германо-советских отношений стало подписание 6 мая 1921 г. торгового соглашения [33] между двумя государствами. В связи с этим французский посол в Берлине сообщал о том, что в Германии не только дипломаты и представители бизнеса, но и практически представители всех партий Рейхстага ожидали активного участия германских производителей в восстановлении советской экономики. При этом французский посол в Берлине Ш. Лоран сообщал министру иностранных дел А. Бриану, что «экономическое сотрудничество, по мнению многих немцев, – это прелюдия к политическому соглашению» [11, р. 11–12]. Если Франция видела опасность в развитии германо-советских торговых связей, то Великобритания скорее рассматривала их с позиции реализации собственных интересов. Советский дипломат Л. Б. Красин в своей записке указывал: «Англичане же, шведы и др. начинают понимать, что на России можно «заработать» не столько вымогательством «долгов», сколько новой активной работой, на которую одряхлевший ростовщический капитал Франции уже неспособен» [34, л. 3].

У Ллойда Джорджа было следующее видение европейской политики: соглашение с Германией на основе уступок по репарационному вопросу и привлечение ее к европейскому сотрудничеству; укрепление, хотя и на ограниченной основе, англо-французской Антанты; экономическое и политическое соглашение с Советской Россией на основе широкой эксплуатации богатств России иностранным капиталом и максимальное привлечение Германии к экономическому восстановлению России, о чем он заявлял в ходе переговоров с французским премьер-министром А. Брианом: «В рамках схемы реанимации России предлагалось, что Германии должны быть предоставлены возможности для развития российской промышленности, и что она должна выделить 50 процентов прибыли, полученной от деятельности в России, на репарации» [35, р. 771].

С целью решения экономических противоречий между государствами страны-победительницы, а в первую очередь, Великобритания, созвали международную конференцию в Генуе в 1922 г. В ходе Генуэзской конференции страны Запада продемонстрировали непримиримую позицию как по отношению к России (по вопросам военных долгов и компенсации за национализированную собственность), так и по отношению к Германии (в части пересмотра условий Версальского договора и репарационной политике). В сложившейся обстановке нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин и министр иностранных дел Германии В. Ратенау смогли прийти к соглашению об отказе от взаимных претензий и установлении дипломатических отношений, подписав Рапалльский договор [36].

Данное соглашение стало серьезным вызовом Версальской системе, и практически сразу после его заключения в западных странах стали обсуждаться вопросы о наличии в нем секретных статей военного характера. Французское министерство иностранных дел в первую очередь обратило внимание именно на возможность военного взаимодействия Германии и Советской России. Премьер-министр Франции Р. Пуанкаре предупреждал французского посла в Берлине М. Лорана: «Верховный комиссар Кобленца сообщил, что, по словам агента, которого его службы считают хорошо информированным, в конце марта в Берлине происходили переговоры с целью достижения военных соглашений, позволяющих в случае возможных осложнений во время Генуэзской конференции, либо до, либо сразу после нее, на двойной польско-русской и польско-германской границе провести масштабные действия для того, чтобы произвести впечатление на союзников и вызвать панику в Европе» [12, р. 497]. Р. Пуанкаре также заявил вскоре после подписания договора в Рапалло, что новые советско-германские отношения могут в будущем создать опасность для Польши и, таким образом, создать косвенную опасность и для Франции. Французское военное командование, проанализировав изменения в расстановке сил после заключения Рапалльского договора, делало вывод о том, что если Франция решила захватить Рур, то «лучшего момента для этого не найти» [37, р. 96]. Французская газета «Матэн» («Le Matin») задавалась вопросом: нет ли в этом договоре тайных статей о поблажках и льготах в пользу германской АЭГ (всеобщей электрической компании), руководителем которой был ранее В. Ратенау? [38, с. 78]. Газеты сожалели о германском признании России де-юре, пугали славяно-тевтонским союзом. Признавалось, что давление Антанты на Россию и Германию ушло в прошлое [38, с. 78].

Руководство Великобритании заняло в этом вопросе двойственную позицию. С одной стороны, Ллойд Джордж внешне разделял негодование французского премьер-министра, но при этом был осведомлен о переговорах Советской России и Германии, которые проводились еще до начала Генуэзской конференции. Вместе с тем он отмечал, что необходимо предотвратить образование германо-советского союза, который мог создать угрозу европейской безопасности: «Если Россия окажется способной обеспечить оружием Германию, никто не сможет остановить ее» [9, р. 433]. Британская пресса оценивала перспективы советско-германского сближения как угрозу для Европы: «Германия и Россия полностью восстановили дипломатические отношения и готовы использовать их для того, чтобы заключить соглашения, освобождающие их от Версальского договора... Единственной реальной угрозой Европе является союз России и Германии» [16].

Соединенные Штаты Америки не принимали участия в Генуэзской конференции, однако с большим вниманием отнеслись к новости о заключении германо-советского договора. Официальная позиция была опубликована в газете «Нью-Йорк Трибюн» 18 апреля и предполагала, что «заключенный между Германией и Россией договор ничего не значит для Соединенных Штатов Америки» [17]. В то же время американская оппозиционная пресса поднимала вопрос о возможностях развития германо-советских отношений вплоть до формирования полноценного союза: «Соглашение может вызывать беспокойство, только если правительства стран Европы будут проводить такую политику, которая приведет Германию и Россию друг к другу и заставит их рассматривать договор как более или менее оборонительный или наступательный» [18]. Корреспондент газеты «Вашингтон Таймс» («The Washington Times») предполагал и более серьезные геополитические последствия, связанные с возможностями создания трехстороннего германо-советско-китайского союза, который в свою очередь будет направлен против сложившегося союза Великобритании, Франции, Японии и США. Таким образом, «Генуя может закончиться для США тем, что они получают свой первый опыт участия в международном объединении, которое противостоит другому союзу государств» [19].

Летом 1922 г. разрабатывались формы реализации Рапалльского договора, и военно-промышленные круги Германии пошли на подготовку соглашения между военными ведомствами двух государств. Предварительный договор об этом был подписан 29 июля 1922 г. в Берлине. Французские военные эксперты видели опасность советско-германского военного сотрудничества, предполагая, что Россия может оказать поддержку Германии в случае ее войны с Францией. Также они предполагали, что возможное нападение Советской России на одно из восточноевропейских государств позволит Германии вмешаться в конфликт. В феврале 1923 г., со ссылкой на чехословацкого министра, французский дипломат М. Перетти сообщал: «Когда было заключено русско-германское торговое соглашение, заговорили о военном союзе между Рейхом и Советами. Последнего не существовало на тот момент, но с тех пор чехословацкое правительство из достоверных источников знает, что переговоры по этому вопросу начались еще при министерстве г-на Вирта и продолжались при министерстве г-на Куно» [37, р. 255].

На протяжении 1923–1924 гг. французских и британских наблюдателей интересовало состояние военного сектора в Советском Союзе. Оба правительства считали, что советское государство создает опасность для урегулирования отношений в Восточной Европе. Несмотря на то, что этот регион был относительно защищен

от действий со стороны СССР, Рапалльский договор заставил и Великобританию, и Францию обратить пристальное внимание на взаимоотношения Германии и советского государства. МИДы Великобритании и Франции пытались уменьшить выгоды, получаемые государствами от заключения Рапалльского договора. США также с большим вниманием относились к развитию германо-советского взаимодействия в контексте возможностей военно-технического сотрудничества. В период Рурского кризиса США все-таки рассматривали возможность участия СССР в этом столкновении интересов на стороне Германии, что могло создать опасность для всей европейской и мировой политики: «Если Германия и Россия будут воевать вместе против Франции, то совместным результатом от победы будет германо-российская диктатура в Европе с дальнейшими перспективами, предвидеть которые невозможно» [20].

К 1924 г. развитие германо-советских отношений затормозилось в связи с изменением обстановки в Германии и на внешней арене: шло обсуждение вступления страны в Лигу Наций, принятия плана Дауэса, а также приход к власти в Германии нового кабинета министров. Постепенный переход Германии к политике «лабиринтов» между СССР и странами Запада изменил подход к оценке германо-советских отношений, которые стали рассматриваться только в контексте их использования для давления на страны Запада.

Таким образом, восприятие странами Запада германо-советских отношений претерпело значительное изменение на протяжении 1918–1924 гг. На первом этапе (1918–1920 гг.), в условиях взятую Советским государством курса на мировую революцию и нестабильной обстановки в Германии, двустороннее взаимодействие рассматривалось в контексте опасности большевизации Германии и формирования союза двух стран. Второй этап (1921–1922 гг.), связанный с установлением экономических и политических отношений между Германией и Советской Россией, вызывал беспокойство западных держав с точки зрения упрочения и расширения торговых связей, что неоднозначно воспринималось западными державами. Если Франция стремилась противодействовать экономическому сближению Германии и Советской России, то Великобритания усматривала в нем некоторые преимущества для себя и для послевоенного восстановления Европы. Во многом такое расхождение во взглядах стало причиной более серьезных разногласий между западными державами, проявившихся в период проведения Генуэзской конференции 1922 г. Период после Рапалло (1922–1924 гг.) обозначил перспективы военно-технического взаимодействия Германии и СССР. В это время Великобритания, Франция и США

критически оценивали возможности более тесного военного и политического сотрудничества Берлина и Москвы вплоть до создания союза. Такая негативная перспектива повлияла на изменение их политики в отношении Германии и заставила пойти на ряд уступок по пересмотру условий Версальского договора.

Список литературы

1. Магадеев И. Э. Безопасность против или безопасность вместе? Уроки Первой мировой войны и германская политика Франции в 1920-х годах // Первая мировая война: историография и уроки истории (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014) / под ред. А. В. Ревякина. М. : МГИМО-Университет, 2015. С. 128–148.
2. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
3. Романова Е. В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М. : МАКС Пресс, 2008. 328 с.
4. Романова Е. В. Советская Россия/СССР и трансформация системы международных отношений в первой половине 1920-х годов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 3. С. 11–51. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-3-11-51>
5. Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 6. London : HMSO, 1956. 1956 p.
6. Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 8: 1920. London : HMSO, 1958. 892 p.
7. Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 10. London : HMSO, 1960. 828 p.
8. Documents on British foreign Policy. 191–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 15 : 1921. London : HMSO, 1967. 835 p.
9. Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 19 : Central Europe and the Balkans 1921. London : HMSO, 1981. 1138 p.
10. Documents diplomatiques français, 1920–1932 // Ministère des Affaires étrangères : in 13 vols. Vol. 2, t. 3 : 24 Septembre 1920–15 Janvier 1921. Peter Lang, 2003. 667 p.
11. Documents diplomatiques français, 1920–1932 // Ministère des Affaires étrangères : in 13 vols. Vol. 5, t. 2 : 1 Juillet – 31 Décembre 1921. Peter Lang, 2004. 847 p.
12. Documents diplomatiques français, 1920–1932 / Ministère des Affaires étrangères : in 13 vols. Vol. 7, t. 1 : 1 Janvier – 30 Juin 1922. Peter Lang, 2007. 838 p.
13. Documents diplomatiques français, 1920–1932 / Ministère des Affaires étrangères : in 13 vols. Vol. 9, t. 1 : 1 Janvier – 30 Juin 1923. Peter Lang, 2010. 758 p.
14. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1920 / ed. J. V. Fuller : in 3 vols. Vol. 3. Washington : US Government Printing Office, 1936. 1649 p.
15. Peace has been Declared in a Far from Peaceful Europe // New York Tribune. 1920. 25 January. P. 80.
16. London Press Sees no Peril in Treaty // The New York Herald. 1922. 19 April.
17. U. S. unaffected by Treaty // New York Tribune. 1922. 19 April.
18. American Treaty with Germany set up Precedent // The Evening World. 1922. 20 April.
19. New Alliance in Far East to Follow Treaty // The Washington Times. 1922. 21 April.
20. Soviet Peril Adds to War Specter // The Evening Star. 1923. 16 January.
21. Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой // Документы внешней политики СССР : в 26 т. Т. 1 : 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 / ред. коллегия : И. Н. Земсков, С. М. Майоров, И. В. Содчиков, В. М. Хвостов, Б. Е. Штецн. М. : Госполитиздат, 1959. С. 119–166.
22. Быстрова Н. Е. Из истории дипломатических отношений Советской России. 1917–1918 годы // Российская история. 2012. № 5. С. 121–139.
23. Kennan G. F. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston ; Toronto : Little Brown and Co., 1961. 411 p.
24. Русско-германский добавочный договор к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой // Документы внешней политики СССР : в 26 т. Т. 1 : 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 / ред. коллегия : И. Н. Земсков, С. М. Майоров, И. В. Садчикова, В. М. Хвостов, Б. Е. Штейн. М. : Госполитиздат, 1959. С. 437–455.
25. Ватлин А. Ю., Ланник Л. В. Тайные ноты к Добавочному советско-германскому договору 27 августа 1918 года // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230. <https://doi.org/10.31857/S013038640016555-8>
26. Тардые А. Мир / пер. с фр. ; под ред. и с вступ. ст. Б. Е. Штейна. М. : Госполитиздат, 1943. 424 с.
27. Report by Colonel Maude (Berlin) on the future of German trade and finance in relation to Russia and England // Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 6. London : HMSO, 1956. P. 295–297.
28. Lord Kilmarnock (Berlin) to Earl Curzon // Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 10. London : HMSO, 1960. P. 275–276.
29. The Commissioner at Berlin (Dresel) to the Secretary of State // Papers relating to the foreign relations of the United States, 1920 / ed. by J. V. Fuller : in 3 vols. Vol. 3. Washington : US Government Printing Office, 1936. P. 847.
30. Memorandum by the Third Assistant Secretary of State (Merle-Smith) // Papers relating to the foreign relations of the United States, 1920 / ed. by J. V. Fuller : in 3 vols.

- Vol. 3. Washington : US Government Printing Office, 1936. P. 977.
31. British Secretary's Notes of a Meeting held at Lympne, on Monday, August 9, 1920 // Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 8 : 1920. London : HMSO, 1958. P. 731–745.
32. Notes of a Conversation held at the Villa Haslihorn, Lucerne, on Sunday, August 22, 1920 // Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 8 : 1920. London : HMSO, 1958. P. 756–777.
33. Временное соглашение между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германией, заключенное в Берлине 6 мая 1921 г. // Документы внешней политики СССР : в 26 т. Т. 4 : 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. / ред. коллегия : Л. С. Гапоненко, Г. К. Деев, Н. Н. Калинин, И. К. Колосовский, Г. Д. Обичкин, М. А. Харламов. М. : Госполитиздат, 1960. С. 99–105.
34. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 2. Д. 1396 (Записка Красина Л. Б. о долгах России и взаимных расчетах между Россией, нейтральными странами и странами Антанты).
35. British Secretary's Notes of a Meeting between Mr. Lloyd George and M. Briand, held at 10 Downing Street, S. W., on Tuesday, December 20, 1921 // Documents on British foreign Policy. 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. 1st series : in 27 vols. Vol. 15 : 1921. London : HMSO, 1967. P. 768–774.
36. Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германией // Документы внешней политики СССР : в 21 т. Т. 5 : 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. / ред. коллегия : А. Е. Богомолов, Б. Г. Гафуров, П. И. Ершов, А. И. Лаврентьев, В. В. Лезин, Н. И. Шатагин. М. : Госполитиздат, 1961. С. 223–224.
37. *Variety J.* Les relations franco-allemandes après la Première Guerre mondiale. Paris : Pédone, 1977. 797 p.
38. Ахтамзян А. А. Профили Рапалльской дипломатии (очерки). М. : МГИМО-Университет, 2009. 288 с.

Поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 22.06.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 22.06.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 80–87

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 80–87

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-80-87>, EDN: UWEYXH

Научная статья

УДК 327(470+570:73)+929Ельцин

Американский вектор внешней политики России в период первого президентства Б. Н. Ельцина

А. П. Косов

¹Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр-т Независимости, д. 4

²Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский проспект, д. 33

Косов Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент, ¹докторант кафедры истории нового и новейшего времени; ²доцент кафедры истории и культурного наследия; interrel21@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8800-3622>, AuthorID: 690512

Аннотация. В статье рассмотрен внешнеполитический курс России в отношении США в 1991–1996 гг. Показано стремление руководства России достичь уровня стратегического партнерства с Соединенными Штатами в условиях становления новой российской государственности и ослабления международных позиций страны. Формулируется вывод о крахе неоправданных надежд и иллюзий Москвы на равноправное сотрудничество с Вашингтоном.

Ключевые слова: Россия, США, внешняя политика, российско-американские отношения, Б. Н. Ельцин, Дж. Буш ст., Б. Клинтон

Для цитирования: Косов А. П. Американский вектор внешней политики России в период первого президентства Б. Н. Ельцина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 80–87. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-80-87>, EDN: UWEYXH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The American vector of Russia's foreign policy in the period of Boris Yeltsin's first presidency

A. P. Kosov

¹Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus

²Vitebsk State University named after P. M. Mashero, 33 Moskovsky Ave., Vitebsk 210038, Belarus

Alexandr P. Kosov, interrel21@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8800-3622>, AuthorID: 690512

Abstract. The article considers Russia's foreign policy towards the United States in 1991–1996. The desire of the Russian leadership to achieve the level of strategic partnership with the United States is shown in the conditions of the formation of a new Russian statehood and the weakening of the country's international positions. The conclusion is made about the collapse of Moscow's unjustified hopes and illusions for equal cooperation with Washington.

Keywords: Russia, USA, foreign policy, Russian-US relations, B. N. Yeltsin, G. W. Bush, B. Clinton

For citation: Kosov A. P. The American vector of Russia's foreign policy in the period of Boris Yeltsin's first presidency. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 80–87 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-80-87>, EDN: UWEYXH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

США находились в центре внешней политики Б. Н. Ельцина. В начале 1990-х гг. российское руководство и общество были очарованы Америкой. Многие, включая самого президента России, питали сильные надежды на равноправное партнерство с Вашингтоном и американскую помощь погружавшейся в глубокий кризис стране.

Цель статьи – проследить эволюцию внешнеполитического курса России в отношении США в условиях трансформирующегося миропорядка (1991–1996 гг.).

Становление американского вектора внешней политики Б. Н. Ельцина началось еще

в советский период. В 1991 г. он хотел заручиться поддержкой американцев в условиях борьбы за власть с М. С. Горбачевым. Впервые Б. Н. Ельцин побывал в США в сентябре 1989 г. еще будучи депутатом Верховного Совета СССР. Именно тогда он познакомился с рядом представителей американского истеблишмента. Правда, большинство из них воспринимали его как пьяницу и демагога, которому нельзя верить. Особенно негативное впечатление Б. Н. Ельцин произвел на советника президента США по национальной безопасности Б. Скоукрофта, который считал его автократом и популистом [1, с. 34].

Администрация Буша-ст. делала ставку на М. С. Горбачева, который полностью устраивал американцев. Поэтому Вашингтон всячески поддерживал президента СССР. Тем не менее сторонники Б. Н. Ельцина вели активную деятельность среди американских политических кругов по снижению их недоверия к российскому руководству. Например, министр иностранных дел России А. В. Козырев во время своих визитов в США пытался убедить американцев в необходимости поддержки Б. Н. Ельцина в борьбе с «реакционерами» из КПСС, уверяя своих собеседников в том, что поддержка российского президента отвечает национальным интересам Соединенных Штатов [2, с. 291]. В определенной степени это принесло свои плоды. Постепенно многими представителями американской элиты Б. Н. Ельцин стал восприниматься не только как «демократически избранный», но и «первый руководитель, лишенный имперских амбиций» [3, с. 34]. Особенно ему благоволила группа министра обороны Р. Чейни [4, с. 25].

В Москве, по свидетельству Е. Т. Гайдара, многое для упразднения недоверия со стороны США к команде Ельцина было сделано американским послом Р. Страусом [5, с. 169–170]. В посылаемых телеграммах в Вашингтон он убеждал свое руководство оказать поддержку российским реформаторам [6, р. 62–63]. В результате с осени 1991 г. США стали выстраивать отношения не только с М. С. Горбачевым, но и с Б. Н. Ельциным. Как аллегорически сказал по этому поводу сам Дж. Буш-ст., «надо танцевать с теми, кто находится на танцплощадке» [7, с. 444]. Это стало свидетельством несомненного внешнеполитического успеха Б. Н. Ельцина в его борьбе с М. С. Горбачевым. После того, как 25 декабря 1991 г. СССР прекратил свое существование, Вашингтон немедленно объявил о признании России в качестве правопреемницы Советского Союза.

На международной арене Россия унаследовала от СССР внешние атрибуты великой державы – место постоянного члена СБ ООН, ядерный статус, влияние в мировой политике, которое, правда, стремительно падало. Однако внутри страны ситуация быстро ухудшалась. В сложившихся условиях и Москва, и Вашингтон были заинтересованы в «сверке часов» по наиболее актуальным проблемам мировой политики. Американцы опасались дестабилизации в ядерной державе, а российская политическая элита надеялась на то, что окончание Холодной войны и демократическая трансформация страны сделают Запад не только надежным партнером, но и союзником России [8, с. 86].

Многие в Москве верили в превосходство западной модели развития, отождествляя ее с процветанием, успехом, свободой, достатком и прочими атрибутами. Команда Ельцина считала, что альтернативы вестернизации России нет, поэтому следует как можно скорее стать частью Запада.

Младореформаторы всерьез рассчитывали на западную помощь в осуществлении рыночных и демократических преобразований в стране, наивно ожидая встречного энтузиазма. Они убеждали США, что альтернатива российским демократам – возвращение к власти в Москве коммунистов. Однако администрация Буша-ст. проявляла на российском направлении осторожность. К тому же многое из обещанной американцами помощи до России так и не дошло. Например, А. Б. Чубайс считал, что если бы Москва получила те 24 млрд долл., о которых было объявлено на координационной конференции в январе 1992 г., то ситуация непременно бы улучшилась и внутри страны и в российско-американских отношениях, но, по его словам, «Соединенные Штаты упустили шанс» [4, с. 33].

Официальное видение руководством России перспектив развития российско-американских отношений нашло свое отражение в публичных заявлениях Б. Н. Ельцина и подписанных им документах. С этой точки зрения, весьма важным стал его визит в Соединенные Штаты 31 января – 1 февраля 1992 г. Учитывая довольно скептическое отношение к российскому руководству ряда сотрудников администрации Буша-ст., встреча Б. Н. Ельцина с американским коллегой имела большое значение. Один из советников президента России вспоминал, что Борис Николаевич очень тщательно готовился к ней, поскольку считал ее для себя «большим экзаменом» [4, с. 29]. К слову, сдал он его успешно.

В ходе встречи Б. Н. Ельцина и Дж. Буша-ст. в Кэмп-Дэвиде были обсуждены проблемы распада Советского Союза, достигнуты договоренности о продолжении сокращения ядерных вооружений, сотрудничества в сфере нераспространения оружия массового уничтожения и т. д. По ее результатам президентами была подписана Кэмп-Дэвидская декларация о новых отношениях между двумя странами. В ней руководители России и США отказывались рассматривать «друг друга в качестве потенциальных противников» и заявляли о дружбе и партнерстве, «основанном на взаимном доверии, уважении и общей приверженности демократии и экономической свободе» [9, с. 12]. Декларирование сторонами намерений о партнерстве в связи с окончанием Холодной войны создавало в Москве иллюзию о возможностях развития равноправного и конструктивного сотрудничества.

Действительно, после Кэмп-Дэвида внешне взаимоотношения Б. Н. Ельцина и Дж. Буша-ст. вышли на новый уровень [10, с. 45]. Российский президент произвел весьма благоприятное впечатление на своего американского коллегу и госсекретаря Дж. Бейкера [11, р. 623–625]. Однако степень финансово-экономической поддержки России со стороны Соединенных Штатов, на которую рассчитывали в Москве, увеличилась

незначительно. В стране нарастало разочарование, но в руководстве Российской Федерации не оставляли надежд на активизацию отношений и особенно увеличение американской помощи.

Одним из практических шагов в этом направлении стал еще один визит российского президента в США, который состоялся 16–18 июня 1992 г. Отправляясь в Вашингтон, он надеялся на новый формат отношений с Америкой. Но, главное, ему хотелось подтолкнуть американцев к оказанию более существенной помощи России. 17 июня Б. Н. Ельцин и Дж. Буш-ст. подписали ряд документов, пополнивших договорно-правовую базу российско-американских отношений. Они касались намерений Москвы и Вашингтона по сотрудничеству в сферах ядерной безопасности, космоса, конверсии, налогообложения, капиталовложений, а также уничтожения химического оружия, ситуации на Корейском полуострове, в Боснии и т. д. [12, с. 401].

На встрече с Дж. Бушем-ст. Б. Н. Ельцин продемонстрировал стремление к сотрудничеству по американским правилам. Так, исходя из тезиса о «неделимости» безопасности «от Ванкувера до Владивостока», нашедшего отражение в принятой ими Хартии российско-американского партнерства и дружбы, следовало, что Россия соглашалась привязать свою безопасность к сфере ответственности НАТО [13, с. 434]. Кроме того, российский президент обязался следовать западным принципам при осуществлении внутренней политики [13, с. 432]. Тем самым Москва принимала правила внутри- и внешнеполитического поведения, навязанные американцами [14, с. 126].

В Вашингтоне Б. Н. Ельцин также выступил с проамериканской речью перед обеими палатами Конгресса США. Он заявил буквально следующее: «Мир может вздохнуть спокойно – коммунистический идол, который сеял повсюду социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, – рухнул! Рухнул навсегда!.. Россия окончательно сделала выбор в пользу цивилизации, здравого смысла, общечеловеческого опыта. <...> Сегодня свобода Америки защищается в России. И если реформы провалятся, придется заплатить многие сотни миллиардов долларов, чтобы хоть как-то компенсировать эту потерю. <...> Именно Россия раз и навсегда отбросила практику двойных стандартов во внешней политике. Мы не намерены более лгать своим партнерам по переговорам, ни российскому, ни американскому, никакому другому народу. С такой практикой покончено навсегда!» [15, с. 426–429]. После таких слов присутствующие в Конгрессе аплодировали Б. Н. Ельцину стоя. Атмосфера в зале была исключительно позитивная [16, с. 101].

Однако идею равноправия США и России американцы принять не могли. А. К. Пушкив,

который был очевидцем выступления российского президента, отмечал, что американская элита воспринимала Российскую Федерацию как слабую страну, просящую помощи, а Б. Н. Ельцин представлялся им неустойчивой политической фигурой. Американцы лишь хотели воспользоваться слабостью Москвы, чтобы еще более усилить свои позиции в мире [16, с. 76, 79]. Правда, ни Б. Н. Ельцин, ни А. В. Козырев, ни Г. Э. Бурбулис, ни даже В. П. Лукин не видели ситуацию в подобном ключе. Они считали, что уход России и США от конфронтации автоматически ведет к партнерским, а в перспективе даже союзническим отношениям [16, с. 100]. Например, В. П. Лукин считал, что Россия нуждалась в Америке в качестве партнера в урегулировании ряда региональных кризисов, а также как потенциальном огромном рынке для товаров и инвестиций. Кроме того, по мнению российского посла, Москва и Вашингтон якобы были нужны друг другу потому, что без их партнерства никакой постбиполярный стабильный миропорядок представлялся невозможным [17, с. 273].

К сожалению, в США считали иначе. Тем самым ельцинская речь так и осталась благим пожеланием. Россия не воспринималась американцами в качестве равноправного партнера. Они стремились навязать Российской Федерации свою волю. Ни о каком равенстве и речи не шло. Москва должна была лишь неукоснительно выполнять все рекомендации Вашингтона. Данные расхождения вскоре приведут к нарастанию противоречий между ними. Однако открыто они проявятся позже. А пока во внешней политике Российская Федерация преобладали эйфория и романтизм.

Конечно, вряд ли Б. Н. Ельцин изначально планировал слушаться США, поскольку считал себя равным «другу Джорджу», а затем «другу Биллу». Но по факту из-за слабости России «равенство» было лишь в речах американских президентов, адресованных своему российскому коллеге. Как вспоминал А. Л. Адамишин, занимавший тогда должность первого замминистра иностранных дел, выступая 27 октября 1992 г. на коллегии МИД, президент красноречиво говорил о необходимости для России иметь свое лицо. Москва якобы больше не должна терпеть унижения и оскорбления, а также должна перестать говорить на мировой арене только «да». Правда, по признанию дипломата, многое в ельцинских словах говорилось на публику, поскольку в зале присутствовало большое количество журналистов [18, с. 288]. На деле же он продолжал идти на уступки США.

Преклонение российского руководства перед Западом автоматически делало Российскую Федерацию зависимой от Америки. В те годы в Москве мечтали о подобии «плана Маршалла», считая, что нужно идти на максимальные уступки, тогда Россия станет полноценным членом западного сообщества. Однако американцы не собирались

предоставлять масштабную помощь ядерной державе, еще недавно бывшей врагом в Холодной войне. Для США Россия была проигравшей стороной. Поэтому Вашингтон был готов помогать лишь настолько, насколько это было необходимо для поддержки находившегося у власти в Российской Федерации прозападного руководства, но никак не для усиления Российского государства. К тому же сами США в то время переживали экономический спад [19, с. 91].

Исходя из этого, для Вашингтона в приоритете была проблема сокращения российского ядерного потенциала, а не оказание России помощи и учет ее национальных интересов. Так, 2–3 января 1993 г. Москву посетил Дж. Буш-ст., завершавший свое президентство. Результатом его визита стал Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), который предусматривал к 2003 г. взаимное сокращение числа стратегических боезарядов до 3500 единиц. Однако договор оказался несбалансированным: Российская Федерация отказывалась от основы своих стратегических запасов, в то время как США сохраняли их. Б. Н. Ельцин осознавал этот факт, но считал, что стратегический паритет утратил всякий смысл в настоящее время, когда «в политических и экономических взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Россией произошли такие фундаментальные изменения» [19, с. 94]. Конгресс США ратифицировал договор СНВ-2 в январе 1996 г. В Российской Федерации процесс ратификации затянулся, а затем и вовсе сорвался из-за нарастания напряженности в российско-американских отношениях в конце 1990-х гг.

После прихода к власти в Соединенных Штатах Б. Н. Клинтона российское руководство было вынуждено выстраивать отношения с новой администрацией. Со своей стороны Вашингтон рассчитывал, что Москва продолжит следовать за США. Администрация Клинтона дала ей повод для завышенных ожиданий на позитивное развитие двусторонних отношений. Как казалось Б. Н. Ельцину, А. В. Козыреву и многим другим, она избрала линию на более активное сотрудничество с Россией. На деле же это было американским вмешательством во внутренние дела Российской Федерации.

Выступая 1 апреля 1993 г. в Военно-морской академии в Аннаполисе, Б. Клинтон призвал к «стратегическому союзу с российскими реформаторами» и предостерег, что «опасность определенно возникнет, если российские реформы сойдут на нет – если страна вернется к авторитаризму или рассыплется, погрузится в хаос» [4, с. 37]. Очевидно, что в основе философии команды Клинтона лежала вера в возможность широкомасштабной трансформации российского общества по западным лекалам. Для Вашингтона, как и для ельцинского окружения, угроза

виделась в коммунистах и националистах, которые являлись противниками радикальных реформ по американским советам.

Уже с 1992 г. открытый прозападный курс Ельцина – Козырева стал сталкиваться с нарастающим противодействием со стороны политической оппозиции, части представителей государственно-бюрократического аппарата и общественности. Необоснованные уступки Западу не приветствовались даже в самом МИД РФ. Так, первый замминистра иностранных дел А. Л. Адамишин считал, что «выслуживанием перед американцами никогда ничего не добьешься» [18, с. 375]. Российского постпреда в ООН Ю. М. Воронцова также огорчало, что Россия слишком уж схематично, односторонне и примитивно, шла в фарватере Запада. Он придерживался мнения, согласно которому можно быть с американцами в одном строю, но «в расшитой русской рубашке» [18, с. 358].

Наиболее резкая критика в адрес российской внешней политики и США исходила от представителей так называемой «консервативной оппозиции» в парламенте. К январю 1993 г. в России проявилось непримиримое противостояние между президентом и Верховным Советом. Поэтому взаимодействие с Вашингтоном рассматривалось Б. Н. Ельциным в том числе и в контексте своей борьбы с политическими оппонентами внутри страны. Уже на третий день пребывания в должности Б. Клинтона президент РФ предложил ему встретиться в ближайшее время, на что получил согласие [8, с. 94]. Они встретились 3–4 апреля 1993 г. в Ванкувере. Как вспоминал Б. Клинтон, Б. Н. Ельцин сразу ему понравился. Он якобы отметил, что России повезло, что ею руководит Б. Н. Ельцин [20, р. 508]. По итогам встречи ими была принята Ванкуверская декларация, провозгласившая стратегическое партнерство Российской Федерации и США. В ней говорилось о «твердой приверженности динамичному и эффективному российско-американскому партнерству», а также подтверждалась принципы и положения Кэмп-Дэвидской декларации и Хартии российско-американского партнерства и дружбы в качестве основы взаимодействия двух стран [21, с. 417, 420].

В условиях нарастания противостояния Б. Н. Ельцина и Верховного Совета президенту РФ было важно заручиться поддержкой Вашингтона и ему это удалось. 21 сентября российский президент подписал безупречный в юридическом плане Указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета, после чего проинформировал Б. Клинтона, который полностью поддержал его действия. Американский президент считал ельцинских противников в российском парламенте «реакционными элементами» или «старыми коммунистами и прочими реакционерами», которые якобы стремились к реставрации старого

порядка [20, р. 503–504, 506]. Подтверждением благожелательной позиции Вашингтона к Б. Н. Ельцину стало принятие Сенатом США 23 сентября Закона об иностранной помощи на 1994 г., который предусматривал выделение 2,5 млрд долл. для новых независимых государств на постсоветском пространстве, из которых 1,6 млрд долл. – для России. 30 сентября 1993 г. данный закон был подписан Б. Клинтон [3, с. 108].

Американская позиция позволила в начале октября 1993 г. Б. Н. Ельцину реализовать силовой сценарий. Вашингтон одобрил его действия по расстрелу парламента. Американцы понимали, что Б. Н. Ельцин для них более приемлемая фигура, нежели представители парламентской оппозиции, критиковавшие внешнеполитический курс страны. Как говорил тогдашний посол США в России Т. Пикеринг, Соединенные Штаты не могли не поддержать Б. Н. Ельцина [4, с. 44].

Несмотря на победу над оппонентами из Верховного Совета, вскоре по внешнеполитической линии Ельцина – Козырева на американском направлении был нанесен новый удар. Результаты думских выборов в декабре 1993 г. продемонстрировали нарастание антизападных настроений среди российской общественности. Наибольшее количество мест в Госдуме заняли представители ЛДПР – 23%. «Демократический выбор» Е. Т. Гайдара получил только 15%, а КПРФ – 12,4%. На выборах 1995 г. у коммунистов оказалось 22%, у либерал-демократов – 11%. По словам госсекретаря У. Кристофера, это был «тревожный звоночек», характеризовавший риски и угрозы ельцинской России [4, с. 44–45].

В течение 1993–1995 гг. количество тех, кто воспринимал США как угрозу, увеличилось в Российской Федерации с 27% до 53% среди элит и с 26% до 44% в обществе [19, с. 110]. Конечно, влияние политических сил и общественности не имело решающего значения в принятии и реализации Б. Н. Ельциным внешнеполитических решений. Для него был характерен цезаристский стиль управления государством. Тем не менее порой Кремлю все же приходилось учитывать ситуацию внутри страны. Указанные тенденции привели к некоторому пересмотру внешнеполитической линии Российской Федерации. Кроме того, Запад не оправдал ожиданий российского руководства, которое все более стало убеждаться в том, что Вашингтон не собирается выстраивать равноправное партнерство с Москвой.

Уже в период так называемого «медового месяца» между Россией и США в российско-американских отношениях стали проявляться некоторые разногласия, которые с течением времени лишь усилились. Например, в Вашингтоне считали, что у Москвы не может быть своей сферы влияния в ближайшем зарубежье, а в России придерживались прямо противоположной точки зрения. Отстаивая ее, российский посол в США

В. П. Лукин в январе 1993 г. доказывал, что отношения между Россией и бывшими советскими республиками «должны считаться идентичными тем, что существуют между Нью-Йорком и Нью-Джерси» [4, с. 41]. В частности, уже в 1992 г. Вашингтон стал строить «козни» и искажать роль Москвы в миротворчестве на постсоветском пространстве – в Таджикистане, Закавказье [18, с. 264, 328]. Любые действия Российской Федерации, будь то в торгово-экономической или даже культурной области, расценивались американцами как проявление российского империализма, направленного на восстановление «нового СССР».

В начале 1994 г. даже А. В. Козырев рискнул заявить об «особых интересах» России на постсоветском пространстве. Хотя на практике активизации политики Москвы в СНГ тогда не последовало, его слова символизировали новую тенденцию: под давлением общественности российское руководство стало понимать необходимость модификации идейно-теоретической составляющей внешнеполитического курса страны. Несмотря на то, что Российская Федерация продолжала ориентироваться на Запад, теперь сотрудничество сопровождалось оговорками и попытками российской дипломатии сопроводить его выдвиганием своих условий [22, с. 14]. Правда, в марте 1994 г. У. Кристофер подчеркнул, что «США не признают за Россией права на любые действия в новых независимых государствах без согласования с ООН или другими международными органами и намерены твердо выступать против попыток принуждения оных со стороны Москвы» [18, с. 265]. Тем самым Соединенные Штаты намеревались «зацементировать результаты дезинтеграции» Советского Союза в целях расширения своего влияния на постсоветском пространстве [23, р. 42–43]. Поскольку Вашингтон не стремился считаться с интересами Москвы в регионе, это вело лишь к нарастанию российско-американских разногласий.

Следующей сферой противоречий были рынки вооружений. Здесь дело дошло до того, что даже А. В. Козырев жаловался на то, что Вашингтон не пускает Россию на мировые рынки оружия. Так, американцы блокировали закупки российского оружия Южной Кореи. К примеру, в 1993 г. Вашингтон заблокировал продажу Индии криогенных ракетных двигателей на сумму в 800 млн долл. [16, с. 85].

Американцам также не нравилось российско-иранское сотрудничество. В частности американской критике подвергался заключенный в 1992 г. договор Москвы и Тегерана о строительстве в Иране ядерного реактора [3, с. 81]. В том же 1992 г. в США был принят закон Гора – Маккейна, предусматривавший санкции против любого государства, поставляющего оружие странам, включенным в санкционный список. Однако

для России торговля с иранцами представляла большой финансовый интерес. В результате в 1995 г. Москва и Вашингтон заключили секретное соглашение, по которому Российской Федерации разрешалось завершить поставки оружия Тегерану по существующим контрактам. Со своей стороны Россия пообещала не заключать новых контрактов, а администрация Клинтона – не подвергать Российскую Федерацию санкциям за продажу оружия Ирану [24, с. 342].

Еще одним серьезным источником напряженности в российско-американских отношениях стал боснийский кризис. Вашингтон во всем обвинял сербов, Москва с подобным подходом не соглашалась. При этом в российском руководстве, даже в самом МИД, не было единства по балканской проблеме. Если А. В. Козырев в силу своих прозападных взглядов был готов поддерживать антисербскую позицию американцев, то, например, А. Л. Адамишин и Ю. М. Воронцов придерживались иного мнения [18, с. 363–364], хотя порой даже А. В. Козырев пытался перечить грубому нажиму Вашингтона на Москву по боснийской проблеме [3, с. 92–93]. Однако, несмотря на неприятие политики антисербских санкций, в конечном итоге российская сторона под давлением американцев приняла позицию Запада [18, с. 370]. Так, С. Тэлботт, курировавший российское направление политики США, в беседах с послом В. П. Лукиным связывал американскую помощь России и политику администрации Клинтона на российском направлении в целом с тем, как Москва поведет себя в вопросе об антисербских санкциях [18, с. 372]. А госсекретарь У. Кристофер предостерегал замминистра иностранных дел Российской Федерации Г. Э. Мамедова «от использования права вето при голосовании резолюции в Совете Безопасности, поскольку это нанесет ущерб российско-американским отношениям. В частности, это может усложнить усилия американской администрации по обеспечению поддержки в Конгрессе вопроса об оказании помощи России» [18, с. 373–374]. Тем самым американцы выбивали у Москвы уступки, по сути ограничиваясь лишь пустыми обещаниями финансовой помощи.

Осенью 1995 г. критика Б. Н. Ельциным двухнедельных по продолжительности натовских ударов по сербским позициям выглядела достаточно дежурной. Правда, Госдума по поводу действий НАТО негодовала всерьез [18, с. 408]. Как результат, Россия согласилась с планом Энса – Оуэна по созданию конфедерации в Боснии и Герцеговине [19, с. 93]. Конечно, полностью игнорировать позицию Российской Федерации США не могли. Так, Р. Холбрук, руководивший политикой Вашингтона на Балканах, отмечал, что в американских интересах разрешить русским, чувствующим себя на вторых ролях, участвовать наравне с американцами и европейцами в работе Контактной группы, поскольку таким образом

с ними можно будет легче договариваться [25, р. 117].

Серьезным раздражителем в российско-американских отношениях стали планы Запада по расширению НАТО на Восток. Они вызвали острое недовольство Москвы. Многие в России небезосновательно усмотрели в этом опасность и угрозу для национальной безопасности страны. Б. Н. Ельцин в беседах с Б. Клинтонем якобы говорил, что лично он не видит в НАТО никакой угрозы для Российской Федерации, но многие россияне, подверженные коммунистической пропаганде, думают иначе [20, р. 750]. Публично российский президент осуждал планы по расширению альянса. Однако с ослабевшей Россией Запад просто перестал считаться. В Вашингтоне было принято окончательное решение о расширении НАТО, хотя на протяжении нескольких лет данная проблема продолжала находиться в переговорной повестке Российской Федерации и США.

После начала войны в Чечне данная проблема также стала одним из противоречий в российско-американских отношениях. Вначале администрация Клинтона считала чеченский кризис «внутренним делом России», но весной 1995 г. ее позиция изменилась. Так, в конце марта У. Кристофер назвал войну в Чечне «безрассудной авантюрой» и «трагической ошибкой» Москвы [26, с. 148]. Одновременно Запад начал оказывать поддержку чеченским боевикам, которых там считали повстанцами, что вызывало раздражение в России.

Несмотря на нарастание противоречий в российско-американских отношениях, в первой половине 1990-х гг. Б. Н. Ельцин искренне верил всем заявлениям американского руководства и очень гордился дружбой с Б. Клинтонем. Он считал, что США пошли на установление равноправного партнерства с Россией. Президенту РФ очень льстило отношение к нему американцев. Вашингтон лицемерно использовал в своих интересах ельцинское честолюбие и склонность российского президента к выпивке [3, с. 79–80]. Лукавство и обман являются нормой для политической культуры Запада. Однако Б. Н. Ельцин не понимал, что на самом деле Вашингтон не собирался делиться властью с Москвой в новом миропорядке. Несмотря на ослабление страны, он считал, что США и Россия будут вдвоем управлять миром, а российско-американские отношения будут строиться на основе дружбы и сотрудничества.

К середине 1990-х гг. иллюзиям Б. Н. Ельцина о том, что России будет позволено стать равноправным партнером Соединенных Штатов, настал конец. Вместо того, чтобы принять Российскую Федерацию, стремившуюся установить партнерские отношения с Западом, в западное сообщество, допустить Москву к решению глобальных проблем, открыть свои рынки для российских товаров, Вашингтон требовал от российского

руководства выполнения всех требований и условий, следуя принципам Холодной войны [27, р. 43–44].

Неудивительно, что шаг за шагом в российско-американских отношениях стали усиливаться противоречия. То, что Россия не могла долго идти по зависимому от Запада пути, стало видно к середине 1990-х гг. и по выступлениям самого Б. Н. Ельцина, у которого, по справедливому замечанию А. К. Пушкова, не могло бесследно исчезнуть сверхдержавное мышление, присущее советскому человеку. Оно могло отступить на какое-то время, но не испариться полностью [16, с. 92]. У него возникло ощущение, что Запад начинает его ставить в невыгодные условия.

Именно в этом контексте в январе 1996 г. произошла замена главы МИД РФ. Б. Н. Ельцину стало очевидно, что А. В. Козырев дискредитировал себя в общественно-политических кругах страны как человек, идущий на поводу у американцев. В условиях противостояния с коммунистами и националистами, тем более с учетом грядущих президентских и парламентских выборов, ему требовался другой министр иностранных дел, и Е. М. Примаков, занимавший пост директора СВР, как нельзя лучше подходил на этот пост. Он считал, что отношения с США имеют важнейшее значение для Российской Федерации. Однако Москва не должна приносить в жертву партнерству с Вашингтоном свои национальные интересы. По его мнению, России нужно было сочетать политику сотрудничества и сдерживания Запада [19, с. 117]. При этом Е. М. Примаков не разделял убеждения сторонников сближения с США любой ценой в том, что альтернативой этому будет неизбежная конфронтация. По его мнению, необходимо «стремиться найти такие решения, которые, с одной стороны, обеспечивают жизненно важные для России интересы и – с другой – не приводят к соскальзыванию к конфронтации» [28, с. 193–194]. Уже на первой пресс-конференции, комментируя свое видение развития российско-американских отношений, Е. М. Примаков отметил, что они должны строиться на основе равноправия и взаимоуважения сторонами друг друга [28, с. 200]. При этом он исходил из того, что определяющей фигурой в выработке и реализации внешнеполитического курса страны был президент [28, с. 197].

Одним из первых вопросов, которым пришлось заняться Е. М. Примакову после вступления в должность министра, стала проблема расширения НАТО на Восток. Новый министр придерживался негативной точки зрения на этот счет, но считал, что необходимо стремиться к минимизации последствий процесса расширения [28, с. 221]. Правда, переговоры с У. Кристофером в Хельсинки в феврале и в Джакарте в июле 1996 г. свидетельствовали о том, что Вашингтон не собирався особо считаться с Москвой

при осуществлении планов по расширению альянса на Восток [28, с. 219, 224]. Тем не менее глава МИД считал, что Российская Федерация должна была переключиться с сопротивления этому процессу на адаптацию к нему [19, с. 126].

Линия Е. М. Примакова по отстаиванию национальных интересов Российской Федерации на мировой арене вела к ухудшению российско-американских отношений. Американцам не понравилось, что Москва перестала беспрекословно выполнять указания из Вашингтона. Тем не менее, несмотря на нарастание противоречий, летом 1996 г. в непростых для себя внутривнутриполитических условиях Б. Н. Ельцин получил американскую поддержку, позволившую ему одержать победу на президентских выборах над Г. А. Зюгановым. Американцы не могли допустить, чтобы коммунисты вновь пришли к власти в России. Поэтому в Москву в неофициальном статусе прибыли западные политтехнологи. Конечно, на официальном уровне Вашингтон заявлял о том, что будет работать с любым российским руководством, готовым продолжать демократические реформы в стране. Однако понятно, что симпатии администрации Клинтона были на стороне действующего президента РФ.

Переизбравшись на второй срок, Б. Н. Ельцин не отказался от политики уступок американцам, руководствуясь личными представлениями о построении российско-американских отношений. Тем самым своими действиями он часто сводил на нет все усилия Е. М. Примакова по отстаиванию национальных интересов страны.

Таким образом, внешнеполитический курс России в отношении США в 1991–1996 гг. можно объяснить рядом объективных и субъективных причин. В период первого президентства Б. Н. Ельцина страна находилась в ослабленном состоянии. Сохранив внешние атрибуты великой державы в качестве правопреемницы СССР, Россия оказалась в серьезном кризисе. Испытывая финансово-экономические трудности, российское руководство нуждалось в помощи Запада, прежде всего США. При этом Москва рассчитывала на установление равноправных отношений с Вашингтоном. В основе внешней политики страны лежало доверие к Соединенным Штатам. В 1991–1993 гг. для большинства представителей российской политической элиты и общественности был характерен романтический идеализм, обусловленный неоправданными иллюзиями относительно возможностей скорого построения равноправного стратегического партнерства с США.

Сам Б. Н. Ельцин позиционировал себя на Западе в качестве «реформатора и демократа», противостоящего националистам и коммунистам. Ради поддержания искусственной популярности на международной арене он делал серьезные внешнеполитические уступки, сдавая позиции России в мире. Как правило, по ключевым проблемам двусторонней и мировой повестки рос-

сийская сторона в конечном итоге шла навстречу американским партнерам. Во многом это объяснялось представлениями президента страны и его окружения относительно выстраивания отношений с США.

Однако внешнеполитическая линия Б. Н. Ельцина на сближение с Западом не увенчалась успехом. В условиях серьезного ослабления России его великодержавные амбиции не воспринимались Вашингтоном всерьез. Стратегические уступки американцам на международной арене и следование американским рекомендациям во внутренних делах лишь усилили антиамериканские настроения в стране, которые привели к дальнейшему усилению противоречий между РФ и США.

Список литературы

1. *Голдгейер Дж., Макфол М.* Цель и средства. Политика США в отношении России после «Холодной войны». М. : Международные отношения, 2009. 520 с.
2. *Бешлосс М. Р., Тэлботт С.* На самом высоком уровне. Закулисная история окончания «Холодной войны». М. : АО «Все для вас», 1994. 398 с.
3. *Тэлботт С.* Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М. : Издательский дом «Городец», 2003. 528 с.
4. *Стент А.* Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 464 с.
5. *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М. : Вагриус, 1996. 365 с.
6. *Kalb M.* The Nixon Memo: Political Respectability, Russia, and the Press. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1994. X+248 p.
7. *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М. : Международные отношения, 2004. 502 с.
8. *Барсенков А. С.* Внешняя политика России на начальном этапе становления новой государственности (1991–1993) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 75–105.
9. Кэмп-Дэвидская декларация Президента Буша и Президента Ельцина о новых отношениях // Дипломатический вестник. 1992. № 4–5. Спецвыпуск. С. 12.
10. *Шенин С. Ю.* Возвращение в Россию: Стратегия и политика американской помощи (1990-е гг.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. 384 с.
11. *Baker J. A., Defrank T. M.* The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992. New York : G. P. Putman's Sons, 1995. XVI+687 p.
12. *Шаклеина Т. А.* Россия и США в современных международных отношениях. М. : Аспект Пресс, 2022. 448 с.
13. Хартия российско-американского партнерства и дружбы. 17 июня 1992 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1990–1992 / ред. : Л. И. Гецелевич. М. : Международные отношения, 1996. С. 431–437.
14. Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018 : учебное пособие для вузов / А. Д. Богатуров [и др.] ; под ред. А. Д. Богатунова ; 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 362 с.
15. Выступление президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США в Вашингтоне. 17 июня 1992 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1993 : в 2 кн. Кн. 1 : Январь – май / Министерство иностранных дел Российской Федерации / гл. ред. В. Д. Средин. М. : Международные отношения, 2000. С. 426–431.
16. *Лушков А. К.* Глобальные шахматы. Русская партия. М. : Эксмо, 2018. 352 с.
17. «Я – не первый воин, не последний...» К 80-летию В. П. Лукина : в 3 кн. / под ред. А. Д. Дикарева и А. В. Лукина. М. : Весь Мир, 2018. Кн. первая. 592 с.
18. *Адамишин А. Л.* В разные годы. Внешнеполитические очерки. М. : Весь Мир, 2016. 448 с.
19. *Цыганков А. П.* Внешняя политика России от Горбачева до Путина. Формирование национального интереса. М. : Научная книга, 2008. 272 с.
20. *Clinton B. J.* My Life. New York : Alfred A. Knopf, 2004. XII+957 p.
21. Ванкуверская декларация. 4 апреля 1993 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1993 : в 2 кн. Кн. 1 : Январь – май / Министерство иностранных дел Российской Федерации / гл. ред. В. Д. Средин. М. : Международные отношения, 2000. С. 417–420.
22. *Богатуров А., Лебедева О., Бобров А.* Эволюция доктринальных основ внешней политики России // Международная жизнь. 2022. № 2. С. 8–25.
23. *Simes D. K.* Losing Russia. The Costs of Renewed Confrontation // Foreign Affairs. 2007. November / December. Vol. 86, № 6. P. 36–52.
24. *Млечин Л.* Секреты российской дипломатии. От Громыко до Лаврова. М. : АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2020. 608 с.
25. *Holbrooke R.* To End a War. New York : Random House, 1998. XX+408 p.
26. *Бёрнс У.* Невидимая сила. Как работает американская дипломатия. М. : Альпина Паблишер, 2020. 688 с.
27. *Maynes Ch. W.* Bottom-Up Foreign Policy // Foreign Policy. 1996. № 104. P. 35–53.
28. *Примаков Е. М.* Встречи на перекрестках. М. : Центрполиграф, 2015. 607 с.

Поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 88–97
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 88–97
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-88-97>, EDN: SJQEMK

Научная статья
УДК 327(470+571+73+5-15)

Восточное Средиземноморье и сирийский вопрос во внешнеполитических приоритетах России и США

Р. Ш. Мамедов

Институт востоковедения РАН, Россия, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Мамедов Руслан Шакирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, rshmamedov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9783-5500>, AuthorID: 921912

Аннотация. Исследовательский интерес к Восточному Средиземноморью сохраняется у российских и зарубежных специалистов как ввиду энергетического потенциала региона, так и нерешенных вопросов безопасности. В данной статье рассматривается роль глобальных держав – России и США – в районе Восточного Средиземноморья с точки зрения теории комплекса региональной безопасности. Предпринята попытка определить интересы и приоритеты Москвы и Вашингтона на базе анализа доктринальных установок обоих государств в выделяемом субкомплексе. Анализируются подходы двух стран к сирийскому вопросу. Показана подчиненность «сирийского портфеля» политике России и США по другим вопросам, как и эволюция курса глобальных держав к этому ключевому для мировой политики кризису. Несмотря на стратегическое стремление стабилизации региона и выхода из региональных конфликтов, Россия и США сохраняют интересы, которые будут требовать их, пусть и ограниченного, присутствия. Обозначено влияние государств других субкомплексов региональной безопасности Ближнего Востока, в первую очередь, Персидского залива, на Левант и – шире – мезорайон Восточного Средиземноморья, как и в целом растущее значение региональных держав.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, комплекс региональной безопасности, Россия, США, сирийский кризис, региональные и глобальные державы

Для цитирования: Мамедов Р. Ш. Восточное Средиземноморье и сирийский вопрос во внешнеполитических приоритетах России и США // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 88–97. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-88-97>, EDN: SJQEMK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Eastern Mediterranean and the Syrian issue in the foreign policy priorities of Russia and the United States

R. Sh. Mamedov

Institute of Oriental Studies RAS, 12 Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russia

Ruslan Sh. Mamedov, rshmamedov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9783-5500>, AuthorID: 921912

Abstract. Russian and foreign specialists continue to maintain their research interest in the Eastern Mediterranean, both in view of the energy potential of the region as well as unresolved security issues. This article considers the role of global powers – Russia and the United States – in the Eastern Mediterranean from the point of view of the theory of the regional security complex. An attempt was made to determine the interests and priorities of Moscow and Washington on the basis of an analysis of the doctrinal approaches of both states in the identified subcomplex. Approaches of the two states to the Syrian issue were analyzed as well. The subordination of the “Syrian portfolio” to other policy issues of Russia and the United States is shown, as well as global powers’ policy evolution towards this key crisis for world politics. Despite the strategic desire to stabilize the region and exit from regional conflicts, Russia and the United States retain interests that will require their presence, albeit limited. The article indicates the influence of the states of other sub-complexes of the Middle East regional security, primarily the Persian Gulf, on the Levant and, more broadly, the mesoregion of the Eastern Mediterranean, as well as the growing weight of regional powers in general.

Keywords: Eastern Mediterranean, regional security complex, Russia, USA, Syrian crisis, regional and global powers

For citation: Mamedov R. Sh. Eastern Mediterranean and the Syrian issue in the foreign policy priorities of Russia and the United States. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 88–97 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-88-97>, EDN: SJQEMK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Восточное Средиземноморье не зря считается одним из потенциально наиболее опасных регионов мира [1, с. 104]. Регион обладает стратегическим значением как с точки зрения безопасности, так и с точки зрения экономики. Будучи логистически значимым центром, через который проходят важные торгово-экономические пути, для ряда крупных региональных и внерегиональных держав регион имеет кластер нерешенных проблем безопасности, в том числе территориальных. Представляется актуальным исследование эволюции подходов России и США к Восточному Средиземноморью, а также роли и влияния сирийского конфликта на безопасность в регионе.

Находясь в рамках теории комплекса региональной безопасности (ТКРБ) Б. Бузана и О. Вэвера [2, р. 6], можно отметить, что комплекс безопасности субрегиона Леванта имеет конфликтный потенциал и в нем практически отсутствует режим безопасности (такое мнение можно найти также в исследованиях о пограничном и пересекающемся с этим субрегионом Северо-Восточной Африки [3, с. 80]). Из трех вариантов комплекса региональной безопасности (КРБ) по Б. Бузану и О. Вэверу – стандартный КРБ, система коллективной безопасности и сообщества безопасности – левантийский регион как подкомплекс [4, с. 7] безопасности Ближнего Востока определенно представляет собой стандартный КРБ [5, р. 17]. В контексте ТКРБ именно географическая близость определяет приоритет регионального уровня над глобальным, поскольку в вопросах безопасности дистанция имеет значение. В этом плане глобальный уровень, представленный сверхдержавами, может проникать (penetrate) в региональный, но делает это в рамках уже существующих паттернов региональных отношений (моделей «дружбы-вражды») внутри КРБ.

По Б. Бузану и О. Вэверу Ближний Восток состоит из трех субрегионов – Магриба, Леванта и Залива. Тем не менее можно поднять вопрос не только о субрегионах, но и положении мезорайонов в рамках более крупных региональных образований. Восточное Средиземноморье, по мнению автора данной работы, представляет собой мезорайон, ставший актуальным в эпоху региональных трансформаций мегарайона. Сама эта региональная трансформация возможна, поскольку «мегарайон (как, например, Ближний Восток. – Р. М.) уже не генерирует центростремительные импульсы, необходимые для поддержания целостности системы своей территории», что также совпадает «...с влиянием внешних факторов» [6, с. 30]. В этом плане субрегион Леванта ввиду экономического, политического, географического и иных факторов все более включается в мезорайон Восточного Средиземноморья. Такой взгляд на проблему предполагает исследование комплекса безопасности Леванта

(как и Ближнего Востока) через призму мезорайона Восточного Средиземноморья ввиду современных реалий международной повестки дня. Как было упомянуто, в мегарайоне Ближнего Востока центростремительные силы уступают центростремительным, отчего возникают брожение и усиление значимости мезорайонов (чьи границы не всегда удается определить, но в этом и вся суть – обозначается процесс, а не конкретные границы). Мезорайон Восточного Средиземноморья включает в себя Левант – один из субрегионов КРБ Ближнего Востока – но и простирается за его пределы. Именно в этом контексте пересечения пространств и вписанности в мегарайон как процесса постоянных изменений автор определяет Восточное Средиземноморье.

Несмотря на то, что теория КРБ предполагает примат региональной динамики над действиями глобальной силы, перед ней встает уточняющий методологический момент. Б. Бузан и О. Вэвер убеждают в том, что глобальная сила – сверхдержава в лице США и другие великие державы (1+4) – в целом не могут изменить региональные паттерны. На примере рассматриваемого региона стоит отметить, что ближневосточный КРБ стал жертвой интереса и одностороннего доминирования США [7, р. 160]. Проникновение сверхдержавы США в регион смогло переиначить модель и паттерны поведения региональных сил, что стало очевидным особенно в результате войны в Заливе и свержения режима С. Хусейна в Ираке в 2003 г. Как отмечается, «ИГИЛ не смогло бы расширяться без распада государственных институтов и углубления межобщинного раскола, который десятилетиями подвергал износу социальную ткань арабских стран Плодородного полумесяца» [8, р. 51]. Такое вмешательство США, пиком которого стало вторжение в Ирак, довершило процесс перехода к новому региональному порядку как в Персидском заливе, так и в Восточном Средиземноморье, где американцы сохраняли свои интересы в укреплении и возвышении Израиля, изоляции Ирака и Ирана, поддержании инфраструктуры НАТО и контроля над морскими путями, важными для мировых энергетических потоков. Тем не менее уже в 2015–2020 гг. наметились ограничители политики США в регионе, как и желание перебалансировать (rebalance) свою внешнюю политику в сторону более приоритетного Азиатско-Тихоокеанского региона; в свою очередь, возросла роль региональных держав, начавших активнее влиять на КРБ Ближнего Востока.

В рамках рассматриваемой теории российский КРБ определяется как геополитическая зона и легитимная сфера влияния, необходимая Москве для ее национальной безопасности [9, р. 198]. Эта зона включает территории современной Российской Федерации, Центральной Азии и Восточной Европы, что означает, что Ближний Восток исторически не формировал

часть российского КРБ. Тем не менее Россия имела постоянные контакты с регионом (ввиду конфронтации с Османской и Персидской империями, затем – поддержка СССР борьбы ряда ближневосточных народов против западного колониализма, как и установления устойчивых отношений между Москвой и ближневосточными столицами в биполярный период) [9, р. 198]. В этом плане Россия как глобальная сила также проникала (penetrate) – особенно с 2015 г. – в регион и заняла место одного из влиятельных игроков в Восточном Средиземноморье, что не должно рассматриваться «неожиданным».

Доктрины, интересы и политика России и США в Восточном Средиземноморье

Российская морская политика в Средиземноморье доктринально стала частью политики Москвы на атлантическом направлении. Предлагавшиеся в середине 1990-х гг. идеи по продвижению концепции «Большого Средиземноморья» – партнерского сотрудничества государств Черноморского и Средиземноморского бассейнов – так и не нашли своего воплощения в деле строительства системы безопасности, создания Совещания по безопасности в Большом Средиземноморье и т. п. В то же время во многом российская политика на атлантическом направлении была сформирована в ответ на деятельность НАТО, строительство Альянсом военной инфраструктуры и его приближение к границам Российской Федерации, а также несовершенство механизмов безопасности в Средиземном и Черном морях. В морской доктрине РФ от 2015 г. (п. 58) среди основных направлений работы на средиземноморском направлении назывались: «а) проведение целенаправленного курса на превращение региона в зону военно-политической стабильности и добрососедства; б) обеспечение достаточного военно-морского присутствия Российской Федерации в регионе на постоянной основе; в) развитие круизного судоходства из портов Крыма и Краснодарского края в страны Средиземноморского бассейна» [10, с. 23].

С началом военной операции России в сентябре 2015 г. на стороне сирийских правительственных сил в Сирии для борьбы с террористическими организациями началось наращивание российской военно-морской группировки в Восточном Средиземноморье. Согласно Указу Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года» среди основных задач военно-морской деятельности прямо называется «обеспечение постоянного военно-морского присутствия Российской Федерации в Средиземном море и других стратегически важных районах Мирового океана, в том числе в районах прохождения основных морских

транспортных коммуникаций» [11, с. 15]. Такое упоминание Средиземного моря в «Основах...» стало логичным закреплением промежуточных итогов российского присутствия в Сирии, где были успешно выполнены ряд ставившихся перед началом военной операции задач. Если говорить о Восточном Средиземноморье в ближневосточном контексте, то, как считают А. В. Крылов и Н. З. Шуминов, «основная цель российской стратегии – повысить статус России и закрепить за ней роль значительной внешней силы в одном из самых нестабильных регионов мира» [12, р. 82]. Для многих это означало «возвращение России в регион», поскольку Москва имела крепкие позиции в Средиземноморье в советский период, позднее минимизировав, однако, свое присутствие после распада СССР (Средиземноморская флотилия была распущена 31 декабря 1992 г.). Напротив, 6-й флот США в 1990-е гг. расширил географию своих действий, включив Гвинейский залив в Средиземное море и прилегающие воды Атлантики [13, с. 111]. В Концепции внешней политики от 2023 г. сирийской тематике уделено место в контексте приоритетного отношения России к «сглаживанию противоречий и нормализации» между «Сирийской Арабской Республикой и ее соседями» [14].

Если говорить о драйверах американской политики, то, во-первых, США заинтересованы в Средиземноморье как в элементе европейской безопасности. Во многом такой подход американцев наиболее востребован рядом европейских союзников США по НАТО, которые видят угрозы своей безопасности с юга (вопросы миграции, терроризма, потенциальных ударов баллистических ракет и т. д.), но при этом (что касается в первую очередь ситуации с разногласиями внутри НАТО) не желают вкладывать свои ресурсы в поддержание собственных сил [15, с. 28]. Стоит упомянуть, что существовавшие до того «большие ожидания, возложенные на евросредиземноморское партнерство, не оправдались. События, произошедшие в арабском мире, вызвали волны революций и гражданских конфликтов, что еще раз продемонстрировало противоречивость той политики, которую проводил ЕС в течение последних десятилетий» [16, с. 105]. Можно дополнить это мнение тем, что средиземноморская политика ЕС входила в противоречие с планами отдельных сил в США, которые стремились не допустить развития эффективных интеграционных процессов между севером и югом Средиземноморья (в противном случае, значение США для политики европейских, как и североафриканских, государств снижалось).

Во-вторых, особое значение Средиземноморья для США заключается в том, что этот район остается путем к другим стратегически и критически важным регионам. Возможность перемещать 6-й флот (оперативный флот американских военно-морских сил, дислоцирующийся

в Средиземном море) через Суэцкий канал, двигать различные материальные и людские ресурсы между Атлантикой и Персидским заливом, а также Индийским океаном сохраняет свою актуальность. В-третьих, США поддерживают свое присутствие в регионе ввиду необходимости предупреждения и преодоления последствий множественности его кризисов и конфликтов [17, р. 7]. Но формирующаяся американская политика в Средиземноморье нашла свое уточнение и по другим вопросам.

В конце 2019 г. в Конгрессе США прошел законопроект «Закон о безопасности и энергетическом партнерстве в Восточном Средиземноморье от 2019 г.» (US Congress S1102 2019–2020 Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act of 2019), подготовленный представителями Республиканской и Демократической партий Марко Рубио и Бобом Менендесом. Законопроект направлен в основном на поддержку энергетических инициатив Израиля, Кипра и Греции в их стремлении создать новые и альтернативные маршруты поставок газа в Европу. Но что представляется важным в контексте конкуренции и безопасности в Восточном Средиземноморье – это стремление ограничить возможности других внешних сил, в первую очередь, России. Для раскрытия данного момента можно выделить согласно документу одно из положений американской политики (среди прочих): «Поддерживать усилия по противодействию вмешательству и влиянию Российской Федерации в Восточном Средиземноморье посредством расширения сотрудничества в области безопасности с Грецией, Кипром и Израилем, включая обмен разведывательными данными, взаимную осведомленность о ситуациях в киберпространстве и морской сфере» [18, р. 42]. Однако американские сенаторы идут дальше, требуя «полностью реализовать соответствующие положения СААТSA (О противостоянии противникам Америки посредством санкций (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act). – Р. М.) для предотвращения вмешательства Российской Федерации в регион», а также недопущения в регион оружия российского производства (особенно американцев беспокоят поставки систем С-400 в Турцию). Таким образом, сенаторы обозначили в предвыборный период задачи для администрации президента США – вне зависимости от результатов выборов – по комплексной работе в Восточном Средиземноморье, одновременно поставив во главу угла противодействие сотрудничеству России и стран региона, в первую очередь, в сфере энергетики и поставок российских вооружений.

В декабре 2020 г. Министерство обороны США представило новую военно-морскую стратегию «Преимущество на море: превосходство объединенной всесферной морской мощи» (Advantage at Sea; Prevailing with Integrated

All-Domain Naval Power), которая заменила предыдущую «Коллективную стратегию достижения морского могущества в XXI веке» от 2007 г. (A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower) [19, р. 48]. «Коллективная стратегия» от 2007 г. уже содержала отход от агрессивных позиций американцев в начале 2000-х гг. Она стала исторически значимым для США событием, поскольку, по мнению американских специалистов, главы ВМС США, Корпуса морской пехоты и береговой охраны до того не формировали объединенную морскую стратегию, интегрирующую морскую мощь с другими элементами национальной мощи, включая возможности американских «друзей и союзников» [20, р. 8]. Уже к концу 2000-х гг. американцы приняли Оперативную концепцию ВМС, которая констатировала, как отмечает П. Тебин, «невозможность глобального неоспариваемого господства на море, идея которого просуществовала фактически более 15 лет» [21, с. 171]. Тем интереснее, что в стратегию «Преимущество на море» 2020 г. возвращается более жесткая риторика, а также обозначаются конкретные противники, чего не было в предыдущей стратегии. Основными противниками в документе называются модернизирующие свои военно-морские силы Россия и Китай. Причем долгосрочным противником американские военные называют Китай. Документ признает, что конкуренция за ресурсы ведет к напряженности и конфликтам, что актуально в условиях найденных крупных месторождений в Восточном Средиземноморье (субрегион нигде прямо не упоминается в документе). Сирия в морской стратегии США называется только в контексте примера «ревизионистской политики» России: «кампания (России. – Р. М.) по восстановлению стратегической глубины послужила причиной агрессии РФ в Украине и Грузии, а также ее интервенции в Сирии» [22, р. 5].

Американские аналитические центры уделяют особое внимание российским действиям на Черном море и в Восточном Средиземноморье. Согласно предисловию доклада RAND Corporation от 2020 г. «Черноморский регион является плацдармом, а турецкие проливы – воротами для проецирования российской военной мощи в Восточное Средиземноморье и Левант» [23, р. 5]. Однако верно и другое: для США в Восточном Средиземноморье, помимо безопасности Израиля и обозначенных выше драйверов американской политики, принципиальна поддержка инфраструктуры НАТО. Последнее обретает значение ввиду того, что Восточное Средиземноморье может рассматриваться американцами, среди прочего, как ворота НАТО в Черное море. Основная цель Североатлантического альянса в этом случае – поддержать своих черноморских союзников и реализовать стратегию «сдерживания» России [23, р. 12]. Однако даже на этом пути

США сталкиваются с рядом тормозящих факторов. Во-первых, режим проливов и конвенция Монтрё от 1936 г. ограничивают срок присутствия и тоннаж военных кораблей, не входящих в число причерноморских государств. Во-вторых, причерноморские государства-члены НАТО не едины в политике необходимости «сдерживания» России и обладают собственным видением, подходами и амбициями. Так, Турция предпочитает выходить на двусторонние договоренности и понимание с Россией, сохраняя свое значимое положение в регионе (несмотря на попытки Турции ужесточить режим прохода через проливы пока что для гражданских судов [24, с. 43]). В-третьих, в течение последних лет Россия проводит масштабное укрепление своих позиций в Черном море, постоянно наращивая военный потенциал, что сводит к минимуму эффективность планируемых и потенциально принимаемых действий НАТО в регионе.

Россия, США и сирийское урегулирование

Для России выход через проливы Босфор и Дарданеллы в Средиземное море – критически важный морской торговый путь в Мировой океан, где в том числе требуется решение задач по обеспечению безопасности российских интересов. Последнее не должно считаться Москвой или другими столицами чем-то новым: в советские годы в Средиземноморье активно присутствовала 5-я Средиземноморская эскадра (позднее – 5-я оперативная флотилия кораблей). В 2013 г. было сформировано и подчинено Командующему Черноморским флотом Постоянное оперативное соединение ВМФ России на Средиземном море. Ряд вызовов и угроз безопасности, включая разрастание терроризма в сирийско-иракской кризисной зоне (распространение террористической организации «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГИЛ, запрещена в РФ)), сложная обстановка на Ближнем Востоке требовали ответа России. После официального обращения президента Сирийской Арабской Республики в сентябре 2015 г. Россия начала военную операцию. Отметим, что прямое российское участие в борьбе против терроризма кардинальным образом повлияло на вектор развития сирийского конфликта.

С 2015 г. при поддержке Москвы и своих региональных союзников сирийское правительство одержало ряд значимых военно-политических побед. Этого удалось достигнуть благодаря, с одной стороны, размыванию интересов региональных и глобальных сил вокруг этой войны (они все более тяготели к дистанцированию от этого зашедшего в тупик конфликта); а с другой – умелому сочетанию и применению Москвой военных и дипломатических методов. Такой подход принес ощутимые дивиденды России, чье присутствие оказало решающее влияние

на ход событий, в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также повлияло на баланс сил в Восточном Средиземноморье.

В российском подходе изначально присутствовала попытка применения глобального компонента к урегулированию конфликта в Сирии – переговоры министров иностранных дел России и США С. В. Лаврова и Дж. Керри соответственно. Успехом в российско-американском взаимодействии по Сирии к тому моменту можно назвать договоренности по вывозу химического оружия из этой страны в 2013 г., а также создание механизма деконфликтации в небе над Сирией. Однако позднее вскрылись проблемы в процессе реализации решений, достигнутых американцами и их региональными союзниками, как и неспособность США добиться размежевания сирийской вооруженной оппозиции и террористических группировок.

Россия перешла от взаимодействия с Вашингтоном к совместной работе с влиятельными региональными державами, что привело к образованию Астанинского переговорного формата (сопредседатели – Россия, Иран, Турция). Он был призван решать технические вопросы примирения враждующих сторон «на земле», поддержать, а не заменить женевские межсирийские переговоры по политическому урегулированию, как на то указывали многие западные эксперты. Как отмечает М. С. Ходынская-Голенищева, «работа с силами «на земле» страховалась контактами со спонсорами тех или иных формирований, которым – в отличие от США – внутривнутриполитическая ситуация позволяла идти на уступки или размены» [25]. Действительно, были созданы и трансформированы временные зоны деэскалации [26]; снизился уровень насилия в стране (чему помогло также взаимодействие и переговоры с племенными структурами [27, с. 50]). Стороны пришли к необходимости создания сирийского конституционного комитета в результате работы Конгресса национального диалога в Сочи. Его итогом стало образование конституционного комитета, который ведет работу в Женеве, однако здесь начались сложности для российской и сирийской дипломатий. Деятельность комитета до сих пор не принесла существенных результатов: параметры новой сирийской конституции не согласованы, правительство и оппозиция далеки от согласия по поводу государственного устройства, будущих выборов, не выполняются положения резолюции Совета безопасности ООН 2254 и т. д. В этой связи к 2023 г. дипломаты снова заговорили о необходимости активизации «Астанинского формата» (который также оказался если не «заморожен», то менее активен, чем в предыдущие годы). 10 мая 2023 г. прошла встреча глав МИД России, Ирана, Турции и Сирии, а позднее 19 мая состоялся 32-й саммит Лиги арабских государств, на который впервые за 12 лет был приглашен президент

Сирии Б. Асад. Конечно, это свидетельствует о стратегии Дамаска получить региональное признание своих соседей, что в том числе является приоритетом для российской внешней политики.

США сохраняют влияние на происходящие в Сирии события. Стоит проследить место «сирийской политики» США в подходах Вашингтона к региону в целом. В 2011 г. после жестких разгонов демонстраций сирийскими службами безопасности и в связи с нарастанием напряженности конфликта администрация президента США Б. Обамы заявила о необходимости оставить президентом Сирии Б. Асадом свой пост ввиду утери, по ее мнению, им легитимности. Кроме того, были введены дополнительные санкции против Сирии [28, с. 18]. Тем не менее американский внешнеполитический истеблишмент при Б. Обаме не желал прямого военного вмешательства США в сирийский конфликт, что объяснялось двумя факторами – отсутствием четко сформулированных американских интересов в Сирии (как следствие, Сирия не стала приоритетом для Вашингтона) и памятью о неудачах совсем недавнего подобного вмешательства в Ираке и Ливии. Поэтому США воспользовались предложением России о вывозе химического оружия из Сирии в 2013 г., что позволило Б. Обаме объявить об активной работе на данном направлении в условиях, когда все жестче звучали призывы региональных партнеров и союзников США. Конфликт выходил за рамки одной страны. Сирийские беженцы направлялись сотнями тысяч в соседние Ливан, Турцию, Иорданию, Ирак. Сирийский конфликт оказал влияние на внутреннюю жизнь ряда стран – американских партнеров и союзников как в регионе Ближнего Востока, так и в Европе.

Многое изменилось в 2014 г. Образование и распространение террористической организации ИГИЛ, переход под ее контроль ряда сирийских и иракских городов, включая Мосул, уже напрямую задевали интересы США. Американцы создали Глобальную коалицию по борьбе с ИГИЛ, куда вошли десятки государств мира. Это вписывалось в американскую политику опоры и взаимодействия с региональными и глобальными союзниками и партнерами при Б. Обаме. Но стоит сразу отметить, что приоритетом для США декларировалась борьба с ИГИЛ, а не вмешательство в сирийский конфликт. Таким образом, особая «сирийская политика» США с прямым американским вмешательством сформирована не была.

Американцы оказывали поддержку группировкам вооруженной сирийской оппозиции и иракскому правительству. Но все более вырисовывались очертания американского подхода к борьбе с ИГИЛ, предполагавшие взаимодействие с курдскими вооруженными формированиями. В то время как стал очевидным

провал попыток США образовать подконтрольные им сирийские оппозиционные группы [29] (саудовцы, катарцы и турки действовали куда более умело в этом вопросе), американцам удалось закрепиться в Сирии за счет курдов. Несмотря на то, что такой подход таил в себе множество рисков, включая ухудшение отношений как с арабами, так и с турками, он принес американцам свои дивиденды. При поддержке США с воздуха и координации на земле курдскими Силам народной самообороны (позднее – Сирийским демократическим силам, инфильтрированным бойцами Рабочей партии Курдистана) удалось подавить группировки ИГИЛ в Сирии (одновременно с этим при участии США успешно развивались боевые действия против ИГИЛ в Ираке). Но самое главное – такой политикой и силами «на земле» американцы укрепили значимость своих позиций в любых будущих глобальных договоренностях по Сирии.

Контролируемая курдами при помощи США территория на северо-востоке страны богата наиболее значимыми залежами нефти (как, например, месторождение «аль-Омар»), основными сельскохозяйственными районами (пшеница и т. д.). Попытки Москвы включить курдов в переговорный процесс политического урегулирования натываются в первую очередь на непримиримую позицию не только самого Дамаска, но и других оппозиционных групп. В этих условиях курды предпочитают оставаться под зонтиком безопасности США. Интересна позиция самого Вашингтона уже при президенте Д. Трампе. Во многом она была подчинена стремлению последнего выходить из конфликтов и, что стало наиболее примечательным, политике «максимального давления» на Иран. Последнее тем не менее было использовано чиновниками американской администрации для того, чтобы оправдать присутствие в Сирии. Когда Д. Трамп объявил о частичном выходе из Сирии, это было встречено критикой в Сенате США. Курды посчитали такое решение «ударом в спину», тогда как турки начали военную операцию, остановленную в том числе самими скорректировавшими линию президента членами администрации. Последующая стратегия американцев, по словам спецпосланника США по Сирии Джеймса Джеффри, исходила из желания устроить «трясину» для России в Сирии (но и, очевидно, для Ирана). США ввели против Сирии новые, утвержденные конгрессом США, так называемые санкции Цезаря (Caesar Syria Civilian Protection Act), которые теперь обрели экстерриториальный характер. Вкупе с банковским кризисом в Ливане это подрывало сирийскую экономику. Кроме того, декларируемым приоритетом сохранялась борьба с ИГИЛ: это позволило Д. Трампу оправдать сохранение части своих сил для «охраны сирийской нефти» от террористов.

Взаимовлияние региональной динамики и внешнего участия в Восточном Средиземноморье как подкомплексе РКБ Ближнего Востока

Само сирийское урегулирование столкнулось с проблемой взаимовлияния региональной динамики и проникновения глобальных игроков. Как отмечает Рут Ганау Сантини, «подкомплекс Персидского залива (один из трех на Ближнем Востоке. – Р. М.) продемонстрировал беспрецедентную способность влиять на динамику безопасности в Леванте (Сирия, Ливан, Египет) и Магрибе (Ливия и в меньшей степени Марокко и Тунис), вовлекая региональных неарабских игроков (Турция) и международные державы (Россия, США и нескольких европейских стран) в региональные опосредованные войны, особенно в Сирии...» [30, р. 103]. В этом плане наблюдалось два параллельных процесса – подчинение сирийского портфеля другим приоритетам Москвы и Вашингтона, а также влияние позиций региональных держав на принятие решений в Москве и Вашингтоне. Так, например, для Вашингтона формулирование подходов к сирийскому урегулированию испытывало зависимость от политики США в отношении Ирана (по СВПД) или борьбы с терроризмом (в первую очередь, в Ираке). С другой стороны, лоббистская деятельность региональных игроков и даже американских прокси (имеем в виду курдских союзников США) замедлили процесс вывода американского контингента из Сирии (а внутриполитическая динамика развернула его вспять). Все это добавляет аргументов в пользу того, чтобы американцы сохраняли, по их убеждению, контроль над ситуацией в Сирии, несмотря на постоянное давление и обвинения со стороны официального Дамаска и его союзников в незаконной оккупации сирийских территорий.

С приходом администрации Дж. Байдена в 2021 г., как и предполагалось, Сирия не вошла в список приоритетов США, несмотря на то, что союзники по «Глобальной коалиции» продолжают получать поддержку американцев. Однако влияние на ситуацию в Сирии может оказать политика Вашингтона, что действительно значимо в отношении Ирана и его «ядерной программы». В случае если Вашингтон, Тегеран и другие участники по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) найдут пути взаимодействия и это принесет ощутимый результат, сирийский вопрос обретет новую динамику. Проблема еще и в том, что милитаризация Ирана и его «ядерная» программа – приоритет не только для США, но и для американских союзников и региональных держав, таких как Саудовская Аравия и Израиль. Во многом ими приветствовалась политика «максимального давления» Д. Трампа, и региональные силы своими действиями старались не допустить скорого согласования

и разрешения проблем между Вашингтоном и Тегераном при Дж. Байдене.

Активизация российской политики на Ближнем Востоке в 2015–2016 гг. в итоге оформилась в сбалансированный и внеблоковый подход к выстраиванию двусторонней повестки и поддержанию рабочих отношений со всеми ближневосточными государствами. Несмотря на определенную эффективность такого подхода, его основным слабым местом является зависимость от региональной динамики – приходится учитывать мнения слишком многих игроков. В этом плане предложенная Россией «Концепция по коллективной безопасности в регионе Персидского залива», как и стремление согласно заявлению министра иностранных дел России С. В. Лаврова во время его визита на Кипр «находить компромиссы и балансы интересов» [31] в Восточном Средиземноморье опирается в вопросы восприятия угроз безопасности и решения региональных держав.

Конфликты в Восточном Средиземноморье (в Сирии и Ливии) обладали несколькими уровнями (локальным, региональным, международным), но скорее испытывали серьезное (и, вероятно, оно было наиболее значительным) влияние политики региональных держав. Зачастую линии пролегали между Турцией, Катаром и Ассоциацией «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ), с одной стороны, и ОАЭ, Саудовской Аравией, Египтом, с другой. Ситуация в Сирии и Ливане, как и в Ираке, и Йемене, оказалась дополнительным полем соперничества Саудовской Аравии и Ирана. Причем тактические альянсы могли меняться в зависимости от новых вводных. Таким образом, «региональный порядок не является ни анархическим, ни иерархическим, а является таким, при котором восприятие угроз и региональные коалиции быстро меняются, а разные акторы занимают разные рейтинговые позиции в зависимости от исследуемого вопроса» [30, р. 108].

В 2019–2020 гг. отмечалась резкая активизация Турции в Восточном Средиземноморье, вызвавшая недовольство соседних государств, особенно после подписания ряда соглашений между Анкарой и Правительством национального согласия Ливии, включая соглашение о разделе морских границ. Непосредственно в рамках морской стратегии появилась доктрина «Голубой родины» (Mavi Vatan), обозначающая Средиземноморье зоной исторических интересов Турции. Такая турецкая политика вызывала резкую реакцию других средиземноморских держав.

В этом плане стоит отметить, что многое для Турции связано с ее способностью к деэскалации и подключению к региональным проектам, что требует принятия других региональных и присутствующих в регионе глобальных сил. Намечившееся в конце 2020 г. снижение напряженности в Заливе между Катаром и другими монархиями

Залива могло позитивно отразиться и на процессе восстановления отношений между двумя крупными восточно-средиземноморскими силами – Турцией и Египтом, с которым во многом связано возвращение арабского голоса в региональных делах. Стороны со временем смогли преодолеть негативную динамику двусторонних отношений и объявили в 2023 г. о нормализации отношений.

Влиявший на подкомплекс РБ Восточного Средиземноморья и лежавший исторически в его основе арабо-израильский конфликт со временем стал палестино-израильским. Это резко изменило региональную конфигурацию, поскольку палестино-израильский вопрос сам по себе может считаться второстепенным. Запущенная в 2020 г. администрацией президента США Д. Трампа нормализация отношений между Израилем и рядом арабских государств в рамках «Соглашений Авраама», в первую очередь ОАЭ, обозначила переход к новому этапу в вопросах формирования тактических альянсов и безопасности в регионе. Однако несмотря на стремление американцев игнорировать палестинцев, только ОАЭ и Бахрейн подписали данные соглашения. Саудовская Аравия и ряд других арабских государств сохранили свои позиции в рамках «Арабской мирной инициативы», не говоря уже о мнении арабских масс во всех арабских странах о несправедливости в отношении Палестины, что также осложняет ситуацию для этой американской политики. Другим эффектом для Восточного Средиземноморья в контексте нормализации эмирата-израильских отношений можно назвать расширение и усиление границ активизации турецкой политики в мезорегионе.

Администрация Дж. Байдена решила сделать ставку на ограниченное вмешательство в дела региона, по сути идти по имевшейся «колее». Риторика демократических ценностей и прав человека администрации Дж. Байдена не воспринимается лидерами арабских государств. К 2023 г. США еще сохраняют свои интересы в части поддержки Израиля, но в целом американцы потеряли доверие региональных держав.

Все это выводит на первый план вопрос о возможностях региональной интеграции, появления зачатков системы коллективной безопасности в субрегионе Восточного Средиземноморья и роли глобальных игроков. Согласно докладу RAND Corporation от 2021 г., «Россия, Китай и США заинтересованы в экономическом росте региона, сокращении терроризма и нераспространении ядерного оружия, предлагая возможности для сотрудничества» [32, р. 129]. В другом докладе, посвященном странам Леванта, аналитики RAND пошли дальше, отметив, что «экономическая интеграция в Леванте может увеличить средний валовой внутренний продукт левантских стран на 3–7 процентов» [33, р. 7]. Несмотря

на разные позиции, Россия и США в 2010-е гг. были заинтересованы в безопасности в Восточном Средиземноморье. Обе стороны негласно поделили ответственность за борьбу с терроризмом в 2010-е гг., что позволило им не отвлекать еще большие собственные ресурсы на борьбу с тем же ИГИЛ, также они смогли выработать механизм деконфликтинга по Сирии. Тем не менее кооперативный подход, очевидно, проиграл конфронтационному.

В этих условиях происходит изменение КРБ в части усиления других глобальных акторов, очередного цикла смены альянсов и коалиций для региональных держав. Администрация Дж. Байдена решила вписать свою «арабскую» политику в политику «Индо-тихоокеанскую». Для Вашингтона союз Индии с арабскими странами от Восточного Средиземноморья до Персидского залива под покровительством США – это выход в части сдерживания растущей роли Китая. Китай – все более приемлемый для стран региона партнер, поскольку занимает лидирующие позиции в торговле и инвестициях (особенно в инфраструктуру). Пекин явно готов играть роль «честного посредника», что отразилось в его усилиях по нормализации саудовско-иранских отношений в 2023 г. Однако это скорее отражает не столько позиции Китая как усиливающейся глобальной державы в регионе, сколько поразительное падение доверия в регионе к Америке. Именно поэтому США не были способны заставить региональные державы поддержать политику Вашингтона в отношении Москвы, равно как и существуют сомнения в том, что им удастся использовать региональные державы и Индию в своих планах по сдерживанию Китая.

Восточное Средиземноморье как подкомплекс регионального комплекса безопасности Ближнего Востока сохраняет свое стратегическое значение для глобальных и региональных игроков. Проникновение глобальных сил в регион влияло на региональные паттерны и формирование тактических альянсов. Однако внешние силы все более дистанцируются, с одной стороны, ввиду переосмысления, а также стремления к переориентации (reorientation/rebalancing) своего внешнеполитического курса в другие регионы, а с другой, их действия ограничивают региональные державы. Самим же региональным державам еще только предстоит доказать, что они способны на разрешение проблемных вопросов и поиск компромиссов без внешнего участия. Только такой региональный и здоровый ответ на существующие кризисы может образовать новые паттерны в формировании системы безопасности региона.

Для России Восточное Средиземноморье и военное присутствие в Сирии важно с точки зрения безопасности. Доктринально же политика в Восточном Средиземноморье исходит

из угроз, которые несет враждебная военная инфраструктура. Таким образом, сам регион скорее инструментализован. Дальнейший курс Москвы будет определяться стремлением участвовать в региональных делах, но не председательствовать и доминировать в них (с сохранением военного присутствия в Сирии), развивать экономическое взаимодействие. В свою очередь, схожие факторы характерны для США, которые стремятся покинуть зоны конфликтов (в Ираке и Сирии), но вынуждены ввиду желания доминировать в мировом океане, борьбы с терроризмом, значимости Израиля и других факторов сохранять свои уже не столь прочные позиции.

Региональная динамика вокруг энергетических проектов, как и новые вводные в форме арабо-израильской нормализации, могут внести вклад в создание элементов блокового подхода к безопасности. Укрепление блокового подхода связано с потенциальной эскалацией застарелых конфликтов. Несмотря на желание прекратить участие в региональных конфликтах и выйти из них, и у России, и у США остаются интересы, которые будут требовать их, пусть и ограниченного, присутствия. Несмотря на имевшийся в 2010-е гг. интерес Москвы и Вашингтона к возможностям прагматичного сотрудничества по вопросу борьбы с терроризмом, ядерного нераспространения, другим региональным темам, конфронтационные и даже враждебные действия и риторика сохраняются. Региональная динамика стала меняться и в связи с деятельностью нового поколения лидеров в государствах Залива, растущей ролью Китая, трансформацией мирового порядка в целом. В случае если напряженность между Ираном и Саудовской Аравией войдет в ремиссию, это может послужить формированию новой особой системы региональной безопасности и позитивно скажется на Восточном Средиземноморье. В условиях меняющегося регионального порядка роль региональных сил в регионе неизбежно будет расти.

Список литературы

1. Гудев П. А., Ибрагимов И. Э., Квашин Ю. Д., Самарская Л. М., Свистунова И. А., Сурков Н. Ю., Тимофеев П. П. Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов // *Международные процессы*. 2021. Т. 19, № 3 (66). С. 104–122. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.3.66.7>
2. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Society*. Cambridge, United Kingdom: The Press Syndicate of the University of Cambridge, 2003. 564 p.
3. Лицарева Е. Ю., Сушков В. В. Комплекс субрегиональной безопасности в Северо-Восточной Африке с середины XX в. до XXI в. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки*. 2018. Т. 13, № 1 (173). С. 80–88.
4. Лукин А. Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // *Научно-теоретический журнал «Ойкумена»*. 2011. № 2 (17). С. 7–19.
5. Schmidt S. The Middle East Regional Security Complex and the Syrian civil war // *The War for Syria* / ed. by R. Hinnebusch. London: Routledge, 2019. P. 17–36.
6. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. 2012. № 2. С. 30–58.
7. Jarzqbek J. *The Theory of Regional Security Complexes in the Middle Eastern Dimension* // *Wschodnioznawstwo*. 2018. Iss. 12. P. 160–161.
8. Koch B., Stivachtis Y. *Regional Security in the Middle East: Sectors, Variables and Issues*. Bristol: E-International Relations, 2019. 242 p.
9. *Russia in the Middle East and North Africa Continuity and Change* / eds. C. Lovotti, E. Ambrosetti, C. Hartwell, A. Chmielewska. London: Routledge, 2020. 198 p.
10. Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 26.07.2015). URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjft5SyrIZUVTJan77L.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
11. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201707200015.pdf> (дата обращения: 19.11.2021).
12. Krylov A., Shuminov N. The Marine Strategy of Russia in the Middle East // *Comparative Politics Russia*. 2021. Vol. 12 (1). P. 82–88. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10007>
13. Малышева Д. Б. Россия в Средиземноморье: геополитика и современные интересы // *Международная жизнь*. 2015. № 11. С. 111–123.
14. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: http://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 30.05.2023).
15. Истомин И. А., Болгова И. В., Сушенцов А. А., Ребро О. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 1. С. 26–34. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34>
16. Чихарев И. А., Ярмак О. В. Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2019. Т. 21, № 1. С. 99–109. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109>
17. Lesser I. O. *The United States and the Future of Mediterranean Security: Reflections from GMF's Mediterranean Strategy Group*. German Marshall Fund of the United States, 2015. 8 p.
18. 1102 – Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act of 2019 // 116th Congress, 1st Session. 2019. P. 42. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1102/text> (дата обращения: 17.12.2021).
19. *A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower: The U. S. Navy, Marine Corps and Coast Guard*. 2015.

- Р. 48. URL: <https://news.usni.org/2015/03/13/document-u-s-cooperative-strategy-for-21st-century-seapower-2015-revision> (дата обращения: 18.12.2021).
20. Conway J., Routhead G., Allen T. A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower // *Naval War College Review*. 2008. Vol. 61 (1). P. 8–19.
21. Тебин П. Ю. Проблема обеспечения господства на море в современной военно-морской стратегии США // *Вестник Московского университета*. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 1. С. 163–173.
22. Advantage at Sea. Prevailing with Integrated All-Domain Naval Power: The U. S. Navy, Marine Corps and Coast Guard. 2020. P. 5. URL: <https://media.defense.gov/2020/Dec/17/2002553481/-1/-1/0/TRISERVICESTRATEGY.PDF/TRISERVICESTRATEGY.PDF> (дата обращения: 22.12.2021).
23. Flanagan S., Binnendijk A., Chindea I., Costello K., Kirkwood G., Massicot D., Reach C. *Russia, NATO and Black Sea Security* : RAND Corporation, 2020. 195 p.
24. Гудев П. А. Новые риски и угрозы безопасности России в Азово-Черноморском регионе // *Пути к миру и безопасности*. 2017. № 2 (53). С. 37–45. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2017-2-37-45>
25. Ходынская-Голенищева М. С. Россия на Ближнем Востоке: о пользе внеблоковой вовлеченности // *Russia in Global Affairs*. 2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/svoboda-manevra/> (дата обращения: 25.12.2021).
26. Меморандум о создании зон деэскалации на территории Сирийской Арабской Республики (САР).
- МИД РФ. 2017. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOWMERCf/content/id/2746041 (дата обращения: 26.12.2021).
27. Аганин А. Р. «Племенная дипломатия»: сирийский опыт // *Дипломатическая служба*. 2020. № 3. С. 50–56. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2003-07>
28. Безруков А. Э. Стратегия США в Сирии: процесс принятия решений // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2016. № 9 (3). С. 18–37.
29. Lund A. *How Assad's Enemies Gave Up on the Syrian Opposition*: The Century Foundation. 2017. URL: <https://tcf.org/content/report/assads-enemies-gave-syrian-opposition/?session=1> (дата обращения: 10.01.2022).
30. Santini R. A New Regional Cold War in the Middle East and North Africa: Regional Security Complex Theory Revisited // *The International Spectator*. 2017. Vol. 52 (4). P. 93–111. <https://doi.org/10.1080/03932729.2017.1371487/>
31. Итоги визита Сергея Лаврова на Кипр // *Кипрский деловой журнал «Успешный бизнес»*. 2020. URL: <https://sb-cyprus.com/index.php/articles/5326-itogi-vizita-sergeya-lavrova-na-kipr> (дата обращения: 14.02.2022).
32. Kaye D., Robinson L., Martini J., Vest N., Rhoades A. *Reimagining U. S. Strategy in the Middle East. Objective Analysis. Effective Solutions*. Santa Monica : RAND Corporation, 2021. 187 p.
33. Egel D., Parasilit A., Ries C., Wolker D. *Estimating the Economic Benefits of Levant Integration*. Santa Monica : RAND Corporation, 2019. 49 p.

Поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 02.06.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 02.06.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 98–101
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 98–101
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-98-101>, EDN: SANBNB

Научная статья
УДК 327.8(519.3:73)|1948/2020|

Санкционная политика США в отношении КНДР (1948–2020 гг.)

Д. С. Дроздов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 835

Дроздов Денис Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, droz.99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9129-3035>, AuthorID: 1194631

Аннотация. В статье рассматривается эволюция санкционной политики Соединенных Штатов Америки в отношении Северной Кореи. Отмечается, что эта политика на протяжении последних 70 лет прошла несколько этапов. Анализируются причины ограничений, а также результаты, которые достигла администрация Белого дома. Приводится периодизация санкционной политики США в отношении КНДР.
Ключевые слова: КНДР, США, санкции, американо-северокорейские отношения, ядерная программа

Для цитирования: Дроздов Д. С. Санкционная политика США в отношении КНДР (1948–2020 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 98–101. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-98-101>, EDN: SANBNB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The U. S. Sanctions Policy towards the DPRK (1948–2020)

D. S. Drozdov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis S. Drozdov, droz.99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9129-3035>, AuthorID: 1194631

Abstract. The article examines the evolution of the sanctions policy of the United States against North Korea. It is noted that this policy has gone through several stages over the past seventy years. The article analyzes the reasons for the restrictions, as well as the results achieved by the White House administration. The periodization of the US sanctions policy towards the DPRK is given.

Keywords: USA, sanctions, US-North Korean relations, nuclear program

For citation: Drozdov D. S. The U. S. Sanctions Policy towards the DPRK (1948–2020). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 98–101 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-98-101>, EDN: SANBNB

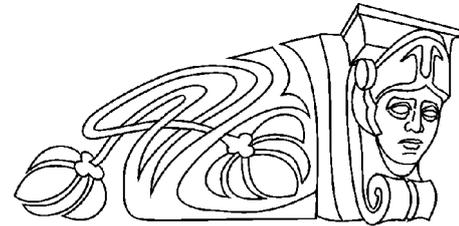
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Как известно, после Второй мировой войны на Корейском полуострове возникло два государства: Республика Корея, ориентирующаяся на Соединенные Штаты, и просоветская Корейская Народно-Демократическая республика. При этом отношения КНДР и США с самого начала были враждебными. Одним из наиболее активно применяемых Вашингтоном в противостоянии с Пхеньяном инструментов стали различные санкционные ограничения, в основном экономического характера.

Анализ эволюции санкций против КНДР необходимо начать с «нулевого этапа», когда в США был принят закон, вводивший экспортный контроль за передовыми технологиями, в том числе и военного назначения. Таким до-

кументом стал Закон об экспортном контроле (Export Control Act, ECA), принятый в 1940 г. и изначально направленный против милитаристской Японии. Однако после окончания Второй мировой войны его действие было распространено в том числе и на страны просоветского блока. Это должно было лишить эти страны доступа к американским передовым технологиям, о чем говорилось в новой редакции Закона об экспортном контроле 1949 г. (The ECA of 1949: Extraterritorial Enforcement) [1, p. 343].

Следующим событием, обострившим отношения между КНДР и США, стала Корейская война (1950–1953 гг.). После начала активных боевых действий Соединенные Штаты приняли целый пакет санкций, направленных против Се-

верной Кореи. Президент Г. Трумэн ввел полное торговое эмбарго в отношении КНДР, запретив все финансовые операции с этой страной, а также заморозив все ее активы, находившиеся на территории США [2]. В следующем 1951 г. были установлены дополнительные экономические ограничения. Северная Корея, как и все страны социалистического блока (за исключением Югославии), была лишена статуса наибольшего благоприятствования в торговле (Most Favored Nation), что означало более высокие торговые пошлины при торговле с ней. Закон не запрещал вести торговую деятельность, но при этом он делал ее экономически нецелесообразной. Данное ограничение можно назвать первыми косвенными санкциями в отношении Пхеньяна.

Окончание Корейской войны в 1953 г. не повлияло на практику введения ограничений в отношении КНДР со стороны США. В 1955 г., когда был принят Закон об экспорте вооружения и предоставлении оборонных услуг (International Traffic in Arms Regulations, ITAR), Северная Корея, так же, как и другие социалистические страны, вошла в число государств, на которые распространялся запрет на экспорт вооружений и предоставление услуг в сфере оборонной промышленности [3].

В связи с общей напряженностью на Корейском полуострове и политической нестабильностью в Южной Корее (Республика Корея, РК), вызванной свержением диктатора Ли Сын Мана, Вашингтон принял решение усилить санкционное давление на Пхеньян. Это решение было мотивировано необходимостью ослабить экономику КНДР, чтобы предотвратить возможные волнения в РК и ослабить там северокорейское влияние. В 1961 г. был принят закон об иностранной помощи (Foreign Assistance Act), который ограничил большую часть негуманитарной помощи для пяти социалистических стран, в число которых входила и Северная Корея [4]. В 1968 г. был принят еще один закон о контроле за экспортом оружия (Arms Export Control Act), предусматривавший более строгий мониторинг поставок вооружений [5].

Помимо санкций, накладывавших различные ограничения на все то, что касалось сферы военной продукции и военных технологий, США продолжали вводить разнообразные ограничивающие меры с целью ослабления экономики КНДР, поскольку, по мнению администрации Белого дома, развитая Северная Корея могла угрожать безопасности Южной Корее. В качестве примера можно привести санкционные ограничения 1974–1975 гг., когда были пересмотрены правила контроля за иностранными активами, что привело к тому, что под запрет попала вся сельскохозяйственная продукция КНДР. Эти ограничения затронули также тех зарубежных производителей, которые использовали се-

верокорейское сельскохозяйственное сырье для производства своей продукции.

В 1987 г. усилилась конфронтация между двумя государствами Корейского полуострова. Над Андаманским морем потерпел крушение южнокорейский Boeing 707, и в ходе расследования была выявлена причастность к этому инциденту Северной Кореи. После этого Соединенные Штаты внесли КНДР в список стран-спонсоров терроризма [6]. Этот шаг привел к новой волне санкционных ограничений против Северной Кореи, когда был пересмотрен в сторону ужесточения экспортный контроль, а также введен полный запрет на осуществление какого бы то ни было финансового взаимодействия с этой страной [7].

С 1988 г. появилась новое направление для введения санкционных ограничений. Согласно данным американской разведки КНДР начала подготовку к реализации ядерной программы с перспективой создания ядерного оружия. Это косвенно подтверждалось фактом отказа от инспекций МАГАТЭ на некоторые из ядерных объектов (КНДР стала членом ДНЯО с 1985 г.). Кроме того, с конца 1980-х гг. Пхеньян активно занимался разработкой и продажей баллистических ракет собственного производства и других видов вооружений.

Обострение ситуации на Корейском полуострове в 1990-е гг. привело к тому, что Северная Корея поставила под вопрос необходимость нахождения страны в ДНЯО. Это решение Пхеньяна послужило поводом для созыва Совета Безопасности ООН [8]. Соединенные Штаты как страна-лидер по числу введенных санкционных ограничений в отношении КНДР сыграли важную роль в разрешении этой конфликтной ситуации. В 1994 г. США пошли на переговоры с КНДР, что позволило заключить так называемые «рамочные соглашения», предполагавшие экономическую помощь Северной Корее, а также частичное снятие санкций в обмен на отказ Пхеньяна от программы по созданию ядерного оружия [9].

Успех переговорного процесса был продиктован двумя факторами. Во-первых, в 1993 г. к власти в США пришел Б. Клинтон, который начал проводить более мягкий курс в отношении КНДР. Во-вторых, в 1994 г. Северную Корею посетил бывший американский президент Дж. Картер, что явилось первым визитом такого уровня в истории американо-северокорейских отношений.

Несмотря на наметившийся позитивный тренд по отмене санкционных ограничений против КНДР, с середины 1990-х гг. Вашингтон стал вводить санкции в отношении конкретных компаний, организаций и даже физических лиц, причастных к торговле северокорейским вооружением, а также занимавшихся импортом

в страну компонентов, которые, по мнению американской стороны, были нужны Пхеньяну для развития ядерной программы. При этом США ввели ограничения против ряда северокорейских компаний, таких как Lyongaksan Machineries, Equipment Export Corporation, Changgwang Credit Corporation и т. д. Санкции против них были введены согласно положениям Закона о контроле за баллистическими ракетами (U. S. Missile Control Act) [10].

Стоит отметить, что рынок покупателей оружия Северной Кореи постоянно расширялся и включал такие страны как Египет, Сирия, Ливия, Иран. Более того, в Иран были поставлены не только различные образцы вооружения, но и технологии, необходимые для производства баллистических ракет. В связи с этим 24 мая 1996 г. США были введены новые санкции как против Северной Кореи, так и против Ирана [11]. Помимо этого, в 1998 г. Вашингтон ввел ограничения в отношении ряда пакистанских компаний, занимавшихся импортом северокорейских военных технологий [12].

В целом для этапа 1990-х гг. характерны достаточно противоречивые тенденции в американо-северокорейских отношениях, когда, помимо введения новых ограничений в сторону облегчения, пересматривались старые санкции. Смягчение политики в отношении КНДР и пауза, которую взял Белый дом в рамках нового курса отношений с Пхеньяном (с 1994 г. действовали «рамочные соглашения»), позволили Вашингтону уменьшить санкционное давление, оказываемое с целью затормозить нормальное развитие экономики КНДР [13].

Этот благоприятный фон позволил президенту РК Ким Дэ Джуну объявить о начале «политики солнечного тепла», которая подразумевала отход от конфронтации и развитие мирного сосуществования обеих Корей. Снятие части ограничительных мер со стороны Вашингтона дало возможность начать создание зоны свободной торговли (ЗСТ) в пограничных районах для открытия совместных межкорейских производств. Технологии Юга и квалифицированная, но дешевая рабочая сила Севера открывали большие перспективы в области реализации произведенных товаров на международном рынке, а снятие части санкций, связанных с экспортным контролем, делало эту идею вполне реальной.

Однако приход к власти в США Дж. Буша-младшего перечеркнул все ранее достигнутые результаты. После того, как новоизбранный президент обозначил КНДР как часть «оси зла», произошел пересмотр отношений между США и Северной Кореей. Америка вновь вернулась к «диалогу с позиции силы» и наращиванию санкционного давления. Пхеньян отреагировал зеркально. Осуществление плана по созданию ЗСТ на территории КНДР и реализации про-

изводимой там продукции снова оказалось под большим вопросом.

Лишив Северную Корею легального источника получения иностранной валюты, Соединенные Штаты сами создали условия для того, чтобы КНДР стала использовать различные нелегальные методы получения доходов. По сообщениям американских экспертов, Пхеньян занялся производством наркотических средств, подделкой долларов на государственном уровне, продажей поддельной табачной продукции [14, р. 16–38]. Помимо этого, страна наращивала темпы продажи ракет и ракетных технологий в третьи страны.

С 2002 г. отношения КНДР–США продолжали ухудшаться. В ответ на включение в «ось зла» Северная Корея прекратила сотрудничество с МАГАТЭ и возобновила ядерную программу. «Рамочные соглашения» ушли в прошлое, поскольку США отказались выполнять свою часть соглашений, прекратив поставки мазута в КНДР и строительство легководных реакторов.

За этим последовала череда новых санкций в отношении Северной Кореи, которые включали в себя ограничительные меры за распространение оружия массового поражения, в том числе рестрикции против банков, сотрудничавших с КНДР, а также ужесточение контроля за любыми, не связанными с гуманитарной помощью, поставками техники и продовольствия. Помимо этого, вводились новые ограничения против таких северокорейских компаний, как Nesong Trading Corp., Korea International Chemical Joint Venture Company, Korea Pugang Trading Corp. Также под удар попали и зарубежные компании, сотрудничавшие с Северной Кореей, например, китайские China Great Wall Industry Corp. and China North Industry Corp. [11].

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что санкционная политика Соединенных Штатов прошла несколько этапов. Так называемый «нулевой этап» (период Второй мировой войны) характеризовался подготовкой законодательной базы Вашингтона к введению различных ограничительных мер. В качестве первого этапа можно выделить период второй половины 1940-х гг., когда КНДР формировалась как государство, которое, как и другие социалистические страны, сразу же было подвергнуто различным ограничениям. Вторым этапом знаменуется война на корейском полуострове и открытым военным противостоянием КНДР и США. Для третьего этапа (1950–1980-е гг.) характерно введение санкций, призванных сдержать экономическое развитие Северной Кореи с целью недопущения политических волнений в Южной Корее. Четвертый этап (1980–1990-е гг.) – это ограничения, введенные против Северной Кореи как государства-спонсора терроризма. На пятом этапе (1990–2000-е гг.) санкции против КНДР вводились за торговлю оружием. Затем (2000–2010-е гг.) США объявили новые ограничения

из-за ракетной и ядерной программ Пхеньяна. Наконец, на текущем седьмом этапе санкции были введены Вашингтоном из-за «проблемы прав человека» в КНДР.

Следует также подчеркнуть, что заявленные цели ограничений со стороны США не были достигнуты: Пхеньян сумел создать собственное ядерное оружие и разработать средства его доставки, которые способны достичь территории США. Кроме того, он занимается созданием нового ракетного вооружения, а также активно экспортирует военные технологии во многие страны мира. Следствием санкционного давления со стороны Вашингтона стало также включение Северной Кореей в нелегальную экономическую деятельность с целью получения иностранной валюты.

Список литературы

1. Silverstone H. P. The Export Control Act of 1949: Extraterritorial Enforcement // University of Pennsylvania Law Report. 1959. Vol. 107. P. 331–362.
2. Federal register of the United States. Vol. 15, № 135. June 30, 1950. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-1950-06-30/pdf/FR-1950-06-30.pdf> (дата обращения: 25.07.2023).
2. Code of Federal Regulations, United States, Subchapter M–International Traffic in Arms Regulations. 2016. Vol. 1. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2016-title22-vol1/xml/CFR-2016-title22-vol1-chapI-subchapM.xml> (дата обращения: 25.07.2023).
4. U. S. Congress. Foreign Assistance Act of 1961. P. L. 87–195. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1071/pdf/COMPS-1071.pdf> (дата обращения: 25.07.2023).
5. U. S. Congress. Foreign Military Sales Act of 1968. P. L. 90–629. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/90/hr15681/text> (дата обращения: 25.07.2023).
6. U. S. Department of State. State Sponsors of Terrorism. URL: <https://www.state.gov/state-sponsors-of-terrorism/> (дата обращения: 25.07.2023).
7. U. S. Congress. S 737 – Export Administration Act of 1979. 96th Congress (1979–1980). URL: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/senate-bill/737#:~:text=Export%20Administration%20Act%20of%201979%20%2D%20Sets%20forth%20the%20export%20control,the%20military%20potential%20of%20any> (дата обращения: 25.07.2023).
8. Резолюция Совета Безопасности ООН № 825 (1993 г.). URL: <http://unscr.com/en/resolutions/825> (дата обращения: 25.07.2023).
9. Agreed Framework of 21 October 1994 between the United States of America and the Democratic People’s Republic of Korea. URL: <https://web.archive.org/web/20031217175315/http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/Others/infcirc457.pdf> (дата обращения: 25.07.2023).
10. U. S. Congress. Missile Control Act of 1989. 101st Congress (1989–1990). URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/senate-bill/1227?s=1{\&}r=69> (дата обращения: 25.07.2023).
11. North Korea: Economic Sanctions Prior to Removal from Terrorism Designation. Every CRS Report. January 24, 2003 – June 26, 2008. URL: <https://www.everycrsreport.com/reports/RL31696.html> (дата обращения: 25.07.2023).
12. Weapons of Mass Destruction: Trade Between North Korea and Pakistan. CRS Report for Congress. November 28, 2006. URL: <https://sgp.fas.org/crs/nuke/RL31900.pdf> (дата обращения: 25.07.2023).
13. U. S. Department of State. Further Easing of Sanctions Against North Korea. September 17, 1999. URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/fs-nkorea_sanacs_990917.html (дата обращения: 25.07.2023).
14. Greitens S. C. Illicit: North Korea’s Evolving Operations to Earn Hard Currency. Washington : Committee for Human Rights in North Korea, 2014. 115 p.

Поступила в редакцию 05.09.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 05.09.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 10.11.2023

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 102–113

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 102–113

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-102-113>, EDN: QZSKBN

Научная статья

УДК 94(470+571+470.44-25)|16|+929Хитрово

Воевода Саратова стольник Данила Варфоломеевич Хитрово (1659–1660)

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Аннотация. В статье впервые представлена биография саратовского воеводы Данилы Варфоломеевича Хитрово, а также приводятся краткие сведения о его предках, болховских помещиках. Свою службу при дворе царя Михаила Романова Д. В. Хитрово начал в конце 1630-х гг. в качестве жильца. При царе Алексее Михайловиче он продолжил службу в чине стряпчего, а затем стольника. Особое внимание уделяется саратовскому периоду жизни Д. В. Хитрово. Дается характеристика внутренней жизни Саратова, занятий жителей, приводятся имена иностранных послов и гостей, посетивших город во время этого воеводства. Данила Хитрово умер на воеводском посту в Саратове, не оставив наследников.

Ключевые слова: Печатный приказ, воевода, боярские списки, Болхов, родословные росписи, Грузия, царь Теймураз

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Воевода Саратова стольник Данила Варфоломеевич Хитрово (1659–1660) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 102–113. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-102-113>, EDN: QZSKBN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

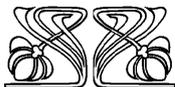
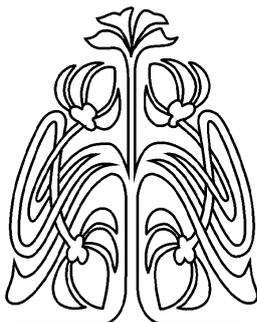
The Governor of Saratov stolnik Danila Varfolomeevich Khitrovo (1659–1660)

Ya. N. Rabinovich

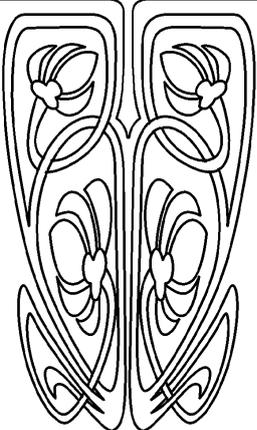
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Abstract. The article for the first time presents the biography of the Saratov governor Danila Varfolomeevich Khitrovo, as well as brief information about his ancestors, the Bolkhov landowners. D. V. Khitrovo began his service at the court of Tsar Mikhail Romanov in the late 1630s. as a tenant. During the reign of Tsar Alexei Mikhailovich, he continued to serve as a solicitor, and then as a steward. Particular attention is paid to the Saratov period in the life of D. V. Khitrovo. A description of the inner life of Saratov, the occupations of the inhabitants is given, the names of foreign ambassadors and guests who visited the city during this voivodeship are given. Danila Khitrovo died at the voivodship post in Saratov, leaving no heirs.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Keywords: Printed order, governor, boyar lists, Bolkhov, genealogical lists, Georgia, king Teimuraz

For citation: Rabinovich Ya. N. The Governor of Saratov stolnik Danila Varfolomeevich Khitrovo (1659–1660). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 102–113 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-102-113>, EDN: QZSKBN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Данила Варфоломеевич Хитрово оказался самым первым саратовским воеводой (после карамзинского Замятни Сабурова, жившего в Смутное время), о котором писали исследователи. Его имя (Данила Хитров) мы найдем в одном из томов истории России С. М. Соловьева [1, с. 311–312]. Ученый, обнаружив в московском архиве в еще не опубликованных к тому времени Донских делах сведения о грабежах на Волге воровских казаков, писал о действиях против них воеводы Саратова Данилы Хитрово.

Позднее, через 30 лет, об этом воеводе рассказал А. И. Шахматов, отметив, что 29 сентября 1659 г. «в Саратовской приказной избе сидел с озабоченным видом воевода Данила Хитров», слушая рассказ купеческого приказчика о грабежах казаков на Волге. Далее этот саратовский краевед на нескольких страницах (без указания на источник информации – С. М. Соловьева) описывал действия воеводы Хитрово, отправившего против казаков отряд саратовских стрельцов [2, с. 67–69].

Возможно, что данный том С. М. Соловьева, откуда саратовский автор переписал дословно этот сюжет (даже указал озабоченный вид воеводы), в те годы было трудно найти, поэтому долгое время первооткрывателем в этом вопросе считали самого А. И. Шахматова, труд которого, изданный в Саратове значительным тиражом, пользовался большой популярностью у местных жителей.

Свыше 150 лет назад, в 1866 г., Федор Николаевич Хитрово опубликовал книгу о всех представителях рода Хитрово, в которой содержится некоторая информация и о воеводе Саратова. В начале книги, где приводится поколенная роспись рода Хитрово, указаны следующие даты: «Даниил Варфоломеевич 1639 – ум. 1660 бездетен» [3, с. IX]. Далее, где говорится о его биографии, первая дата указана другая «1649 – ум. 1660. Бездетен». Здесь же приводятся о нем следующие данные: «В 1649 году был пожалован из Стряпчих в Стольники, при чем ему 12 июня того же года назначен поместный оклад 600 четвертей и 30 руб. денег. С 1653–1656 год делал Литовский поход, за что в награду ему придано было 150 четвертей и деньгами 12 руб. 6-го июля 1658 года он вместе с другими стольниками ставил есть перед Великаго государя во время торжественного обеда, данного в честь Грузинскаго Царевича Теймураза Давыдовича, а в 168 (1659–1660) году был назначен воеводою в Саратов, где в том же году умер бездетным» [3, с. 98–99]. Источниками информации для автора были родословная роспись рода Хитрово, а также боярская книга 1647 г.

(об этом уникальном источнике будет сказано далее) и Дворцовые разряды. Выдержки из данных и других документов, относящиеся ко многим представителям рода Хитрово, были опубликованы Ф. Н. Хитрово в 1867 г. в приложении к этой книге [4].

Некоторые сведения о воеводе Саратова стольнике Даниле Варфоломеевиче (Вахрамеевиче) Хитрово были введены в научный оборот благодаря публикации в 1888 г. в трудах СУАК источника, обнаруженного в московском архиве А. А. Голомбиевским [5, с. 446–448]. После данной публикации стали известны чин и отчество этого воеводы.

Через несколько лет (в 1892 г.) А. А. Голомбиевский опубликовал в Москве ряд новых документов и в вводной части привел список воевод Саратова за период 1650–1675 гг., где среди прочих указан стольник Данила Хитрово (без отчества) [6, с. 8]. А. П. Барсуков, ссылаясь только на данную работу, в своем списке воевод так и указал воеводу Саратова Данилу Хитрово (без отчества): «1659–1660, марта 6 стольник Данило Хитрово» [7, с. 202]. А. П. Барсукову не была известна публикация в трудах СУАК (грамота, адресованная «Даниилу Вахрамеевичу Хитрово»), поэтому отчество указано не было.

Документы, опубликованные А. А. Голомбиевским, позволили А. А. Гераклитову в 1913 г. сообщить следующие сведения о воеводе Саратова Д. В. Хитрово: «Хитрово Даниил Варфоломеевич, стольник. 1659 г. – март 1660 г. Голомб. №№ 29–34, 70. Тр. С. А. К. I. IV. 446–448. Основываясь на записи печатн. кн. № 100 лист 291, А. А. Гоздаво-Голомбиевский выводит заключение, что Хитрово скончался в Саратове. Ор. cit. стр. 5» [8, с. 67].

Как видим, информация достаточно скудная, поэтому в данном небольшом очерке постараемся раскрыть, что скрывается под аббревиатурой «Голомб. №№ 29–34, 70. Тр. С. А. К. I. IV. 446–448». В этих источниках содержится немало ценных сведений о внутренней жизни Саратова на протяжении очень короткого срока (1659–1660 гг.), когда воеводой в этом городе был Д. В. Хитрово. Также следует выяснить, чем занимался Д. В. Хитрово до назначения в Саратов, кто были его предки.

О деятельности Д. В. Хитрово при дворе царя Алексея Михайловича до назначения в Саратов имеются сведения в т. 3 Дворцовых разрядов [9, стб. 504].

В алфавитном указателе лиц, упомянутых в боярских книгах, составленном в середине XIX в. П. И. Ивановым, Данила Варфоломеевич

Хитрово в 7148 и 7166 гг. записан стольником [10, с. 436]. При использовании данного указателя необходимо учитывать, что в нем приводится год составления очередной боярской книги, а не год назначения Д. В. Хитрово в данный чин. К тому же в каждой боярской книге отмечались все дальнейшие назначения вплоть до составления следующей книги. Поэтому Данила Хитрово в 7148 (1639/1640) г. еще не был стольником, хотя и указан в этом чине в данной боярской книге. Обычно стольниками назначали из стряпчих. Пока не обнаружена точная дата, когда он стал стряпчим (в боярском списке 1643/44 г. его имя отсутствует в списке стряпчих), зато точно известно, когда он получил чин стольника. Это произошло в 7157 г., а точнее 25 сентября 1648 г. При каких обстоятельствах стряпчий Д. В. Хитрово получил данный чин, будет сказано далее.

Важным источником о службе Д. В. Хитрово служит боярская книга 1639 г., в которой приведены все новые назначения служилых людей вплоть до составления следующей боярской книги, т. е. на протяжении свыше 10 лет [11].

Обратимся к истории рода Хитрово. Этот род стал знаменитым только после Смуты в последние годы жизни Михаила Романова (ранее Хитрово были в основном городскими дворянами), а при Алексее Михайловиче многие представители этого рода стали не только стольниками и московскими дворянами, но и думными дворянами, окольными и даже боярами. В родословной росписи рода Хитрово содержится наиболее полная информация о предках Данилы Хитрово и его ближайших родственниках [12, с. 121–126].

О легендарном основателе рода Хитрово родословная роспись, которую подали 22 мая 1686 г. в Палату родословных дел многочисленные представители данного рода (10 человек «приложили руку» к этой росписи за себя и за некоторых своих близких), сообщает следующее. Якобы к князю Олегу Рязанскому выехал из Большой Орды «Едуган Сильной Хитр – от него пошли Хитрые» (вариант – «Едуган сильно-хитр») [4, с. 3; 12, с. 121]. Хорошо известно, что Олег Иванович Рязанский умер в 1402 г., следовательно, данный «выезд» мог произойти самое позднее на рубеже XIV–XV вв., а в одном из рукописных родословных сборников середины XVIII в. уточняется, что он произошел «во время Димитрея Донскова», т. е. еще раньше [4, с. 360]. В родословной росписи упоминается сын этого Едугана Хитра – Тимофей. Внук легендарного татарского предка Иван Тимофеевич Хитрой имел четырех сыновей: «А у Ивана Тимофеева сына дети: Яков, Прокофей, Гаврило, Дмитрий» [12, с. 121].

К татарскому предку, у которого через 100–150 лет были такие внуки, можно относиться скептически (учтем, что он «выехал» не грудным младенцем, а будучи зрелым воином). Как

справедливо отмечал Ф. Н. Хитрово, «вообще вся первоначальная история рода Хитрово до начала XVI столетия за отсутствием подлинных документов может быть признаваема только как предание» [3, с. 288].

Однако различные источники подтверждают существование четырех сыновей некоего Ивана Хитрово (Якова, Прокопия, Гаврилы и Дмитрия). Несмотря на некоторую запутанность родословной, можно выделить условно 3 ветви этого рода, идущие от Якова, Гаврилы и Дмитрия Ивановичей Хитрово (потомство Прокопия пресеклось уже на его сыновьях Лопате и Афанасии).

Сыновья, внуки и правнуки Ивана Хитрово служили Василию III и Ивану Грозному, получили поместья сначала в Вязьме, потом в Алексине, Болхове, Калуге и других городах, в том числе в Московском уезде. Дети Прокопия Ивановича Никита (Лопата) и Афанасий Прокофьевичи указаны в Тысячной книге и Дворовой тетради как дворовые по Вязьме. Там же значатся внуки Гаврилы Ивановича, дети Василия Гавриловича Хитрово – Гаврила, Григорий, Денис, Никита Васильевичи [13, с. 190]. Сын Якова Ивановича Елизарий Яковлевич Хитрово указан в разрядных книгах в 1579–1581 гг. осадным головой в Алексине [14, с. 297, 324]. Многие представители рода Хитрово вносили во времена Ивана Грозного богатые вклады в Троице-Сергиев монастырь, некоторые там похоронены [4, с. 272–283].

Среди потомков Якова Ивановича Хитрово хорошо известен боярин Богдан Матвеевич (правнук Якова), думные дворяне Петр Савич (праправнук Якова) и его сын Никита Петрович, окольные Иван Большой и Александр Савостьяновичи (праправнуки Якова), думный дворянин Аврам Иванович (сын Ивана Большого).

Потомком Гаврилы Ивановича Хитрово был думный дворянин Яков Тимофеевич (праправнук Гаврилы). К этой же ветви относится воевода Саратова Данила Варфоломеевич, тоже праправнук Гаврилы Хитрово (Гаврила Иванович – Андрей – Михаил – Варфоломей – Данила).

Из потомков Дмитрия Ивановича Хитрово назовем боярина Ивана Богдановича (праправнук Дмитрия Хитрово).

В конце 1620-х гг. 6 представителей рода Хитрово были выборными дворянами по Алексиному, 2 – выборными дворянами по Болхову (в том числе отец воеводы Саратова – Варфоломей Михайлович), 2 – по Калуге и только один представитель рода записан московским дворянином [15, с. 105, 130–131, 133, 136].

Как видим, в конце 1620-х гг. большинство представителей рода Хитрово были выборными дворянами (10 чел.), но со временем будет наблюдаться любопытная тенденция – с начала царствования Алексея Михайловича многие представители данного рода переходят в ряды

Государева двора, занимают высшие посты, получают боярские чины. По сравнению с 1629 г., через 15 лет к концу царствования Михаила Романова изменения в составе Государева двора применительно к роду Хитрово есть, но еще незначительные. В боярском списке 1643/44 г. мы видим только одного стольника – Богдана Матвеевича Хитрово, переведенного 6 декабря 1643 г. из стряпчих. Здесь же указаны назначенный на место Б. М. Хитрово в стряпчие Василий Алферьевич Хитрово, дворянин московский Алферий Семенович Хитрово (отец стряпчего В. А. Хитрово) и Григорий Семенович Хитрово, переведенный 12 марта 1644 г. из алексинских выборных дворян в московские дворяне. Остальные представители рода Хитрово продолжали оставаться выборными дворянами или служили по своим городам (Калуге, Болхову, Алексину). Итого в составе Государева двора в 1644 г. – один стольник, один стряпчий и 2 московских дворянина из рода Хитрово (а в 1627 г. был только один московский дворянин) [16, с. 382–483].

Через несколько лет ситуация изменилась кардинальным образом. Уже в боярской книге 1647 г. наблюдается массовое назначение представителей рода Хитрово в состав Государева двора (в основном это произошло в 1647–1650 г.). В этой книге мы видим одного окольного, 9 стольников (в том числе Данилу Хитрово), 4 стряпчих, 11 московских дворян из рода Хитрово – итого 25 чел. [4, с. 61–67].

В следующей Боярской книге 1658 г. в составе Государева двора 24 представителя рода Хитрово (один из них недоросль). Среди них – один окольный и оружничий (Богдан Матвеевич Хитрово, потом он станет боярином), 12 стольников, 2 стряпчих и 8 дворян московских [17, с. 324].

Вернемся к потомкам Гаврилы Ивановича Хитрово. У его среднего сына **Андрея Гавриловича** было два сына (Тимофей и Михаил), младший из которых Михаил Андреевич был дедом будущего воеводы Саратова Данилы Варфоломеевича Хитрово.

Про **Михаила Андреевича** родословная роспись сообщает следующее: «А Михайло Андреевич сидел на Москве в Московское осадное сидение при царе Василье Ивановиче всеа Руси и убит под Москвою на бою, и за те ево службы и за кровь с ево окладу дано сыну ево меньшому Галактиону из поместья в вотчину восмисот чети [«с осьми-сот четвертей». – Я. Р.] и дана ему на ту вотчину жалованная вотчинная грамота. А у Михайла Андреевича дети: Варфоломей, Григорей, Галактион» [12, с. 124].

Судя по данной записи, дед будущего воеводы Саратова в Смутное время был сторонником Василия Шуйского и активно участвовал в борьбе против Ивана Болотникова и Лжедмитрия II.

Слова в квадратных скобках взяты из «Родовой росписи рода Хитрово», опубликованной

впервые в 1867 г. [4, с. 17]. В ней имеются и другие разночтения, по сравнению с родословной росписью, опубликованной в альманахе «Российская генеалогия», но они незначительны и не меняют общего смысла в отличие от приведенного. В Смутное время существовало правило, по которому за заслуги пятая часть поместья могла даваться в вотчину. Поэтому Михаил Хитрово получил в вотчину не 800, а 160 четвертей.

В дополнение к этой родословной росписи из боярского списка 1602/03 г. известно, что Тимофей и Михаил Андреевичи служили выборными по Болхову, причем Тимофей Хитрово (оклад 600 чети) указан в то время в Мценске головой у детей боярских, а Михаил Хитрово около 1600 г. попал в плен к татарам и «за полон за крымской» получил придачу к окладу 50 чети (новый оклад с учетом придач 450 чети) [18, с. 282].

Через несколько лет в боярском списке 1606/07 г. у Михаила записан поместный оклад уже 550 чети, а за ним указан Данила Иванович Милославский, дед Марии Ильиничны Милославской, все они по-прежнему служат выборными по Болхову [19, с. 152].

Многочисленные дети и внуки младших сыновей Михаила Хитрово – Григория и Галактиона Михайловичей Хитрово (их около 20), как и потомки Якова и Дмитрия Ивановичей Хитрово, во второй половине XVII в. служили стольниками, стряпчими, дворянами московскими, воеводами в ряде городов.

Про старшего сына Михаила Андреевича **Варфоломея Михайловича Хитрово** в родословной говорится следующее: «Варфоломей служил по московскому списку во дворянях, при царе Василье Ивановиче всеа Руси сидел на Москве в московское осадное сидение и пожалован за службы при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Руси, и во 151-м году был воеводою в Цывилску» [12, с. 124].

Что касается службы в качестве московского дворянина, то это произошло лишь в середине 1640-х гг., а до этого Варфоломей Хитрово долгое время служил сначала дворовым сыном боярским, а потом выборным дворянином.

Ценные сведения про отца Данилы Хитрово, кроме указанных в родословной росписи, содержатся в Кормленной книге Костромской чети: «Болховитин Варфаломей Михайлов сын Хитрой – 124 году декабря в 20 день, по памяти за приписью дьяка Михаила Данилова написано: за Подмосковные службы и за Китайское взятие велено справить боярские придачи государева жалованья к старому ево окладу к 9 рублем 6 рублев; а старой ево оклад писан в Болховской десятне, какова прислана из Болхова по сыску всего города; да 127 году марта в 6 день, по памяти за приписью дьяка Марка Поздеева, придано

ему за Болховскую службу 124 и 126 году 3 рубли» [20, с. 32].

Данный источник не был известен составителю родословной книги рода Хитрово, поэтому стоит его разобрать подробно. В первые годы Смуты Варфоломей Хитрово служил по Болхову, скорее всего, не выборным, а дворовым сыном боярским (в то время по выбору из Болхова служил его отец Михаил). Уже во времена Василия Шуйского Варфоломей был четвертчиком Костромской чети с окладом 9 руб., получал жалование не с городом, а из чети, что было более престижно. Судя по родословной, в Тушинский период (1608–1610) он воевал на стороне Василия Шуйского, оборонял Москву от сторонников самозванца, возможно, тогда же получил от царя Василия первые награды. Вместе с другими служилыми людьми из Болхова Варфоломей участвовал в боях с поляками под Москвой в составе Подмосковного или Нижегородского ополчения, о чем свидетельствует запись «Подмосковные службы», а также в штурме и взятии Китай-города 22 октября 1612 г. В этом «Китайском взятии» отличился жидец Илья Данилович Милославский, будущий тесть царя Алексея Михайловича. Здесь же в «Хоткеевом бою» и «Китайском взятии» участвовали Данила Иванович Милославский (отец И. Д. Милославского) и его родственник Михаил Васильевич Милославский. После освобождения Москвы новое правительство Трубецкого-Пожарского за эти бои наградило Варфоломея Хитрово значительной придачей к окладу в размере 6 руб., после чего новый денежный оклад стал 15 руб. Однако это было лишь в теории, реально деньги Варфоломеем тогда не получил. Правительство Михаила Романова не всегда и не сразу утверждало прежние боярские придачи. К тому же нужно было доказать, что у него ранее при Василии Шуйском был оклад из Костромской чети 9 руб. (прежняя Кормленная книга пропала в годы Смуты), для этого правительство Михаила Романова прибегало к сыску прежних окладов. К сыску привлекались служилые люди того города, к которому относился данный четвертчик, составлялись десяти, в них окладчики в ходе смотра записывали прежние оклады служилых людей, после чего эти списки (десяти) отправлялись в Москву. Болховская десятина в 1613–1614 гг. также была составлена, отправлена в Москву, и в итоге 20 декабря 1615 г. дьяк Разрядного приказа Михаил Данилов своей «приписью» утвердил новый оклад Варфоломея – 15 руб. К тому времени Варфоломей Хитрово по-прежнему служил в Болхове. В дальнейшем он отличился в боях под Болховом в 124 (1615/16) и 126 (1617/18) гг. За эту Болховскую службу уже после завершения Смуты, подписания Деулинского перемирия и отступления поляков от Москвы Варфоломей Хитрово получил 6 марта 1619 г. придачу к окла-

ду в размере 3 руб. Теперь его новый оклад составлял 18 руб.

Из Книги сеунчей известны подробности этой Болховской службы. В августе 1616 г. под руководством воеводы Болхова Богдана Вельяминова были дважды отражены от города татары и при этом отбито свыше сотни пленных русских людей. Через месяц, в сентябре 1616 г., в ходе отражения очередного татарского набега было освобождено («отполонено») свыше 500 чел. В дальнейшем нападения татар на Болхов и его окрестности временно прекратились. Однако теперь городу стал угрожать новый враг. С ноября 1617 г. по июль 1618 г. в Книге сеунчей 9 раз (19 ноября, 11 декабря 1617 г., 17 февраля, 29 марта, 13 и 14 июня, 1, 2 и 13 июля 1618 г.) упоминаются сеунчики из Болхова от воевод Ивана Федоровича Наумова и сменившего его Степана Лазаревича Татищева с донесениями об успешном отражении польских штурмов к городу и ответных рейдах служилых людей из Болхова в соседний Козельский уезд, захваченный поляками [21, с. 45–48, 68–83]. Полковники Казановский и Устинко Лисовский не смогли захватить неприступную Болховскую крепость, а лисовчики полковника Чаплинского в Козельском уезде постоянно подвергались ударам служилых людей из Болхова. Можно сказать, что во всех этих боях отличился Варфоломей Хитрово, в этом и заключалась его Болховская служба.

В осадном списке 1618 г. и в приложениях к нему в списках вотчинников, пожалованных за московское осадное сидение в «королевичев приход», и ранее – при Василии Шуйском, имени Варфоломея нет. Единственное упоминание о нем находим в упоминании вотчины Федора Мартемьянова. Болховитин Офромей (Варфоломей) Михайлов сын Хитрово получил позже по закладной вотчину этого Ф. Мартемьянова в Орловском уезде в Каменском стану [22, с. 540].

Есть еще сведения о вотчине Варфоломея Хитрово в Болховском уезде. Двоюродные братья Федор и Михаил Мартемьяновы в 1619 г. владели двумя деревнями Лукьяново в Нугорском стане этого уезда. Потом каким-то образом в 1620-е гг. Варфоломей Хитрово завладел этими вотчинами, а в 1633/34 г. Михаил Мартемьянов выкупил их у Варфоломея, но, как оказалось, ненадолго. В сентябре 1639 г. Михаил Мартемьянов заложил Варфоломею Хитрово свою выслуженную вотчину д. Лукьяново на речке Мокрой Ворожне в Нугорском стане Болховского уезда за 300 руб. (!) сроком от 19 сентября 1639 г. до 25 декабря 1640 г. Выплатить такой большой долг в указанный срок Мартемьянов не смог, и в итоге в марте 1641 г. эта вотчина окончательно перешла по просроченной закладной кабале Варфоломею Хитрово. Пока остается открытым вопрос, откуда у Варфоломея Хитрово была в свободном обращении такая огромная

сумма денег, равная его нескольким годовым денежным окладам (в 1619 г. оклад составлял 19 руб. в год, потом стал выше, но не намного) [23, с. 462].

После окончания Смуты в 1621/22 г. разбор болховских служилых людей проводил кн. Иван Михайлович Борятинский и дьяк Иван Поздеев. В этом разборном списке Варфоломей Хитрово указан не выборным, а еще дворовым сыном боярским с поместным окладом 600 чети. Он был на смотре в полном снаряжении, с пищалью и саблей, будет «службу служить на коне с пожалованными в ряд». Однако у него не было к тому времени ни поместья, ни вотчины («нет ни одной чети»). За период после окончания Смуты он, видимо, получил еще небольшую придачу к окладу в размере 1 руб., во всяком случае у него был оклад из чети уже 19 руб., что было зафиксировано в этой «Десятне Болхович дворян и детей боярских». На смотре он сказал, что если ему дадут денежное жалование, то «он будет на службе на коне да человек в кошу с запасом» [4, с. 41].

Варфоломей Михайлович Хитрово в боярской книге 1627 г. указан уже не дворовым, а выборным дворянином по Болхову с прежним окладом 600 чети [15, с. 133]. Аналогичные сведения (выборный по Болхову, оклад 600 чети) без всяких помет, которые бы свидетельствовали о различных службах, приведены в Подлинных боярских списках 1627/28 г. и 1628 г. Всего в этих списках указано 11 выборных по Болхову. [24, с. 168, 244]. В боярской книге 1629 г., в которой приведены все изменения за последующие 10 лет (там и количество выборных по Болхову будет больше – 18 чел.), о Варфоломее Хитрово сообщаются прежние сведения (выборный по Болхову, 600 чети) [25, с. 204].

Варфоломей Хитрово стал московским дворянином лишь в 1645 г. (в боярском списке 1643/44 г. его еще нет среди московских дворян). В так называемом «наличном» боярском списке 7154 (1645/46) г. Варфоломей Михайлович уже записан московским дворянином, причем он должен был отправиться служить на Ливны, но вместо него (видимо, по здоровью) на Ливны поехал его сын Данила. В боярских списках 7160 и 7161 гг. говорится, что Варфоломей в феврале 1651 г. по челобитной «за пометой думного диака Семена Заборовского от службы отставлен». Потом эта помета была зачеркнута, и окончательно он завершил службу в 1652/53 г., о чем свидетельствуют пометы в последующих боярских списках 7162–7163 гг.: «Дворянин московский, отставленный в 161 г.» [26, с. 413].

У этого Офромья (Варфоломея) было 4 сына – Дмитрий, Данила, Петр и Афанасий. В родословной о них сказано следующее: «А у Варфоломея Михайловича детей: Дмитрией, Данило, Петр, Афонасей. Дмитрией служил по московскому списку во дворянх, а во 168-м году пожалован

и был воеводою в Белеве. А Данило служил в стольниках и во 168-м году был на Саратове воеводою, и там умре бездетен. А Петр и Офонасей служат в стольниках [12, с. 124].

Обратим внимание на тот факт, что Данила Варфоломеевич Хитрово умер на воеводском посту в Саратове в 1659/60 г., что подтверждает версию А. А. Голомбиевского, который пришел к аналогичным выводам на основании других источников.

Судя по тому, что младшие сыновья Петр и Афанасий довольно поздно вошли в состав Государева двора и служили там еще в начале 1690-х гг. (в родословной, составленной в мае 1686 г., о них говорится в настоящем времени, они «служат»), они родились довольно поздно, возможно, от второго брака. Петр впервые указан стряпчим в боярской книге 7179 (он стал стряпчим 28 апреля 1671 г.), а Афанасий – только в боярской книге 7183 г. (в списке стряпчих 17 июля 1676 г. «учинен ему поместный оклад 500 чети, денег 20 рублей») [4, с. 81–82, 94]. В 7194 и 7200 гг. Петр и Афанасий Хитрово записаны в боярских книгах стольниками [10, с. 436]. В боярском списке 1692/93 г. указан только стольник Петр Варфоломеевич (Афанасия уже нет), а в следующем боярском списке 1693/94 г. Петр также отсутствует [4, с. 127, 129].

По родословной росписи старший сын Варфоломея – Дмитрий (он указан первым), по мнению М. Р. Белоусова, родился в 1619 г., в первый мирный год после окончания Смуты, а Данила – около 1624 г. [26, с. 413].

В боярской книге 1639 г. читаем: «157-го году государь пожаловал из стряпчих в стольники Данила Варфоломеева сына Хитрово, а как был в житье, и ему поместной оклад был 400 чети, денег из Чети 10 рублей. И 157-го ж июля в 12 день учинен ему поместной оклад, и с прежним 600 чети, денег 30 рублей; помета на выписке думного дьяка Семена Заборовского» [4, с. 57; 11, с. 66–67].

Эта запись сделана в конце списка стольников. В момент составления данной книги (1639 г.) Данила Хитрово, видимо, был еще жильцом. Записи (разные приписки) в боярских книгах делались на протяжении многих лет, вплоть до составления следующей книги (после книги 1639 г. известна книга 1647 г., но она полностью не сохранилась) и даже еще несколько лет (последние приписки в книге 1639 г. относятся к 1651 г.). Судя по приведенной записи, службу при дворе Данила Хитрово вместе со старшим братом Дмитрием начал в качестве жильца, о чем свидетельствует упоминание в боярской книге «а как был в житье...», а затем в чине стряпчего.

Недавно опубликованный и неизвестный составителю родословной рода Хитрово источник позволяет уточнить службу Данилы и его брата в качестве жильцов. Это челобитная царю Михаилу Романову, которую осенью 1644 г. написали

«Митка да Данилко Вохромеевы дети Хитрово» [27, с. 154].

Во второй половине 1643 г. правительство Михаила Романова проводило жилецкий разбор, в ходе которого количество жильцов сократилось почти наполовину (с 1200 до 600 чел.). Часть жильцов стала московскими дворянами (примерно 150 чел.), а остальные, отсутствующие на разборе даже по уважительной причине, были вычеркнуты из состава жильцов и написаны по своим городам. В июле 1643 г. Варфоломея Хитрово назначили воеводой в Цивильск. Это указание в челобитной на службу в Цивильске отца Дмитрия и Данилы подтверждают сведения родословной (отметим, что в справочнике А. П. Барсукова отсутствуют воеводы Цивильска с 1637 по 1645 г.) [7, с. 269]. Данила с братом, будучи в то время жильцами, написали челобитную, просили отпустить их вместе с отцом. Просьба была удовлетворена, они уехали в Цивильск, поэтому отсутствовали на разборе и не попали в новый разборный жилецкий список. Вернувшись в следующем году в Москву после окончания службы отца в Цивильске, братья обнаружили, что их нет в списке жильцов. Служба в Болхове, откуда они в свое время с трудом вырвались в Москву, их не прельщала, поэтому Дмитрий и Данила Хитрово в октябре 1644 г. просили «именишка наши написать в жилецкой список по-прежнему». В итоге 10 ноября 1644 г. по царскому указу братьев снова включили в список жильцов, потому что они были «отпущены, и челобитная отпуская есть» [27, с. 154].

После этих событий Данила Хитрово еще некоторое время продолжал служить в качестве жильца, имея при этом небольшой оклад (10 руб. и 400 чети). Скорее всего, сразу после восшествия на престол Алексея Михайловича уже в 1645 г. он получил повышение по службе, его перевели из жильцов в стряпчие. В том же году уже в чине стряпчего он отправился на службу в Ливны вместо отца. Об этом сохранилась помета в «наличном» боярском списке 1645/46 г.: «За отца на Ливнах» [26, с. 413]. Трудно сказать, в чем заключалась эта служба, возможно, что он помогал кн. Ф. П. Борятинскому проводить перепись г. Ливны и Ливенского уезда, которая происходила именно в 1646 г. [28, с. 409–459].

В чине стряпчего Данила Хитрово служил при дворе около трех лет, до сентября 1648 г. Возможно, что он хорошо проявил себя во время «Соляного бунта» в июне 1648 г. 25 сентября 1648 г., когда состоялся очередной царский поход в Троице-Сергиев монастырь, царь Алексей Михайлович пожаловал из стряпчих в стольники «Данила Варфоломеева сына Хитрова. Приказал государевым словом думной дьяк Иван Гавренев. И ко кресту приведен в розряде октября во 2 день» [29, с. 417]. Таким образом, со 2 октября 1649 г. вплоть до конца жизни Данила Хитрово служил стольником при царском дворе. Вскоре

последовали прибавки к поместному и денежному окладу. В июле 1649 г. Данила Хитрово получил прибавку к поместному окладу 200 чети и к денежному – 20 руб. В итоге новый оклад составил 600 чети, 30 руб., что и было зафиксировано в боярской книге [4, с. 57; 11, с. 66–67].

В опубликованной впервые полностью боярской книге 1658 г. во вступительной статье М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина говорится, что этой книге «предшествовала книга 1647 г. К сожалению, сохранилась лишь одна её часть – перечень московских дворян. Книга, видимо, пострадала во время оккупации Москвы французами в 1812 г.». [17, с. 3–4]. На самом деле еще в 1867 г. в деле Архива Герольдии № 57 существовал довольно полный экземпляр этой книги 1647 г., в которой значились не только дворяне, но и другие представители Государева двора, в том числе окольные, стольники и стряпчие. Именно из этой книги составитель родословной рода Хитрово Ф. Н. Хитрово выписал важную информацию о стольнике Даниле Хитрово: «Данило Варфоломеев сын Хитрой. 157 году пожаловал Государь в Стольники. В боярской книге 148 году поместный оклад 600 чети, денег 30 рублей, да за Литовскую службу 162, 163 и 164 годов придачи 150 чети денег 12 рублей» [4, с. 62–63]. Здесь же говорится, что отец Данилы Варфоломеем Хитрово по-прежнему служил в московских дворянах, а брат Дмитрий стал московским дворянином в 1648/49 г. («в 157 году Государь пожаловал велел написать по Московскому списку») [4, с. 67], т. е. братья почти одновременно получили повышение в чине, один стал стольником, а другой – московским дворянином.

Только из данного источника мы узнаем, что Данила Хитрово принял активное участие на первом этапе русско-польской войны в 1654–1655 гг. Где он сражался, выяснить пока не удалось. Большинство стольников сопровождали царя Алексея Михайловича в походе на Смоленск и Вильно, однако некоторые воевали на севере под Полоцком и Витебском, а другие – на Украине вместе с отрядами Богдана Хмельницкого. После окончания этого похода в результате новых пожалований поместный оклад Данилы Хитрово составлял с учетом придач 750 чети, а денежный – 42 руб.

В дальнейшем Данила Хитрово упоминается в разрядах во время приезда в Москву грузинского царя Теймураза. В июле 1658 г. на торжественном обеде в честь царя Теймураза Данила Хитрово указан среди 47 стольников, которые «перед Великого Государя есть ставили» [9, стб. 504].

Последний этап жизни Данилы Хитрово связан с Саратовом. В боярских списках 1658–1662 гг. в пометах напротив имени стольника Данилы Хитрово содержится противоречивая информация. В них говорится, что он находился в Самаре, а не в Саратове, и что умер в 1661/62 г. Так, в «подлинном» боярском списке 1662/63 г.

записано «*На Самаре*», эта помета зачеркнута, и далее указано, что «*170-го умре*» [26, с. 413]. 170 год начинался 1 сентября 1661 г., а в документах от августа 1660 г. жена Данилы Хитрово уже значится вдовой (об этом далее). Следует больше доверять документам Печатного приказа, опубликованным А. А. Голомбиевским, в которых постоянно указывается: «*На Саратов, к стольнику и воеводе Данилу Хитрово*» [6, с. 12].

Прежде всего следует выяснить, когда Данила Хитрово приехал в Саратов. В одной и той же книге Печатного приказа № 90 записан в 1658 г. прежний воевода Саратова стольник Никита Иванович Головин (л. 316), которому было указано написать в служилом списке с хлебной и денежной придачей сына боярского Ивана Гончарова [6, с. 12], далее в этой же книге вновь идет указание воеводе Н. И. Головину (л. 521 об.), связанное с винными уговорщиками и функционированием саратовского кабака [6, с. 21], причем эта запись сделана в следующем 1659 г., а в конце данной книги уже говорится о других событиях 1659 г. и о новом воеводе Даниле Хитрово (л. 605, 606) [6, с. 12]. Учítывая, что в течение одного года записи делались последовательно в нескольких книгах, можно сделать вывод о том, что все эти три записи сделаны за короткий промежуток времени, и что смена воевод произошла в январе – феврале 1659 г.

Первая известная грамота, адресованная новому воеводе Саратова Даниле Хитрово, датирована 3 марта 1659 г. Она связана с конфликтом между откупщиком рыбных ловель из подмосковной Кадашевской слободы Герасимом Богдановым и старцами Новоспасского монастыря. Старцы одержали победу в этом споре, и в итоге 3 марта 1659 г. новому воеводе Даниле Хитрово был отправлен к исполнению указ о запрете откупщику Герасиму Богданову переманивать к себе рыбных ловцов [5, с. 446–448].

В том же 1659 г. воеводе Д. В. Хитрово было дано указание – разрешить саратовцам ловить на Волге «*про себя рыбу, от города по реке вверх и вниз по 5 верст, без оброчно*». Здесь речь идет о льготах для всех жителей Саратова, как для служилых по отечеству и прибору, так и для посадских людей: «*...По челобитью Саратовских всяких чинов людей*» [6, с. 17].

Одно из первых указаний, которое получил новый воевода Саратова Данила Хитрово, относилось к назначению служилого человека Федора Ахматова. Воевода должен был «справить» придачу к поместному окладу Федору Ахматову в Саратовском служилом списке [6, с. 12]. Также этому Федору Ахматову указано «*быть на Саратове на заставе для береженья проезжих людей, зимою на верхнем Увекe, а летом на Волге реке*» [6, с. 12]. Здесь Ф. Ахматов сменил прежнего заставного голову Луку Леонтьевича Климова. Естественно, все эти назначения осуществлялись

после того, как служилый человек писал челобитные с различными просьбами и по ним в Москве принимались соответствующие решения. Назначение в качестве заставного головы было хоть и хлопотным, но очень выгодным для саратовских служилых людей. Против этого назначения сразу же выступили родственники Луки Климова. В итоге в Москве изменили первоначальное решение, и в Саратов воеводе Д. В. Хитрово в том же 1659 г. (видимо, в конце года, так как запись была в книге № 94) отправили новую грамоту с указанием вместо Федора Ахматова назначить на такую заставу Петра Климова: «*Велено Саратовцу Петру Климову быть на заставе, на Саратове, зимою на верхнем Увекe, а летом на Волге реке, на Федорово место Ахматова* (№ 32). Вскоре воеводе Хитрово поступило указание из Москвы учинить поместную придачу 50 четвертей этому Петру Климову [6, с. 12].

На протяжении многих лет количество служилых людей по отечеству в Саратове было постоянным – 18 чел. В случае убития когонибудь на это «выбылое место» назначался другой человек. Служилые люди дожидались своей очереди попасть в служилый список, писали челобитные в Москву. Такую челобитную написал саратовец Иван Микулин. В итоге в первой половине 1659 г. (запись сделана в книге № 91) Данила Хитрово получил указание из Москвы: «*...Велено Саратовца Ивана Микулина написать по Саратову в список на первое убылое место в поместном и денежном окладе*» [6, с. 12].

Все эти записи относятся к 1659 г., когда Данила Хитрово служил воеводой в Саратове. За 1660 г. в книге Печатного приказа имеются только две записи, адресованные конкретно Даниле Хитрово. В начале года (видимо, в январе 1660 г.) ему поступило указание выдать жалование служилым людям из Уфы Андрею Приклонскому и Ивану Черникову Онучину, которые в то время находились в Саратове [6, с. 12]. Эта запись сделана в книге № 95, а вскоре, уже 6 марта 1660 г., Даниле Хитрово была отправлена грамота, в которой говорилось, что ему на смену назначен новый воевода – Иван Иванович Косагов (запись в книге № 97) [6, с. 8]. Правда, по неизвестной причине прибытие нового воеводы задержалось, видимо, он приехал в Саратов лишь к концу года, и первые документы, адресованные ему, обнаружены лишь с начала 1661 г. Принимать дела у Данилы Хитрово Ивану Косагову не пришлось, тот умер на воеводском посту в Саратове, так и не дождавшись своего сменщика. О кончине Данилы Хитрово в Саратове прямо говорится в родословной книге «*А Данило служил в столниках и во 168-м году был на Саратове воеводою, и там умре бездетен*» [4, с. 19]. В этой записи лишь констатируется факт, что Данила Хитрово был в Саратове в 716 г. и умер в этом городе. На основании этой записи составитель родословной Ф. Н. Хитрово не совсем точно указал,

что Данила Хитрово «в 168 (1659–1660) году был назначен воеводою в Саратов, где в том же году умер бездетным» [3, с. 49].

На самом деле Данила Хитрово был назначен воеводой не в 168, а в 167 (1658/59) г. и умер в следующем году. Точная дата смерти неизвестна, можно лишь предположить, что это произошло в июне – июле 1660 г. Во всяком случае, уже в августе 1660 г. в Москве знали о кончине Данилы Хитрово. Ему еще не было и 40 лет. В Саратове вместе с мужем находилась его жена Марья, детей у них не было, он умер бездетным. После смерти мужа вдова Марья написала челобитную в Москву, просила отпустить ее в столицу вместе с гробом супруга. В это время после смерти воеводы Хитрово временно исполнял его обязанности упомянутый ранее Петр Климов. Видимо, он был одним из наиболее видных служилых людей города, поэтому ему поручили эту должность. В августе 1660 г. последовала резолюция из Москвы Петру Климову: «На Саратов, к саратовцу к Петру Климову, по челобитью стольника Данила Хитрово жены его, вдовы Марья, велено ее с Саратова отпустить к Москве» [6, с. 8].

В начале статьи говорилось о действиях воеводы Саратова Данилы Хитрово и служилых людей под руководством Леонтия и Петра Климовых против воровских казаков, о которых писали в свое время С. М. Соловьев, А. И. Шахматов, А. А. Герасимов и другие авторы [1, с. 311–312; 2, с. 67–69; 30, с. 203–209]. В 1917 г. в одном из томов Русской Исторической Библиотеки (Донские дела, кн. 5) было опубликовано дело по отписке воеводы Саратова Д. В. Хитрово, которое состоит из двух отписок саратовского воеводы, расспросных речей воровских казаков, царской грамоты Войску Донскому, а также списка саратовских детей боярских и стрельцов, отличившихся в данном походе осенью 1659 г. [31, стб. 532–546]. Подробно данный сюжет ранее рассмотрен автором в одной из статей о служилых людях Климовых. С донесением в Москву о результатах данного похода был отправлен Петр Климов, которому уже в следующем году придется исполнять обязанности воеводы Саратова [32, с. 70–80].

За короткое время пребывания в Саратове (зима 1659 – весна 1660 г.) Даниле Хитрово пришлось встречать и провожать многих важных персон. О русских послах в Грузию, Персию и среднеазиатские государства за этот период сведений в источниках не обнаружено, чего нельзя сказать об иноземных гостях. Учитывая возобновившиеся разбои на Волге воровских казаков, воеводе Даниле Хитрово приходилось принимать неотложные меры для обеспечения безопасности купцов, послов и других знатных иноземцев, некоторые из которых останавливались в Саратове на длительный период.

В 1658 г. на западе страны возобновились боевые действия против Польши, которую поддерживали крымцы с турками, на Украине изменил гетман Иван Выговский, заключив союз с поляками и крымским ханом, в июне 1659 г. произошел разгром русской армии под Конотопом. Русскому правительству, чтобы избежать войны на два фронта, приходилось на востоке урегулировать отношения с Персией, которая вместе со своими вассалами вела агрессивную политику на Кавказе против терских воевод и сторонников грузинского царя Теймураза (он в то время находился в России).

В мае 1659 г. воеводам Казани и Астрахани были отправлены царские грамоты об обеспечении безопасного плавания отправленных из Москвы в Персию «персидских купчин Наврус Аги и Семшешамета с их людьми». Их сопровождал казанец Артемий Пансырев, которому была дана «память о препровождении до границ» этих персидских купчин [33, л. 98]. По расчетам персияне по пути в Астрахань останавливались в Саратове в середине июля 1659 г.

В конце 1659 г. в Саратове зазимовал персидский гонец Ага Мамет Сали (Ага Мамет Сали-бек) со своей свитой. В феврале 1660 г. он отправил из Саратова (!) в Москву своего человека Алибек-мирзу напрямую, сухим путем, не дожидаясь начала навигации на Волге. Этот Алибек-мирза 15 марта 1660 г. прибыл из Саратова в Москву «с прошением о приготовлении к приезду его двора», видимо, свита персиянина Ага Мамет Сали-бека была значительной и был он не простым гонцом [33, л. 98].

1 апреля 1660 г. в Москву прибыл персидский купчина Мурат-Хан. Видимо, осенью 1659 г. он проплывал из Астрахани в Казань через Саратов при воеводе Даниле Хитрово и зимовал в Казани. В дворцовых разрядах говорится, что 12 апреля 1660 г. состоялся прием царем в Кремле в Золотой палате «Кизылбаских купчин» [34, стб. 223]. Уже в июне 1660 г. он был отправлен обратно в Персию [33, л. 99]. По возвращении в Саратове (в августе) его встречал вместо умершего Данилы Хитрово Петр Климов.

В мае – июне 1659 г. Саратов неожиданно превратился в «грузинский центр». Вначале сюда прибыли послы от имеретинского царя Александра (зятя грузинского царя Теймураза) Русап Георгиев, казначей Петр Иванов и священник Гаврила со своими людьми, которые остались здесь дожидаться высокого грузинского гостя [35, л. 30]. К тому времени воеводе Хитрово уже поступил царский указ подготовиться к встрече грузинского царя Теймураза, возвращавшегося из Москвы на родину. Теймураз выехал из Казани 7 мая 1659 г., а 5 июня прибыл в Саратов, где его встретил Данила Хитрово [36, с. 189]. Год назад, в июле 1658 г., Данила Хитрово присутствовал в Москве на торжественном приеме в честь царя Теймураза, и теперь новая встреча

уже в Саратове, где его ждали имеретинские послы царя Александра. Они сообщили Теймуразу печальную новость о смерти его внука Луарсаба Давыдовича, а с другой стороны, хорошую весть о победах царя Александра над турками в Гурии и Мегрелии и о том, что все западно-грузинские правители стали союзниками Теймураза. Грузинский царь здесь же в Саратове написал письмо царю Алексею Михайловичу с просьбой отпустить домой в Грузию его внука Николая (Ираклия) Давыдовича (престол свободен!). Гонец, отправленный из Саратова воеводой Хитрово, доставил это письмо в Москву. Осенью 1659 г. в Москву прибыли новые послы от царя Теймураза (митрополит Георгий) и от царя Александра (дворянин Марк Томаев), которые также сообщали о победе над турками и просили об отпуске в Грузию Николая Давыдовича [35, л. 31]. Сам Теймураз в конце 1659 г. уже добрался до Имерети [36, с. 189]. Что касается возвращения на родину его внука Николая Давыдовича, то он 8 мая 1660 г. был у государя «на отпуске» и вскоре уехал из Москвы в сопровождении русских послов в Имерети Б. Мякинина и Я. Ушакова и имеретинских послов. В июле 1660 г. Николай Давыдович и его мать царица Елена Леонтьевна со свитой прибыли в Саратов, где их торжественно встречал уже не воевода Данила Хитрово, а Петр Климов. Известно, что 18 августа 1660 г. грузинский царевич приехал в Астрахань [9, стб. 515–530; 36, с. 190]. Правда, обстановка в Грузии к тому времени изменилась, союзник Теймураза царь Александр умер, там началась междоусобица, и в итоге Теймураз оказался в плену у шаха Аббаса II, а Николай Давыдович в 1666 г. вернулся в Россию.

Кроме знатных грузинских персон, в октябре 1659 г. в Саратове останавливался возвращавшийся из Москвы на родину посол из Хивы от хана Абул-Гази Девлет Мухаммед Шукуров со свитой в 16 чел. (6 посольских и 10 царевых людей) [37, с. 94].

Осенью 1659 г. Даниле Хитрово пришлось встречать в Саратове особо ценный груз. Армянский купчина Ходжа Захария Саргадов (Сардаганов) привез царю Алексею Михайловичу в дар от торговой Армянской компании из Испании кресла, «*оправленные золотом и серебром с алмазами, яхонтами и жемчугами*», которые оценены в 22589 руб. 60 коп. и другие подарки. В Москве Сардаганов находился с 28 марта по август 1660 г. [38, л. 2]. Что касается ценного подарка, преподнесенного армянскими купцами царю Алексею Михайловичу в благодарность за предоставленные торговые привилегии, то он сохранился до настоящего времени – это тот самый алмазный трон, который хранится в Оружейной палате.

Когда Данила Хитрово находился в Саратове, его старший брат Дмитрий Варфоломеевич

служил воеводой в Белёве. Он пережил брата более чем на 10 лет, у него было 4 сына (Иван, московский дворянин, Михаил, стольник, Дементий и Василий, которые умерли рано). Сыновья Ивана и Михаила не оставили потомства мужского пола, ветвь Дмитрия Варфоломеевича пресеклась уже в Петровскую эпоху. Также не оставил потомства единственный сын стольника Петра Варфоломеевича Яков (1699–1748). Только у самого младшего брата Данилы стольника Афанасия Варфоломеевича были сыновья, внук и правнуки. Но и эта ветвь пресеклась в начале XIX в.

Как видим, биография Данилы Варфоломеевича Хитрово была типичной для многих представителей Государева двора XVII в. Ранняя смерть на воеводском посту в Саратове не позволила ему принять участие в событиях завершающего периода русско-польской войны, в подавлении восстания Степана Разина, его имя очень редко упоминается в источниках. Поэтому биография стольника Данилы Хитрово получилась весьма скромной, отрывочной и не такой яркой, как у его современников, предшественников на воеводском посту в Саратове, родившихся в последние годы Смутного времени или в начале 1620-х гг. и переживших его – Аверкия Болтина, Василия ФеофилаТЬева, Алексея Чирикова, Василия Нелединского. Даже на придворной службе он редко упоминается в разрядах, в отличие от стольника Никиты Головина, которого он сменил в Саратове. Будем надеяться, что найдутся источники, которые помогут раскрыть неизвестные этапы биографии Данилы Хитрово, в том числе подробности Литовской службы, пребывания в Цивильске и на Ливнах, а также родственные связи по линии жены и земельные владения.

Список литературы

1. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен // Сочинения : в 18 кн. М. : Голос, 1995. Кн. 6, т. 11–12. 736 с.
2. Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова и его округа, составленные А. И. Шахматовым / под ред. Вл. Г. Вучетич. Саратов : Типо-лит. П. С. Фокритова, 1891. Вып. 1. [4], XII, 206, 17 с., 3 л. ил., карт.
3. [Хитрово Ф. Н.]. Родословная книга рода Хитрово. СПб. : В типографии В. Н. Майкова, в Д. Мин. Фин. на Дворцовой площади, 1866. XXIII, 334 с.
4. [Хитрово Ф. Н.]. Приложение к Родословной книге рода Хитрово. СПб. : В типографии В. Н. Майкова, в Д. Мин. Фин. на Дворцовой площади, 1867. 409, 59 с.
5. Гоздаво-Голомбиевский А. А. Грамоты по Саратову, хранящиеся в Московском архиве Министерства Юстиции: Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе стольнику Даниилу Вахромеевичу Хитрово о запрещении Кадашевцу Герасиму

- Богданову братъ подрядных ловцов Новоспасского монастыря. 1659, марта 3 // Труды СУАК. Саратов : Типография Губернского земства, 1888. Т. 1, вып. 4, № 6. С. 446–448.
6. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова: записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. 26 с.
7. *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1902. X, 611 с.
8. *Гераклитов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов : Типография Союза печатного Дела, 1913. Вып. 30. С. 61–82.
9. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб. : В Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1852. Т. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.
10. *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / сост. статский советник Иванов. М. : В типографии С. Селивановского, 1853. [4], VI, 498, [3] с., [3] л.
11. Боярская книга 1639 г. / отв. ред. В. И. Буганов, подг. текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина ; вступ. статья М. П. Лукичева ; предисл. Н. М. Рогожина. М. : Российская академия наук ; Институт Российской истории ; Федеральная архивная служба России, РГАДА, 1999. 268 с.
12. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дворянские фамилии Рязани (Родословная роспись Хитрово. 1686, мая 22) / публикация Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия: научный альманах. М. : Старая Басманная, 2018. Вып. 3. С. 121–126.
13. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подг. к печати А. А. Зимин ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. 456 с.
14. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вв. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 616 с.
15. Боярская книга 1627 г. / под ред. и с предисл. В. И. Буганова ; подг. текста и вступ. статья М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М. : Институт истории СССР Академии Наук СССР, 1986. 208 с.
16. *Жаринов Г. В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории : в 8 вып. Вып. 8. М. : Дрвлекранилище, 2007. С. 382–483.
17. Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин ; подг. текста В. А. Кадик. М. : ИРИ РАН, 2004. 333, [2] с., [1] л. портр.
18. Боярский список 1602–1603 годов // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2004. С. 258–291.
19. Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сборник документов / отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : Наука, 2003. № 39. С. 132–155.
20. Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалова // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1894. Т. 15. С. 1–209.
21. Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII веков : в 9 т. Т. 1 : Книга сеунчей и документы разрядного приказа о походе Лисовского / отв. ред. Б. Н. Флоря. М. ; Варшава : Археографический центр, 1995. С. 19–98.
22. Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. Т. 8 / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава : Дрвлекранилище, 2009. 692. (1) с.
23. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / авт. и сост. А. В. Антонов, В. Ю. Беликов, А. Берелович, В. Д. Назаров, Э. Тейро. М. : Дрвлекранилище, 2010. 1660 с.
24. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов [сост. Е. Н. Горбатов]. М. : Дрвлекранилище, 2015. 735, [1] с.
25. Боярская книга 1629 года / публ. Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 11 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2022. С. 63–254.
26. *Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : [в 2 т.]. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань : Институт истории АН РТ, 2009. Т. 2. 463 с.
27. Челобитные о приеме в жильцы и документы к ним (1641–1647 гг. / публ. Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 8 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2020. С. 49–223.
28. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1: Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент (объединение фондов). Ч. 1: Подлинная архива. Ед. хр. 14.
29. Записная книга Московского стола 7157 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 401–490.
30. *Гераклитов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Друкарь, 1923. 378 с.
31. Дело по отпискам Саратовского воеводы Данилы Хитрово о воровских донских казаках, грабивших суда на Волге. 1659, сентябрь – ноябрь // РИБ. Т. 34 : Донские дела, кн. 5. Пг., 1917. № 27. Стб. 532–546.
32. *Рабинович Я. Н.* Служилые люди по отечеству Климовы в левобережном Саратове (третья четверть XVII в.) // Военно-исторические исследования в Поволжье : сборник научных трудов / отв. ред. А. В. По-

- садский. Саратов : Техно-Декор, 2019. Вып. 12–13. С. 70–80.
33. РГАДА. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 1: Книги и дела. Реестр II Персидского двора старых лет делам, в столпцах содержащихся. С 1588 по 1700 год / описывал переводчик Алексей Малиновский.
34. Дополнения к Тому 3-му Дворцовых разрядов, издаваемых по Высочайшему повелению 2-м отделением собственной ЕИВ канцелярии. СПб., 1854. 486 стб.
35. РГАДА. Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 1. Книги и дела. 1586–1719 гг. Реестр Грузинским и Имеретинским делам, учиненный 1794 года коллежским асессором Алексеем Малиновским и вновь пересмотренный Д. С. Советником Николаем Бантыш-Каменским 1805 года. Реестр II Грузинских царей старых лет делам в столицах содержащимся с 1586 по 1700 год.
36. *Накашидзе Н. Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII в. Тбилиси : Сабчота Сакартвело, 1968. 289 с.
37. *Веселовский Н. И.* Прием в Россию и отпуск среднеазиатских посольств в XVII и XVIII столетиях по документам МГА МИД // ЖМНП. 1884. Кн. 7. С. 69–105.
38. РГАДА. Ф. 100: Сношения России с Арменией. Оп. 1: Дела 1626–1719 гг. (реестр Армянским делам).

Поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 114–122

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 114–122

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-114-122>, EDN: RBTYLZ

Научная статья

УДК [94+342.25](470.61-25)|1779/1870| (=19)

«Смотрители» в системе самоуправления Нахичеванской армянской колонии на Дону (1779–1870 годы)

Л. В. Батиев

Южный научный центр Российской академии наук, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41

Батиев Левон Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политологии и права, batiev@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3351-8039>, AuthorID: 508681

Аннотация. Смотрители были учреждены в 1779 г. как «заступники» переселенцев. В Нахичевани они упоминаются лишь в 1784 г. (в 1782–1783 гг. – городничий). Назначенные заново магистратом в 1837 г. два смотрителя (урядника) функционировали до 1844 г., их функции были переданы обратно заседателям магистрата. Штатами 1780 г. в селениях были утверждены четыре смотрителя. Они как нижние полицейские чины, действующие по «Инструкции», полученной от магистрата, просуществовали до реформ 1860-х гг.

Ключевые слова: Нахичеванская колония, самоуправление, селения, магистрат, заседатели, смотрители, полиция

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ЮНЦ РАН № 122020100350-2 «Стабильность южного макрорегиона: политико-правовые, социальные и этнокультурные аспекты».

Для цитирования: Батиев Л. В. «Смотрители» в системе самоуправления Нахичеванской армянской колонии на Дону (1779–1870 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 114–122. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-114-122>, EDN: RBTYLZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Caretakers” in the system of self-government of the Nakhichevan Armenian colony on the Don (1779–1870)

L. V. Batiev

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41 Chekhov Avenue, Rostov-on-Don 344006, Russia

Levon V. Batiev, batiev@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3351-8039>, AuthorID: 508681

Abstract. Caretakers were established in 1779 as “protectors” of settlers. They were mentioned in Nakhchivan only in 1784 (in 1782–1783 – the town governor). Newly appointed by the magistrate in 1837, two custodians functioned until 1844, and their functions were transferred back to the magistrate’s assessors. In 1780, four custodians were appointed in the villages. They, as lower police officers, acting according to the “Instruction” received from the magistrate, existed until the reforms of the 1860s.

Keywords: Nakhchivan colony, self-government, villages, magistrate, assessors, overseers, police

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences No. 122020100350-2 “Stability of the southern macroregion: Political, legal, social and ethnocultural aspects.”

For citation: Batiev L. V. “Caretakers” in the system of self-government of the Nakhichevan Armenian colony on the Don (1779–1870). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 114–122 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-114-122>, EDN: RBTYLZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 1778–1779 гг. состоялось организованное царским правительством переселение более 14 тыс. крымских армян в низовья Дона. Правовой статус образованной армянской колонии – г. Нахичевана (с 15 февраля 1838 г. – Нахичеван на Дону [1]) и пяти армянских сел был определен «Жалованной грамотой вышедшим из Крыма христианам армянского закона»

14 ноября 1779 г. Своим «милостивым словом» Екатерина II даровала армянам из Крыма самоуправление, гарантировала ряд привилегий и покровительство государства [2].

Специфическая система самоуправления Нахичеванской армянской колонии, особенно в ранний период ее истории, мало изучена в силу ограниченности источников. Нет точных сведе-

ний о том, когда и на каких основаниях была введена должность городского головы, нет более-менее полных данных о составе и работе магистрата и т. д. Пункт 5 жалованной грамоты, ставший основанием армянского самоуправления, среди прочего гласил: «В городе же и в деревнях для защиты во всех нужных случаях определяются особые начальники из российских, коим в судопроизводстве сих поселян не мешаясь, быть токмо охранителями и их заступать» [2, с. 878]. Однако о деятельности «особых начальников», которые вскоре стали именоваться «смотрителями», мало что известно. Между тем обнаруженные архивные материалы в сочетании с другими источниками позволяют подробнее охарактеризовать организацию самоуправления в Нахичеванском армянском округе и определить место «смотрителей» в этой системе.

Общая картина управления в колониях выглядела следующим образом. В 1779 г. была создана комиссия поселения выведенных из Крыма христиан. Ее задачей было обустройство переселенцев, учреждение судов, заведение «домостроительства», земледелия и т. п. в Азовской губернии [3, с. 181–182]. В состав комиссии входили, в частности: «Надворный Советник: Николай Алексеевич Марин Секунд-Майор: Петр Трофимович Горленский. Секунд-Майор: Иван Васильевич Тибекин. В должности Секретаря: Полковой Квартермистр Петр Апурин. В Армянском Магистрате: Председатель: Капитан Иван Абрамов. Заседатель: Андрей Попов» [4, с. 416]. В 1782 г. комиссия в связи с выполнением основных обязанностей была ликвидирована, все дела были переданы в Азовскую губернскую канцелярию [3, с. 182].

В жалованной грамоте единственным органом самоуправления армянской колонии назван магистрат. Нахичеванский армянский магистрат состоял из председателя (первого судьи) и четырех заседателей (или судей) с аппаратом служителей. Первым председателем магистрата был избран Иван Абрамович Абрамов (Ованес Абрамян) родом из Кафы (Феодосия), поступивший на русскую службу в 1771 г. В 1772 г. он был определен на службу в бывший Малороссийский компанейский полк есаулом, а 1 мая 1779 г. из сотников произведен в капитаны. В 1776 г. Иван Абрамов проживал в Еникале на берегу Керченского пролива, которая с 1772–1774 гг., как и Керчь, была включена в состав России [5, с. 5]. В 1779 г. он в числе делегатов от переселенцев отправился в Петербург и 26 ноября 1779 г. привез землякам долгожданную грамоту императрицы Екатерины II [6, с. 274]. И. А. Абрамов оставался председателем магистрата по крайней мере до 1786 г. его же называют первым главой шестигласной думы [7, с. 14].

В 1795 г. на замену шестигласной думе (образована в 1788 г. в соответствии с «Городовым положением» 1785 г.) пришел Совет

24 попечителей. Этот аналог городской думы просуществовал, постепенно угасая, до конца 1830-х гг., чтобы потом возродиться ненадолго в период реформ в 1866–1872 гг. [8].

Первыми заседателями магистрата в 1781–1783 гг. были Мартын Иванов (Мартiros Ованесов), Агоп Егияев (Егиазаров), Мгрдыч Бедросов (Никита Петров), магдеси (паломник по святым местам) Егиазар Бабасинов [6, с. 249]. В «Месяцеслове» на 1781 г. заседателем магистрата назван Андрей Попов [4, с. 416]. На 1782 г. вместо Е. Бабасинова мы видим Варгана Атамова [9, с. 142; 10, с. 471]. 15 июня 1790 г. председателем магистрата числится уже поручик Никита Петров (Мгрдыч Бедросов) [9, с. 142].

Имперская администрация в магистрате была представлена стряпчим (секретарем) «из российских». Г. Патканян указывал, что первым секретарем был губернский секретарь Тимофей Наумович Любенков [6, с. 250, 253, 255; 11, с. 44]. Но из справочников того времени следует, что в 1782–1894 гг. должность секретаря в магистрате занимал губернский регистратор Осип Мефтодовский, а коллежский секретарь (а под конец службы – коллежский советник) Т. Н. Любенков – с 1804 г. до 1825 г. [9, с. 98, 142; 12, с. 477; 13, с. 74] (относительно промежутка с 1795 по 1803 г. сведений не имеется). Из его формулярного списка на 1798 г. известно, что Тимофей Любенков, 39 лет, происходил из дворян, крестьян и подданных не имеет, поступил на службу «Новороссийской губернии при бывшем земском Кишенском правлении писарем 776 Ноября», «женат, имеет сынов Платона 11, Владимира 7 и Николая 5, кои находятся при доме» [14, с. 57]. Последним секретарем магистрата в середине XIX в. был отец известного таганрогского историка Петр Филевский [15].

Первым городским головой был избран еще на пути в будущий Нахичеван Михаил Кохбетлян (Микаэл Когбетлиев): он потом трижды (по 3 года) занимал эту должность. Статус и функции городского головы не были определены. По правилам, присланным из Екатеринославского наместнического правления, выборы на эту должность начались с 1794 г. [16, л. 4–4 об.]. Однако даже в 1807 г. Таганрогский градоначальник Б. Б. Кампенгаузен, составивший подробное «Топографическое и статистическое описание торгового города Нахичевана в 1807 году», отметив всех должностных лиц (включая вспомогательных канцеляристов и т. п.), даже не упомянул о существовании городского головы [17].

После упразднения «Комиссии по поселению...» в системе Нахичеванского городского управления обнаруживается должность городничего (с 1775 по 1862 г. городничий был главой административно-полицейской власти уездного города). В 1782–1783 гг. «в Нахичеване за городничего: премьер-майор Иван Макарьевич Володимиров» [9, с. 98; 12, с. 477]. Однако уже

на следующий – 1784 г. – «пример-майор Иван Володимиров; секунд-майор Андрей Сибиряков» названы «смотрителями» в Армянском нахичеванском магистрате [18, с. 487]. Это – первое известное упоминание должности смотрителя.

При основании Нахичевани уже была создана своя полиция: «Одному ловкому молодому человеку отдали в распоряжение полицейскую команду из 5-и конных и 5-и пеших полицейских... Их обязанностью было день и ночь караулить в городе, наблюдать за чистотой, защитить дома от пожаров» [11, с. 43]. Об этом писал также Б. Б. Кампенгаузен: «Для полиции по приговору общества и выбору онаго определен один чиновник, вроде пристава, с жалованьем по 150 руб. в год, в ведении коего под главным управлением магистрата состоит шесть пеших и шесть конных наемных караульных и разсылщиков» [17, л. 30 об.].

Первым главой нахичеванской полицейской команды, как указывал его далекий потомок, был Степан Чалхушьян (Чалохушев, Челехушев) [19] – один из проживавших в Еникале компанейских сотников, переселившихся в Нахичевань [5, с. 5–6] (в 1800 г. он уже капитан) [20, л. 1–1 об.]. В дальнейшем полицейскую службу в Нахичевани продолжали возглавлять жители города. Так, например, в 1806–1809 гг. управляющим полицией был Хачерес Мхитарян [11, с. 69], в 1809–1821 гг. в официальных справочниках управляющим полицией назван сотник (в 1815 г. – губернский секретарь) Христофор Никитич Мясников [21, с. 468; 22, с. 208; 23, с. 218; 24, с. 226; 25, с. 229; 26, с. 237; 27, с. 233; 28, с. 237; 29, с. 236; 30, с. 242; 31, с. 243] (это одно лицо: Хачерес на русский лад – Христофор, Никитич произошло от переделанного Мхитарян (по созвучию), обозначающего отчество, а фамилия явную представляет собой новообразование, которое встречается в делах магистрата Нахичевани не позднее 1800 г. [20, л. 1–1 об.]). В 1815 г. «нахичеванский полицмейстер сотник Мясников» Таганрогским градоначальником был представлен к награждению [32]. Он оставался в указанной должности по крайней мере до 1832 г. включительно [11, с. 108]. Г. Патканян называет его также городничим применительно к 1824–1825 гг. [11, с. 81].

Таким образом, уже в первые годы основания Нахичеванской армянской колонии существовал институт «смотрителей» – не только в селениях, но и в городе, чьи функции совпадали с полицейскими. Есть архивное свидетельство о том, что руководством Азовской губернии были назначены не только председатель и четыре судьи магистрата вместе с секретарем, но и четыре смотрителя в армянские села [33, л. 13 об.].

«Смотрители» армянских сел, как и служащие канцелярии магистрата, находились в ведении секретаря (стряпчего) магистрата [34, с. 10].

Однако статус самого секретаря был противоречив: «Хотя дьяк не имеет равной с судьями власти, потому что он есть подчиненный их, однако же он обязан наблюдать, чтобы все судебные бумаги были написаны по закону и в порядке» [35, л. 227 об.]. При такой двойственности полномочий секретарь фактически оказывался в полном подчинении судей магистрата. Как справедливо отметил сенатор Жемчужников, а позднее и авторы отчета о состоянии дел в судебно-полицейской сфере в середине XIX в., секретарь магистрата совершенно подавлен «энергией членов, строго держащихся правила устранять всякое влияние начальства на их дела» [36, с. 57]. Следовательно, и в отношении смотрителей его «власть» была не самостоятельной, а производной от магистрата.

Управление в селениях осуществлялось избираемыми сельским обществом атаманом, четьрьмя стариками (старейшинами), при участии смотрителя. «Занятия сельских управ: приведение в исполнение распоряжений градского головы и армянского магистрата, до их сословий относящихся и разборы маловажных дел местных обывателей. Вопросы же по предметам до интересов и нужд сельского общества относящиеся обсуждались в собрании избранных на мирском сходе, коих приговоры представлялись на утверждение совету городских попечителей» [37, л. 45 об.–46; 38, л. 95–95 об.]. Сельских старшин, «по избранию сословиями утверждал армянский магистрат на один год и снабжал их инструкциями, изображенными в данных им открытых указах. Сельские управления по судебным и административным делам подведомы, как и их сословия Нахичеванскому армянскому магистрату, а по хозяйственному управлению совету попечителей» [37, л. 48 об.]. Такая система сельского самоуправления – смотритель, атаман, старики, сельский сход – сохранялась и во второй половине XIX в. [39, л. 26–31; 40; 41, с. 65; 42, с. 10].

Приведем для примера сведения об одном из смотрителей этого периода. 19 июля 1852 г. в селение Большие Салы смотрителем был назначен писец первого разряда Федор Львович Алферов, 26 лет, православного вероисповедания. Женат он был на Пелагее Алтухиной, имел двух сыновей 1849 и 1851 гг. рождения. Из формулярного списка Ф. Л. Алферова видно также, что происходил он из дворянского рода, имени ни родового, ни благоприобретенного ни он, ни его жена не имели. Жизненный путь Алферова достаточно простой – по окончании курса наук в Сумском уездном училище в службу вступил в Лебединский земский суд канцелярским служителем 1-го разряда в январе 1841 г., затем по прошению был уволен в отпуск, вновь по прошению определен в Ростовскую городскую полицию в число канцелярских

служителей, позже переведен в Лебединский земский суд. И уже оттуда перемещен «ведомства Нахичеванского армянского магистрата смотрителем армянского селения Салов» [43, л. 19–20].

Жалованье от казны смотритель получал в размере 17 руб. [43, л. 19–20]. Полноценное обеспечение смотрителей – 60 руб. жалованья, жилья, топлива, пуд масла, два мешка пшеницы, сено для лошадей – было возложено на жителей сел [41, с. 49].

Обязанности сельских смотрителей подробно изложены в «Инструкции смотрителям армянских селений ведомства Нахичеванского армянского магистрата». Она находится внутри большого дела в 240 листов, содержащего разнообразные материалы начала XIX в. в основном на армянском языке [33, л. 68–75]. Текст представляет собой рукописную копию с оригинального документа (на это указано в начале самого документа), написанную в двух столбцах, в левом – на русском языке, в правом – на армянском. К сожалению, копия осталась незавершенной – текст заканчивается § 32. Тем не менее на сегодня это самый содержательный документ о смотрителях. Он подробно описывает статус, правовые основания, содержание и порядок деятельности сельских смотрителей. Копия написана коричневыми чернилами на листах писчей бумаги стандартного формата голубоватого цвета, одним писарским почерком.

Инструкция отражает более чем сорокалетний опыт функционирования смотрителей в армянских селах Нахичеванского округа. В ней также содержатся отсылки к общеимперским нормативно-правовым актам. Это – «Учреждения для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. [44], «Устав благочиния или Полицейскому» от 8 апреля 1782 г. [45], именной указ, данный Управляющему министерством полиции, с Приложением дополнительных правил об устройстве дорог от 13 декабря 1817 г. [46], именной указ, данный Сенату «Об учреждении в каждой губернии комиссии для продовольствия в неурожайные годы жителей хлебом и денежным пособием» от 14 апреля 1822 г. [47]. Время составления «Инструкции» не указано, но из текста ясно, что это произошло не ранее апреля 1822 г.

«Инструкция» закрепила уже вполне оформившийся статус смотрителей. «Охранители и заступники» (смотрители) в армянских селениях находятся полностью в подчинении у Нахичеванского магистрата. В первом же параграфе «Инструкции» подчеркивается их должностная подчиненность: «Определенные в каждое армянское селение... начальники, именуясь ныне смотрителями состоят в зависимости Нахичеванского армянского магистрата» (§ 1). Функционал смотрителей определен во втором параграфе: смотрители составляют совместно с сельскими старостами сельскую полицию, и «исправляют

все письменные дела, до сельской полиции относящиеся». Но при этом, что особенно важно для составителей «Инструкции», «в разбирательство между поселянами отнюдь не вмешиваются» (§ 2). Полномочия смотрителей в отношении сельских старшин ограничены – они вправе только наблюдать за исполнением старшинами своих обязанностей «единолично по полицейской части», не имея права предпринимать и в этих вопросах самостоятельных действий, но лишь докладывая о нарушениях магистрату (§ 4).

Инструкция определяла правила делопроизводства и отчетности смотрителей. Они должны вести ежегодные книги учета по форме (прилагалась к «Инструкции»), записывая в них поручения магистрата и отмечая время исполнения. Раз в две недели смотрители с нарочным отправляют отчеты по исполненным делам (§ 8) и не менее трех раз в год они лично представляют для проверки в магистрат книги учета с пояснениями по поводу невыполненных дел (§ 7).

Смотрители обязаны были иметь сведения о «числе жителей в селениях, также о пространстве и местоположении оных», кратчайших путях между селениями и прилегающими к ним хуторами, промыслах и занятиях жителей (§ 3). Обеспечение порядка и безопасности – первые в списке обязанностей смотрителей. Согласно § 5 смотрители осуществляли наблюдение за нарушением частного и общего порядка и благочиния и сообщали о всех обнаруженных нарушениях узаконений. Они несли ответственность за выявленные помимо них на территории сел беспорядки, но при этом сами «воздерживаются от принятия на свое лицо частных жалоб и просьб, как-то : в завладении недвижимым имуществом, в неплате оных долгов, в личных ссорах и тому подобному, подлежащих разбору или магистрата или самих поселян» (§ 6).

В отношении сохранения благочиния и порядка смотрители обязаны были руководствоваться «Уставом благочиния или Полицейским» от 8 апреля 1782 г. (§ 19) [45]. В частности, «а. во время отправления богослужения крестных ходов вокруг селения и молебствий в полях и б. при стечении народа во время базаров и сельских празднеств» велено поступать по силе статей 256 и 261 Полицейского устава (§ 18).

Традиционной для полицейской службы была борьба с бродяжничеством и лихими людьми. При получении сведений о появлении подозрительных людей, шайке воров и разбойников смотритель должен был организовать силами обывателей их поимку, провести «начальный опрос» и отправлять со всеми вещами и деньгами «за крепчайшим караулом десятских и обывателей». При необходимости (побег задержанных или многочисленность «воров и разбойников») следовало известить соседние села (даже и относящиеся к другим ведомствам) и донести магистрату (§ 9, 10). При выявлении на допросе

пристанодержателей «или подобных им зловерных людей в селениях» смотритель находит пристанодержателей и доносит магистрату. Вообще, от всякого проходящего или проезжающего через селение, кто покажется подозрительным, смотрители обязаны были потребовать «вида», при отсутствии которого – задерживать таких и отсылать в магистрат. Всем же прочим, имеющим узаконенный вид, необходимо оказывать «всякое вспомоществование, особенно в ночлеге ночью и зимнею порою» (§ 10). Нищих попрошаек из соседних селений смотрители отсылают обратно своей властью, а из других уездов и губерний – доставляют в магистрат (§ 11).

В «Инструкции» нашли свое отражение и опасения властей перед распространением вымышленных указов, постановлений и манифестов. Согласно «Инструкции» смотрители «пресекают таковые разглашения внушениями и вразумлениями жителей», но если «произойдет ропот и самое возмущение в народе», то открывают «начинщиков таковых вредных разглашений и задерживают их под караулом» (§ 12).

Смотрители как полицейские чины обязаны были также организовать первичные действия в случаях скоропостижной смерти (утопление и др.) – о них доносят в магистрат, чтобы командировали медицинского чиновника для освидетельствования «и члена (полицейского заседателя магистрата. – Л. Б.) для произведения исследования, а сами между тем принимают меры к сохранению тел до освидетельствования от поверенного» (§ 15). Им же вменялось в обязанность удовлетворять запросы должностных лиц «о поимке тайно провозителей корчобного вина и об открытии в самых селениях корчобства» (§ 29).

В связи с периодическими недородами, неурожаями и соответствующими трудностями снабжением хлебом в России, начиная с 1760-х гг., предпринимались законодательные и административные меры для обеспечения запасов на случай неурожая. Высочайшим указом от 14 апреля 1822 г. были установлены основания для составления внутренних запасов и меры пособия в неурожайные годы, контроль за выполнением норм которого в армянских селах Нахичеванский магистрат возложил на смотрителей.

Смотрители периодически «проверяют хлебные запасы в сельских запасных магазинах, побуждают поселян чрез сельских старшин к взносу в оные в свое время». Они «наблюдают, чтобы смотрители к магазинам избираемы были из благонадежных поселян», а также следят за тем, чтобы не было «самовольной роздачи поселянам из магазейнов хлеба, и растраты оного без разрешения высшего начальства» (§ 31).

Традиционной сферой деятельности полиции была пожарная служба и надзор. Смотрители

через сельских старшин предупреждали сельских и хуторских жителей о крайней предосторожности от огня как в домах, так и в полях, следили за тем, чтобы в каждом дворе имелся какой-либо инструмент для погашения пожара, как-то: багры, лестницы, ведра, топоры и прочее (§ 16). Они же должны были руководить тушением пожаров, выяснять их причины, а при выявлении поджигателей и пособников – задерживать таковых под караулом и доносить магистрату (§ 17).

В ведение смотрителей входил и санитарный надзор «за чистотою и опрятностью в селении, на улицах», за складированием сена, соломы и прочих пожароопасных запасов, чтобы сельские жители, имея весьма пространные усадебные места, все складывали за дворами и на гумнах, за тем, чтобы в селениях «падшей скотины и прочего вредного здоровью отнюдь не было» (§ 20). При появлении инфекционной (прилипчивой) или повальной болезни, донося об этом магистрату, «смотрители своей властью обеспечивают изоляцию больных в особые избы и необходимые карантинные мероприятия, действуя на основании 238, 239 и 240 статей высочайшего о губерниях учреждения» (§ 13). Вообще смотрители всемерно должны были следить за тем, чтобы поселяне избегали разного рода опасностей. Так, им вменялось в обязанность через сельских старшин внушать жителям не пускать детей на лед «при начальном замерзании вод», чтобы избежать несчастных случаев (§ 26) и оказывать всю необходимую помощь при их наступлении (§ 27).

Контроль за исправностью дорог, мостов на балках, гатей, перевозов (переправ через водные преграды) также входил в круг обязанностей смотрителей. На основании «Правил» 13 декабря 1817 г. (которыми магистрат обязался снабдить сельских чиновников) смотрители должны были «побуждать поселян чрез сельских старшин к безоговорочному содержанию в исправности». Кроме того, раз в месяц смотрители должны объезжать «дистанции свои для осмотра больших дорог», и информировать об их состоянии магистрат (§ 21).

В описываемом деле сохранилось также «Наставление по указу его императорского величества из Нахичеванского армянского магистрата председателю оного Мануилу Магардычеву Попову и заседателю Ованесу Карабетову Хазезову» от 18 апреля 1818 г., которое содержит требования к обустройству дороги от Темерницкого моста до селения Чалтырь. В документе указывается перевод на армянский язык «Общего примечания о дорогах» (речь идет о «Приложении дополнительных правил об устройстве дорог» от 13 декабря 1817 г.) [33, л. 79–79 об.]. Кроме того, в деле имеется «Наставление о городе», которым велено членам Нахичеванского

армянского магистрата, городскому голове, полицейскому члену «и отряжаемым от них» исполнять «Общие для городов правила» от 6 ноября 1816 г. [33, л. 81]. Реализация п. 4 «Правил» о том, чтобы «неопрятства никакого на улицах не терпеть», поручена была магистратом 1 декабря 1816 г. «бывшему полицейскому члену Сотнику Христофору Мясникову и заседателям Мардиросу Ходжаеву», а 18 марта 1818 г. – «заседателю Капрелу Ходжаеву и полицейскому члену Борису Баронову, с приложением им списка с показанного высочайшего поведения» [33, л. 81 об.]. Помимо этого, названным чинам велено следить за исправным состоянием дорог, чистотой и опрятностью Базарной площади и других торговых мест, санитарным состоянием города в целом [33, л. 81 об. – 82 об.]. Как видим, заседатель магистрата и «полицейский член» выполняли в городе те функции, которые в селениях должны были осуществлять смотрители.

На основании Правил 13 декабря 1817 г. сельские смотрители наблюдали также за строительством в селениях, «дабы оные с позволения Магистрата строены были по плану сколько можно правильнее и без тесноты» (§ 22). «Смотрители подтверждают сельским старшинам иметь строгое наблюдение со стороны их, дабы во время добывания глины отнюдь не подкапывались и не делали подземельных ям, ибо таковые ямы бывают опасны для работающих» (§ 28).

Смотрители должны были следить в соответствии со ст. 247, 248 и 250 за тем, чтобы при отводе квартир для постоя военных и пастбищ для лошадей обыватели были «удовлетворены за подводы и прочее безобидно», докладывая обо всем магистрату (§ 23). Помимо воинских команд, поселяне обязаны были «фурщикам и извозчикам, провозящим чрез селение казенные провиант, амуницию, орудия, медную монету, и везущим казенную соль» выделять для волов и лошадей подножные корма и водопой без всякой платы, а также удовлетворять прочие законные требования. Наблюдение за этим также возлагалось на смотрителей (§ 24). Во время весенней или осенней распутицы смотритель заставлял обывателей оказывать бесплатную помощь завязнувшим на дороге телегам, «всем проезжающим и проходящим во время вскрытия или замерзания воды, когда никаких перевозов еще быть не может» (§ 25).

Ни в какие «денежные раскладки поселян, взыскания и взносы в казну податей и других сборов и проч., что только не относится к полицейской части» смотрители не должны были вмешиваться, но при необходимости они призваны по личным обращениям сельских старшин оказывать содействие во взыскании законных сборов и даже «побуждения ленивых и нерадивых к работам и хозяйству и проч.» (§ 30).

Об итогах эволюции фактического статуса смотрителей в Нахичеванской колонии в на-

правлении нижних полицейских чинов написал сенатор М. Н. Жемчужников, который в 1843–1844 гг. по поручению правительствующего сената провел ревизию Таганрогского градоначальства. Он отмечал, что звание смотрителей в настоящее время потеряло свое назначение и «сии чиновники, сделавшись по сближению армян с соседственными жителями совершенно излишними, получили новые, несвойственные определенному привилегиию кругу их занятий, обязанности и вместо защиты армян от соседственных жителей употребляются для управления армянами по полицейской части» [38, л. 45 об. – 46].

Выяснилось также, что институт смотрителей как своего рода полицейских служителей использовался и в самой Нахичевани-на-Дону. Так, в 1837 г. магистрат совместно с городским головой и советом 24 опекунов заручился согласием таганрогского градоначальника барона Отто фон Пфейлицер-Франка на избрание в связи с умножающимися занятиями магистрата двух дополнительных смотрителей (урядников) для наблюдения за благоустройством. Указанные смотрители, «состоя в непосредственном распоряжении магистрата, наблюдали за чистотою улиц, площадей, исправностью дорог, целостью пожарных инструментов и вообще всего того, что до устройства города и армянских селений относится, не касаясь до других полицейских обязанностей, которые должны исполняться на прежнем основании членами магистрата» [38, л. 43 об.].

Особенностью Нахичеванского армянского округа являлось объединение управления городом и селами. Для большего удобства полицейского контроля решением магистрата от 28 мая 1837 г. город в административном отношении был разделен на две части. К одной из них магистрат «присоединил селения Чалтыр, Крым, Султан-Сал и Самбецкие хутора, и к другой селения: Несветай, Сал и все Темерницкие хутора, определил допустить в первую часть смотрителем армянина мещанина Красильникова, а во вторую армянина Козодова. Сверх обязанностей наблюдать за благоустройством улиц, дорог, площадей и пожарной части магистрат возложил на означенных смотрителей надзор за содержащимися арестантами в тюрьме, за правильностью торговли в городе и вменил им в обязанность открывать пристанодержателей, преследовать бродяг, воров, разбойников и вообще в случае каких-либо во вверенных им частях происшествий действовать на правах, чиновникам полиции предоставленным, несмотря ни на какое лицо. Независимо от сего определения Армянский магистрат частными постановлениями по разным делам поручал мещанам Красильникову и Козодову исследование уголовных преступлений и все вообще обязанности, возложенные закононами на градскую полицию» [38, л. 43–44 об.].

Однако в апреле 1839 г. распоряжением исполняющего должность новороссийского и бесарабского генерал-губернатора смотритель Козодов за разные упущения был отстранен от занимаемой должности. В дело вмешался также и городской голова А. Халибов, конкурировавший с магистратом за влияние. Указав на нарушение магистратом предписания таганрогского градоначальника от 31 марта 1837 г. о смотрителях, городской голова в ноябре 1842 г. предложил магистрату «отменить распоряжения свои и не возлагать на Красильникова письменных дел по полицейской части. Вследствие сего 26 го ноября прошлого 1842 года магистрат определил не поручать смотрителю Красильникову никаких письменных дел, требующих формального исследования и препровождать таковые дела к заседателям сего магистрата. Но несмотря на сие постановление магистрат возлагал на Красильникова важнейшие поручения по полицейской части» [38, л. 46].

Суть претензий сводилась к тому, что по сложившемуся в Нахичевани порядку (в том числе в соответствии с нормами Армянского судебника) собственно полицейские функции должны были осуществлять судьи магистрата, которые, по-видимому, пытались переложить часть своих непосредственных (полицейских) обязанностей на смотрителей. Возможно, городского головы не устраивало усиление таким образом позиций магистрата.

Однако этим нарушения российских законов в части организации полицейской власти, по оценке сенатора М. Н. Жемчужникова, не ограничивались. Часть смотрителей не была приведена к присяге: «Кроме Красильникова, допущенного к должности смотрителя по городу Нахичевану без присяги, находятся также смотрители и в 4-х селениях Нахичеванского округа: Чалтыр, Крым, Сал и Несветай. Из сих смотрителей Ищенко и Кобылевский допущены также к должностям без присяги» [38, л. 45 об.]. В вину магистрату ставилось и то, что он «по словесному назначению Нахичеванского общества допустил к должности смотрителя по городу Нахичевану армянина губернского секретаря Мясникова» [38, л. 45 об.].

Как видим, в Нахичевани наличие в первой половине XIX в. «полицейского члена» или смотрителя не было чем-то новым. Тем не менее сенатор М. Н. Жемчужников на основании обнаруженных нарушений посчитал необходимым упразднить должность смотрителя, «находя, что смотритель Красильников, не приведенный к присяге на верность службы, не может на основании 396 ст. 3-го тома св. о служ. гражданской исполнять возложенных на него магистратом обязанностей, для приведения в надлежащий порядок расстроенного положения полицейских дел по городу Нахичевану». Сановный ревизор

предписал магистрату, «отобрав от Красильникова все дела, возложить оные на находящегося в канцелярии магистрата коллежского секретаря Каракаша, который обязан докладывать оныя присутствию и внести их в настольный регистр; магистрату же предписал передать означенные находящиеся у Красильникова дела заседателям и принять ближайшия и деятельнейшия меры к приведению всех таковых дел к окончанию. Равномерно, приняв в соображение, что губернский секретарь Мясников не мог быть допущен к исправлению должности смотрителя без разрешения градоначальника и что означенный чиновник не приведен к присяге, я, поставив сие на вид магистрату, предписал ему отобрать от Мясникова все возложенные на него поручения», – докладывал М. Н. Жемчужников [38, л. 48 об. – 49].

Тем не менее потребность в дополнительных полицейских кадрах осознавалась нахичеванским обществом. Поэтому городской голова совместно с магистратом обратились к сенатору «с представлением о дозволении им на место бывшего до сего времени числа заседателей избрать по установленному порядку особо двух заседателей собственно по полицейской части, на коих возложить как произведение следствий, так и поручения по прочим предметам, исполнение которых лежит на обязанности магистрата» [38, л. 59 об.–60]. Так, двое из четырех судей магистрата, предусмотренных еще Армянским (Астраханским) судебником, превратились в полицейских заседателей магистрата. Заседатель, ведавший полицейскими делами Нахичеванского округа, назывался полицейским (окружным) заседателем [16, л. 1 об.; 48, л. 24, 233, 260, 292–292 об., 301–303]. В 1857 г., в частности, вновь встречается имя окружного заседателя Мясникова [16, л. 1 об.].

Указанное превращение подтверждается мемуарной литературой. Как вспоминал И. М. Келле-Шагинов, «с 1857 по 1860 годы отец нес выборную должность заседателя магистрата.... Обязанностью отца была чисто полицейская часть» [49]. С передачей полицейской власти Нахичеванского магистрата Ростовскому полицмейстеру окружные заседатели были подчинены Ростовскому уездному исправнику [19]. Так, в 1867 г. второй гильдии купец Артем Чахиров, избранный кандидатом в заседатели Нахичеванского магистрата, уже фигурирует как «окружной заседатель Нахичеванского округа», а вышестоящей инстанцией, которой он рапортует, – ростовский уездный исправник [40].

Обзор имеющихся сведений позволяет сделать несколько выводов. Смотрители существовали как в городе, так и в селениях. Из «охранителей и заступников» они достаточно скоро превратились в обычных полицейских. В самой Нахичевани первые смотрители из русских офицеров оказались, по-видимому, избыточными

вследствие создания в городе собственной полицейской службы. К середине XIX в. городские смотрители в городе были замещены заседателями магистрата. В селениях смотрители просуществовали до полного упразднения Нахичеванской армянской колонии в качестве полицейских чинов, действующих под управлением магистрата. Лейтмотивом «Инструкции» являлось, во-первых, прямое подчинение смотрителей магистрату; во-вторых, ограничение их полномочий надзором и контролем за состоянием дел в селах; в-третьих, возможность осуществления распорядительных функций только через сельских старшин, в отношении которых смотрители могли осуществлять исключительно надзорные полицейские функции. Наконец, следует отметить, что вся деятельность смотрителей в полной мере основывалась на нормах российского законодательства.

Список литературы

1. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное министром внутренних дел. Об именовании города Нахичевана, находящегося в Таганрогском градоначальстве, Нахичеваном на Дону, а состоящего в Армянской области Нахичеваном // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е : в 55 т. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1839 (далее – ПСЗ-II). Т. 13, № 10976. С. 363.
2. Жалованная грамота вышедшим из Крыма христианам Армянского закона // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е : в 45 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830 (далее – ПСЗ-I). Т. 20, № 14942. С. 878–879.
3. Олененко А. Г. Азовська губерньська канцелярія: структура, функції, штат (1775–1784) // Історія і культура Придніпров'я : Невідомі та маловідомі сторінки. 2011. Вип. 8. С. 177–184.
4. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1781 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Академия наук. 1781. XXI, [1], 425, IX с.
5. Аваков П. А. О групповом переходе крымских армян в российское подданство до переселения в Азовскую губернию // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее : материалы III Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г. Г. Матишов]. Ростов н/Д : Издательство ЮНЦ РАН, 2018. С. 5–8.
6. Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь; дневники и воспоминания. Ростов н/Д : Старые русские, 2015. 320 с.
7. Казаров С. С. Нахичеванская элита: конец XVIII – начало XX веков. Ростов н/Д ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. 154 с.
8. Батиев Л. В. Двадцать четыре попечителя Нахичевани-на-Дону (из истории одного полузабытого органа) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. 2020. Т. 47, № 2. С. 318–326.
9. Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье : Просвіта, 2011. 336 с.
10. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1782 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Акад. наук, 1782. XXI, [3], 473, X с.
11. Патканян Г. История Новой Нахичевани. Нахичевань-на-Дону : Типография С. А. Авакова, 1917. 121 с. (на армян. яз.).
12. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1783 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Акад. наук, 1783. XIX, [3], 488, X, [2] с.
13. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1804 от Рождества Христова Месяцослов. СПб. : Имп. Акад. наук, 1804. 649 с. разд. паг.
14. Панкеев О. С. Групові формулярні списки чиновництва Новоросійської губернії за 1798 рік. Запоріжжя : [б. и.], 2011. 125 с.
15. Филевский П. П. Нахичевань и нахичеванцы (Из воспоминаний о детстве) // Донской временник. Год 1996-й. Ростов н/Д, 1995. Вып. 4. С. 168–174.
16. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 139: Ново-Нахичеванский армянский магистрат. Оп. 1. Д. 122.
17. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1409: «Собственная его императорского величества канцелярия». Оп. 1. Д. 2444.
18. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1784 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Акад. наук, 1784. XXI, [3], 489, X, [1] с.
19. Чалхушьян Г. Х. История города Ростова-на-Дону. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону. Глава XV. URL: http://www.donvremdsplru/Files/article/m1/22/artaspx?art_id=802 (дата обращения: 10.07.2023).
20. НАА. Ф. 329 «А. П. Халибян». Оп. 1. Д. 247.
21. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1809 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1809. [2], 496, X с.
22. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1810 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1810. [8], 504, VIII с.
23. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1811 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1811. [2], VIII, [2], 512 с.
24. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1812. 6], 519, [1], VIII с.
25. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1813 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1813. [4], VIII, [2], 527 с.
26. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1814 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1814. [4], VIII, [2], 546, 2 с.

27. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1815 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1815. [6], 532, VIII с.
28. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1818. [6], VIII, 548 с.
29. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1819 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1819. [8], VIII, 552 с.
30. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1820. [8], VIII, 568, 8 с.
31. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1821. [6], VIII, [2], 570, [1] с.
32. РГИА. Ф. 1286: «Департамент полиции исполнительной МВД». Оп. 2 1815 г. Д. 14.
33. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 790: «Нахичеванский городской (армянский) магистрат». Оп. 1. Д. 47.
34. Шахазиз Е. Исторические зарисовки. Тифлис : Типография Т. М. Ротиняна. 1903. 239 с. (на армян. яз.).
35. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 660: «Шахматовы – помещики Саратовской губернии». Оп. 1. Д. 477.
36. Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных уставов 20 ноября 1864 года (по 32 губерниям) : в 3 ч. Ч. I. СПб. : В типографии при Правительствующем Сенате, 1866. 483 с. разд. паг.
37. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 173.
38. РГИА. Ф. 1405: Министерство юстиции. Оп. 42. Д. 6812.
39. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87.
40. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 227.
41. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван : Айастан, 1996. 528 с.
42. Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма. 2-е изд. Ростов н/Д : Ростовское книжное издательство, 1989. 16 с.
43. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 78.
44. Учреждения для управления губерний Российской империи. Ч. 1 // ПСЗ-I. Т. 20, № 14392. С. 229–34.
45. Устав благочиния или полицейский // ПСЗ-I. Т. 21, № 15379. С. 461–488.
46. Именной, данный управляющему министерством полиции. С приложением дополнительных правил об устройстве городов и селений // ПСЗ-I. Т. 34, № 27180. С. 908–913.
47. Об учреждении в каждой губернии комиссии для продовольствия в неурожайные годы жителей хлебом и денежным пособием // ПСЗ-I. Т. 38, № 29000. С. 146–153.
48. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191.
49. Келле-Шагинов С. История семьи из бывшего города... URL: <https://husisapailwordpresscom/2012/05/01/сергей-келле-шагинов-история-семьи-из/> (дата обращения: 10.07.2023).

Поступила в редакцию 18.07.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 18.07.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

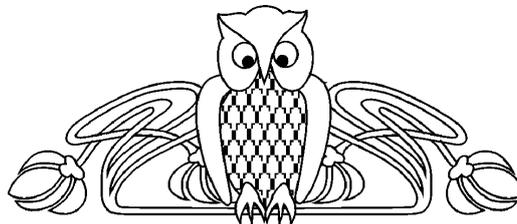

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 123–127
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 123–127
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-123-127>, EDN: YOTCOW

Научная статья
УДК 630*71(470.44-25:470.57-25)|18/19|

Экономические связи Саратова и Уфы на рубеже XIX–XX вв. (лесная торговля)

М. И. Роднов

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, Республика Башкортостан, 450054, г. Уфа, проспект Октября, д. 71

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, rodnov@ufacom.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>, AuthorID: 139227 AAU-1229-2020

Аннотация. В статье рассматривается одно из главных направлений в экономических контактах между Саратовом и Уфой – торговля лесом (лесоматериалами) во второй половине XIX – начале XX в. Основным источником послужила отчетность Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка, одного из крупнейших частных банков Российской империи, филиалы которого открылись в Саратове в 1871 г., а в Уфе – в 1873 г. Главной особенностью торговли уфимским лесом в Саратове было использование векселей из-за необходимости быстро продать товар до окончания навигации. Документация Волжско-Камского банка содержит информацию о конкретных саратовских предпринимателях.

Ключевые слова: экономика, торговля, Волжско-Камский коммерческий банк, финансы, лесная торговля, Уфа, Саратов

Для цитирования: Роднов М. И. Экономические связи Саратова и Уфы на рубеже XIX–XX вв. (лесная торговля) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 123–127. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-123-127>, EDN: YOTCOW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Economic relations between Saratov and Ufa at the turn of the XIX–XX centuries (forest bargaining)

M. I. Rodnov

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 Prospekt Oktyabrya, Ufa 450054, Republic of Bashkortostan, Russia

Mikhail I. Rodnov, rodnov@ufacom.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>, AuthorID: 139227, AAU-1229-2020

Abstract. The article shows one of the main directions in economic contacts between Saratov and Ufa – timber trade in the second half of the XIX – early XX centuries. The main source was the reporting of the Ufa branch of the Volga-Kama Commercial Bank, one of the largest private banks of the Russian Empire, whose branches opened in Saratov in 1871, and in Ufa in 1873. The main feature of the Ufa forest trade in Saratov was the use of promissory notes due to the need to quickly sell goods before the end of navigation. The documentation of the Volga-Kama Bank contains information about specific Saratov entrepreneurs.

Keywords: economy, trade, Volga-Kama Commercial Bank, finance, forest trade, Ufa, Saratov

For citation: Rodnov M. I. Economic relations between Saratov and Ufa at the turn of the XIX–XX centuries (forest bargaining). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 123–127 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-123-127>, EDN: YOTCOW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Несмотря на значительные расстояния, отделяющие одни из крупнейших городов Среднего Поволжья и Южного Урала, разнообразные социокультурные и хозяйственные контакты между Саратовом и Уфой уходят в глубокую древность. В судьбах многих известных людей России оба города тесно переплелись. Так, в Уфе –

гражданской столице Оренбургской губернии – почти 11 лет служил вице-губернатор Алексей Андреевич Македонский (1841–1852). Это был выдающийся администратор, покинувший Уфу после кончины любимой супруги Варвары Алексеевны (ум. 27 декабря 1851 г.). Он очень много полезного сделал для развития Уфы и края.

Перед расставанием «уфимское благородное общество, кроме частных обедов, при отъезде данных в честь их, изъявило им свою общую признательность на вечернем пикнике» [1; 2, с. 74]. А. А. Македонский занял пост председателя Саратовской палаты гражданского суда, в 1856 г. в Саратове он скончался и здесь же был похоронен.

С 1858 по 1861 г. Оренбургским (в Уфе) гражданским губернатором служил другой выдающийся государственный деятель Егор Иванович Барановский. До этого, с 1853 по 1857 г., он являлся здесь вице-губернатором. Именно Е. И. Барановский занимался организацией отмены крепостного права на Южном Урале, затем он служил Саратовским губернатором (1861–1862). Этот же пост в 1870–1879 гг. занимал владелец поместья под Уфой М. Н. Галкин-Враский [3, с. 9–12; 4].

Из многообразных хозяйственных связей двух городов выделяются хлебная и лесная торговля [5]. В Уфимской губернии (образована в 1865 г.) большие массы зерна скупали купцы из Саратовской губернии Меньков и Меркульев. Товар с пристаней р. Белой саратовские предприниматели сразу отправляли в Рыбинск, например, в 1914 г. Товарищество Н. С. Менькова из Вольска вывезло из Уфимской губернии в Рыбинск 2 102 310 пудов, четвертое место среди всех хлеботорговцев. Из Уфимской губернии вниз по Волге хлеб почти не отправляли, лишь после постройки в 1888 г. железной дороги отмечены единичные случаи отгрузки небольших партий зерна в Саратов, например, в 1910 г. со станции Глуховская [6, с. 214; 7, с. 211]. Это было редкое явление, только в годы больших урожаев со станций Самаро-Златоустовской железной дороги уходили вагоны с уфимским зерном на Рязано-Уральскую магистраль. В 1913 г. в Балашов из Раевки вывезли 7000 пудов, из Давлеканово – 2000 пудов пшеницы [8, с. 100–101, 106–107].

Экономические связи отличались большим разнообразием. В Уфе торговал цементом саратовский купец Д. Б. Зейферт, на февральскую 1915 г. ярмарку в Уфу приезжали торговцы

из Саратова [9, с. 50, 213]. А важнейшим итоговым показателем являются данные банковской отчетности, тем более, что оба города находились в зоне деятельности одного из крупнейших частных банков Империи – Волжско-Камского коммерческого банка (далее – ВККБ), в Саратове отделение открылось в 1871 г., в Уфе – в 1873 г. Предприниматели обоих городов получили возможность быстро переводить деньги по телеграфу из одного филиала в другой, совершать различные операции.

Отчетность ВККБ показывает уровень развития региональной экономики и позволяет сравнивать соседние губернские центры. В таблице показана финансовая деятельность отделений ВККБ в городах Поволжья и Приуралья в 1877 г., приведены данные по обороту капиталов, т. е. суммировано, сколько принято и выдано (возвращено) денег по 1) вкладам срочным и до востребования, 2) текущим счетам (безналичный расчет по чековым книжкам), 3) покупка (учет в банковской терминологии) торговых векселей (краткосрочных долговых обязательств сроком до 9 месяцев) [10].

Данные таблицы свидетельствуют о расцвете паромоходства по Волге. В 1871 г. первые железнодорожные линии вышли к Саратову и Царицыну, в 1874 г. – к Сызрани, где будет построен знаменитый Александровский мост через Волгу, и к 1876–1877 гг. чугушка придет в Самару (Кинель) и Оренбург. Экономика прочих городов держалась по-прежнему исключительно на речном паромоходном и гужевом транспорте. Ниже Казани Саратов был безоговорочным хозяйственным лидером всего Поволжья. Лишь фактически приморская Астрахань обгоняла Саратов по величине вкладов. Особенно впечатляющим лидерство Саратова было в операциях с безналичными платежами по чековым книжкам (текущие счета) [12] и по вексялям. Даже Казань, через которую продолжал действовать главный гужевой путь через Урал в Сибирь, и Астрахань, морские ворота на Каспии, в два с лишним раза уступали Саратову в операциях с вексялями.

Финансовые операции в отделениях Волжско-Камского коммерческого банка в 1877 г., руб., коп.

Город	Вклады	Текущие счета	Векселя
Саратов	2 922 197	30 825 836,5	8 019 772,73
Уфа	763 645,04	5 450 218,77	773 428,94
Самара	1 917 249,24	18 791 238,3	1 721 900,64
Сызрань	790 366,78	5 074 101,74	1 033 275,81
Симбирск	1 180 189,8	9 078 544,85	2 916 171,9
Царицын	1 093 384,53	9 016 798,79	1 478 040,12
Казань	5 101 052	32 298 595,05	2 942 751,84
Астрахань	3 277 851	16 912 732,62	3 796 612,93

Рассчитано по: [11, приложения к отчету 2, 3, 4].

Если в момент заключения торговой сделки у покупателя не хватало налички, с согласия контрагента партнер выписывал долговое обязательство на специальной вексельной бумаге на срок не более 9 месяцев. Однако продавец (кредитор, предъявитель), получив вексель, часто не хотел ждать расчета долгие 9 месяцев, деньги ему были нужны сейчас. В этом случае он мог пойти в банк и продать вексель с дисконтом (ниже стоимости). Эта операция называлась учет векселей. Потеряв небольшой процент, купец зато быстро возвращал основную часть суммы, которая сразу шла в дело. А через 9 месяцев уже банк требовал долг с кредитующего (выдавшего, подписавшего вексель векселедателя), величина дисконта составляла банковскую прибыль. Конечно, банк не принимал к учету векселя от кого попало, специальный Учетный комитет в каждом филиале ВККБ пристально изучал векселя, точнее платежеспособность лиц, их выдавших. Местным, знакомым банку, «надежным» предпринимателям открывалась кредитная линия, на величину которой купцы могли продавать или, наоборот, выдавать векселя.

Такое значительное развитие в Саратове вексельной операции, почти в 10 раз больше, чем в Уфе, объяснялось одной особенностью местной экономики. В степной и лесостепной Саратовской губернии остро не хватало древесины, которая постоянно требовалась для отопления, строительства и прочих нужд. Как только спало половодье, из северных лесных губерний вниз по Волге-матушке отправлялись караваны барж и огромные плоты из хвойных пород «на низ», в Саратов, Камышин, Дубовку, Царицын, Астрахань. Через волго-донской перешеек лесоматериалы переваливали на Дон.

Начиная с мая, в низовые города приходили первые суда с лесными материалами (кулями – мешками из липового лыка, мелким тесом, пиломатериалами, смолой, скипидаром, лубом, мочалом) [13]. С июля начиналась активная торговля лесом, прибывали плоты с бревенником и брусьями. Сами деревянные барки также распродавались в местах выгрузки на дрова и стройматериалы.

Последние плоты подходили уже осенью. 10 октября 1893 г. корреспондент газеты сообщал: «На-днях еще приплыл в Саратов плот елового леса с рек Уфы и Белой. Часть его продана по ценам ниже ранее существовавших, часть-же осталась еще непроданной» [14].

Реализация леса и лесоматериалов носила особый характер. Уфимским купцам требовалось быстро продать весь товар, заканчивалась навигация, приближался ледостав, оставить лес на берегу и ждать выгодной конъюнктуры было нельзя. С другой стороны, среди покупателей было много мелких и средних предпринимателей, не обладавших крупными суммами, да и владельцам лесопилок тоже требовалось сначала

переработать лес, продать доски и прочие пиломатериалы, а уж потом они могли рассчитаться. Поэтому «сделки мелкими партиями происходили на условиях расчета 1/3–1/2 наличными, остальная сумма векселями в 9–12 месячного срока» [15] (большой срок векселей был в частных сделках, не через банки). Именно уфимские лесоторговцы в особенно широких масштабах практиковали сделки под векселя на Нижней Волге (в Астрахани, Царицыне, Саратове и др.), куда вывозились почти все лесоматериалы из Уфимской губернии. Векселя вообще стали главным инструментом в операциях лесоторговцев.

Многие из уфимских купцов, получив от саратовских покупателей векселя, тут же продавали их в Саратовском филиале ВККБ, который потом переводил деньги в Уфимское отделение по телеграфу (могли привезти вексель в Уфу и здесь его продать банку). Быстро и удобно. А типовая отчетность ВККБ составлялась к началу следующего года, и все неоплаченные векселя (как и любые другие неоконченные сделки) в обязательном порядке указывались. В ежегодном отчете имелась информация: «Остаток векселей, присланных на комиссию из своих контор», «Подробный остаток посторонних векселей, отсланных на комиссию» и др. В них содержались сведения о конкретных контрактах, что позволяло увидеть и продавца, и покупателя, ведь торговля лесом, под векселя происходила летом, и положенные 9 месяцев к концу года еще не прошли.

Уже в 1876 г. в портфеле Уфимского филиала ВККБ лежал вексель на 3000 руб. выданный А. П. Слепцовым уфимскому помещику и лесоторговцу Н. А. Заварицкому со сроком оплаты 23 апреля следующего 1877 г. Последний продал его банку в Уфе, откуда вексель отослали в Саратов в ожидании расчета. То есть векселедатель Слепцов находился в Саратове. Также в Саратов ушли два векселя С. П. Хорькова на 1000 руб. каждый, выданные уфимскому купцу А. К. Кондратьеву (оплата 15 и 30 июня). 23 января 1877 г. в Саратове должны были уплатить А. П. Слепцов и Н. Н. Соломонов по векселю в 2000 руб., предъявитель – уфимец Ф. Г. Лебедев [16, л. 4–4 об.].

Зафиксированный банковской отчетностью своеобразный обмен векселями между Уфой и Саратовом позволяет увидеть состав саратовских предпринимателей, покупавших лес и лесоматериалы у уфимских партнеров, хотя и не только, торговые связи были многообразны. Это А. Ф. Мейснер (1877 г., два векселя по 500 руб. на имя Е. К. Максимова) [17, л. 73], в 1884 г. П. С. Шелекетто (фамилия не ясна) купил у уфимского лесопромышленника М. Л. Сазонова (дядя известного террориста) товар, оплатив векселями в 1000 и 500 руб. [18, л. 74 об.], в 1887 г. с уфимским купцом Н. С. Кальсиным торговали И. И. Сидоренко (векселя на 1000 и 950 руб.)

и А. Е. Смирнов (1000 руб.), у того же Сазонова покупал товар А. А. Шперль (векселя в 1000, 1475, 1000 и 1475 руб.). Вообще в Саратове у Сазонова было много деловых партнеров, еще В. Г. Зайцев (1000 руб.), Ф. Х. Бир (786 руб.), В. А. Андреев (1000 руб.) [19, л. 91, 93].

Конечно, торговые связи не ограничивались лесом. Крупный уфимский предприниматель, владелец кондитерской и мыловаренной фабрик Д. П. Берштейн имел в деловых партнерах П. П. Вюртца (Саратовское отделение ВККБ, 1890 г.). На 1 января 1890 г. среди клиентов Уфимского филиала ВККБ были саратовский мещанин Геннадий Иванович Балин (долг в 1500 руб.), тамошние купцы Филипп Васильевич Кирьянов (1450 руб.), Егор Егорович Монахов (625 руб.), Григорий Иванович Телегин (6600 руб.), к 1891 г. в уфимском филиале ВККБ лежали векселя саратовского купца Арсения Александровича Ананьина (на 1690 руб., он имел кредитную линию в Саратове в 20 тыс. руб.), а также купцов из Камышина, Царицына, Дубовки, Астрахани.

Среди покупателей уфимского леса в 1890 г. были саратовцы (предприниматели, проводившие финансовые расчеты через Саратов) Е. Ф. Шпильков, Г. Е. Телегин, И. И. Сидоренко, А. А. Шперль, Е. Е. Монахов, Г. И. Балин, Ф. В. Кирьянов, Д. Н. Попов, И. И. Елисеев, К. И. Паули, Г. Н. Ушаков, И. С. Платицын, И. А. Ардоков, А. Х. Пиннекер, Н. А. Чирков Ф. Ф. и А. Ф. Письменные. Все вместе они должны были уплатить внушительную сумму в 27 455 руб. Причем среди векселей встречаются сравнительно небольшие в 115, 215, 390 руб., это покупки мелких предпринимателей. В Саратове в 1891 г. должны были уплатить по векселям К. П. Бочкарев (1000 руб. уфимскому лесопромышленнику Н. А. Лаптеву) и А. А. Ананьин – Кальсину 1690 руб., Г. Е. Телегин и И. Е. Юренков по 764 руб. другому уфимскому лесоторговцу А. С. Манаеву, а К. И. Паули – бирскому купцу А. Д. Позолотину 1000 руб. [20, л. 14, 16, 16 об., 18, 19 об., 21, 21 об.; 21, л. 5, 12, 21, 23].

Активное использование векселей в расчетах между уфимскими и саратовскими предпринимателями продолжалось и в начале XX в. В 1908 г. в Уфимском филиале ВККБ среди учтенных (купленных) векселей было 36 из Саратова (на 30 073,64 руб.), 5 из Балашова (2200,78 руб.), 61 из Камышина (39 354,89 руб.) и два из посада Дубовка на 2900 руб. [22, л. 7 об. – 8].

Лес из Уфы в наибольших масштабах вывозился в Царицын и Астрахань, кроме того, в Саратов суда с плотами приходили раньше, и расчеты могли успевать проводить в течение календарного года. Тем не менее хозяйственные связи оставались стабильными на протяжении десятилетий. Наконец, сами филиалы ВККБ поддерживали деловые контакты. Например, в сен-

тябре 1881 г. из Уфы в Саратовскую контору перевели 100 000 руб. для уравнивания средств, а в 1883 г. в обратном направлении поступило 75 000 руб. [23, л. 67 об.; 24, л. 68-а].

История межрегиональных экономических связей Саратова и Уфы остается слабо изученной, но финансовая отчетность ВККБ однозначно свидетельствует об устойчивых и значительных хозяйственных контактах между Саратовом и Уфой. Уже в первые месяцы работы Уфимского филиала ВККБ из Уфы в Саратов ушел перевод в 200 руб., а в обратном направлении перечислили 4000 руб. По числу трансфертов (переводов) Саратов стабильно занимал 5–6-е места, лишь в начале XX в. опустившись на 18-е место. Новые экономические центры оттесняли его на вторые позиции, что показывает та же вексельная операция. Если в 1877 г. здесь Саратов занимал первое место в России (3,8 млн руб.), в 1887 г. уступает пальму первенства Нижнему Новгороду (4,1 млн руб.), Саратов идет за ним следом с прежним показателем, то в 1890-е гг. он выпадает из группы лидеров. Операции с безличными платежами по текущим счетам (по чековым книжкам) составляли в Саратовском филиале ВККБ: 30,8 млн руб. в 1877 г., 41,2 млн руб. в 1887 г., около 40 млн руб. в 1897 г., 65,5 млн руб. в 1905 г. [10, с. 40, 42, 46, 56, 85, 130].

В материалах Уфимского отделения ВККБ упоминаются поволжские предприниматели, как например, саратовский 1-й гильдии купец Петр Иванович Шмидт, дубовские 2-й гильдии купцы Сидор Герасимович Кудряшов и Михаил Иванович Татаркин, дубовский мещанин Гавриил Васильевич Аров, саратовский купец Василий Григорьевич Зайцев, вольский купец Павел Павлович Филипов [10, с. 201, 204, 207–209, 212].

Веками Россия является (за редкими исключениями) строго централизованным государством, что неизбежно для столь большой страны, но всегда существовали устойчивые горизонтальные связи. Именно межрегиональные контакты самого разного характера – от личностных, служебных, культурных до экономических – основа внутренней крепости Российской державы, что наиболее ярко показали события Смуты начала XVII в., когда провинциальное ополчение Минина и Пожарского спасло целостность страны. Горизонтальные, межрегиональные связи – лучшее лекарство от сепаратизма. И в научных исследованиях нельзя ограничиваться изучением только вертикальных контактов по линии столицы – провинция. История межрегионального взаимодействия открывает безграничную панораму интереснейших явлений, например между Уфой и Крымом [25, 26]. А в Башкирии на 1926 г. существовало 9 населенных пунктов с названиями Саратовка, Саратовский [27, с. 367]. Изучение истории контактов Саратова с Уфой только начинается.

Список литературы

1. Оренбургские губернские ведомости (Уфа). 1852. 21 июня (примечание: во всех далее упомянутых газетах нет авторов и названий статей).
2. Роднов М. И. У истоков уфимской прессы, вкуче с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа : Б. и., 2009. 172 с.
3. Роднов М. И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в.: Забелье. Запад. Уфа [электронная монография], 2019. 187 с. (доступна на сайте «Роднов и его друзья»).
4. Кочукова О. В., Кочуков С. А. Саратовский губернатор М. Н. Галкин-Враский и председатель Московского славянского комитета И. С. Аксаков: материалы переписки (1877–1878 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 255–264. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-255-264>
5. Роднов М. И. Саратовские купцы Борели на Южном Урале (имение в Уфимской губернии) // Проблемы и перспективы аграрной модернизации СССР–России (XX – первые десятилетия XXI вв.) : сборник статей международной научно-практической конференции / редакционная коллегия : Е. Б. Дудникова, В. Я. Романченко, О. Н. Шмыгина, И. А. Ножкина. Саратов : Саратовский аграрный университет ; ООО «ЦеСАин», 2022. С. 141–148.
6. Роднов М. И., Дегтярёв А. Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа : Уфимская государственная академия экономики и сервиса, 2008. 258 с.
7. Роднов М. И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа : ДизайнПресс, 2012. 224 с.
8. Статистические сведения о перевозке хлебных грузов малой скорости. По отправлению за 1913 год. Самара : МПС, Управление железных дорог, Самаро-Златоустовская железная дорога, 1914. Вып. I. Разд. паг.
9. Роднов М. И. Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа : Альфа-Реклама, 2016. 216 с.
10. Роднов М. И. Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков). Уфа : КнигаПринт, 2020. 238 с.
11. Отчет Волжско-Камского коммерческого банка. За седьмой отчетный 1877 год. СПб., 1878. Разд. паг.
12. Роднов М. И. С чековой книжкой в кармане (состав клиентуры Уфимского отделения Волжско-Камского банка, пользовавшейся чековыми книжками по текущим счетам в 1874 г.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 3 (7). С. 19–34. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-3-19-34>
13. Торгово-промышленная газета (СПб.). 1894. 1 (13) июня.
14. Торгово-промышленная газета (СПб.). 1893. 17 (29) окт.
15. Торгово-промышленная газета (СПб.). 1894. 6 (18) июля.
16. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 595 (Волжско-Камский коммерческий банк). Оп. 3. Д. 1179.
17. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1180.
18. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1187.
19. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1190.
20. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1194.
21. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1196.
22. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1219.
23. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1184.
24. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1186.
25. Макарова В. Н., Роднов М. И. От Уфы до Гурзуфа (предыстория курорта Суук-Су) // Научный вестник Крыма (Симферополь). 2022. № 2 (37). С. 1–21.
26. Роднов М. И. Крымские вина на уфимском рынке (вторая половина XIX века) // Научный вестник Крыма. 2022. № 5 (40). С. 1–25.
27. Населенные пункты Башкортостана. Ч. 3 : Башрепублика, 1926 / отв. за вып. А. А. Хисматуллин ; сост. алфавитного указателя населенных пунктов Ю. М. Абсалямов. Уфа : Китап, 2002. 400 с.

Поступила в редакцию 16.07.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 16.07.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 128–134
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 128–134
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-128-134>, EDN: WTKYUF

Научная статья
УДК [334.7:001.89](470.61)(09):930.253(470.61)

Создание и деятельность трудового коллектива на правах артели «Община» при Таганрогском Институте научной организации производства (по материалам таганрогского филиала ГАРО)

А. А. Аганов

Южный федеральный университет, Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140

Аганов Андрей Анатольевич, аспирант Института истории и международных отношений ЮФУ, Aganoff.a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8123-6765>, AurlhorID: 48475176

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность Таганрогского Института научной организации производства на заключительном этапе существования организации, которая в числе разных направлений ее работы заключалась в создании трудового коллектива на правах артели «Община». На основе архивных материалов, хранящихся в таганрогском филиале ГАРО, выявлены причины ее создания, показаны основные направления работы а также ее лидеры.

Ключевые слова: артель, Есманский, Институт научной организации производства, трудовой коллектив, предприятия, Таганрог, трест

Для цитирования: Аганов А. А. Создание и деятельность трудового коллектива на правах артели «Община» при Таганрогском Институте научной организации производства (по материалам таганрогского филиала ГАРО) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 128–134. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-128-134>, EDN: WTKYUF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Creation and activity of the labor collective on the rights of the artel "Community" at the Taganrog Institute for the Scientific Organization of Production (Based on the Taganrog Branch of the GARO)

А. А. Аганов

Southern Federal University, 140 Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344000, Russia

Andrey A Aganov, Aganoff.a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8123-6765>, AurlhorID: 48475176

Abstract. This article discusses the activities of the Taganrog Institute for the Scientific Organization of Production at the final stage of the existence of the organization, which, among the different areas of its work, was to create a labor collective on the rights of the artel "Community". The author identified the reasons for its creation, showed the main directions of its work, as well as its leaders on the basis of archival materials stored in the Taganrog branch of the GARO.

Keywords: artel, Yesmansky, Institute for Scientific Organization of Production, labor collective, enterprises, Taganrog, trust

For citation: Aganov A. A. Creation and activity of the labor collective on the rights of the artel "Community" at the Taganrog Institute for the Scientific Organization of Production (Based on the Taganrog Branch of the GARO). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 128–134 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-128-134>, EDN: WTKYUF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В данной статье пойдет речь об экономическом экспериментировании в период Новой экономической политики (далее – НЭП), который провел Таганрогский Институт научной организации производства (далее – ТИНОП) на заключительном этапе своего существования и заключавшийся в создании трудового коллектива на правах артели под названием «Община». Данные события произошли в 1925–1926 гг. В этот

период в СССР проводилась НЭП, в рамках которой большевики отказались от чрезвычайных мер в экономике, таких как продразверстка, провели частичную денационализацию, разрешили свободную рыночную торговлю. Одним из проявлений многоукладной экономики этого периода было развитие различных форм хозяйствования. В начале НЭПа государство поощряло деятельность трудовых кооперативных органи-

заций, которые в 1924 г. были освобождены от промыслового и подоходного налогов. Под термином «артель» можно понимать коллектив, в который объединяются люди для достижения общей цели. Согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР «О промысловой кооперации», принятому 7 июля 1921 г., трудящиеся получали право создавать артели [1]. В них должно было состоять не менее 5 чел., привлечение наемных работников допускалось лишь для проведения вспомогательных работ, а их доля не должна была превышать 20% от общего числа членов [1, с. 384]. Сама НЭП выступала формой переходной экономики, в которой сочетались черты классической капиталистической и новой социалистической моделей. Лидер РКП (б) и Председатель Совета народных комиссаров СССР В. И. Ленин в основе экономических преобразований сделал ставку на развитие многоукладной экономики, которая смогла бы гарантировать гражданский мир и развитие индивидуального хозяйства с использованием разных форм кооперации, но при осуществлении системы государственного регулирования и контроля. Главная особенность развития советской экономики заключалась в том, что в период НЭПа могли сочетаться капиталистические средства и методы работы с социалистическими. Подобные идеи нашли воплощение не только в сельском хозяйстве, но и в работе организаций, в ведении которых находились промышленные предприятия. На этот факт обращает внимание известный российский историк С. В. Цакунов [2]. В своей работе он представляет период НЭПа как время для перехода к административно-командной системе в экономике. Современный российский историк С. П. Костриков в одном из своих трудов на примере Казанского Института научной организации труда обращает внимание на то, что государственные органы поощряли эксперименты, проводившиеся учеными в сфере научной организации труда (далее – НОТ), так как видели в этом потенциальный резерв по восстановлению экономики и вывода ее на более высокий организационный и производительный уровень [3]. Ю. П. Надехина в своей работе про директора Центрального Института Труда А. К. Гастева обращает внимание на то, что возглавляемое им учреждение за довольно короткий срок стало ведущим всесоюзным исследовательским и рационализаторским центром в области научной организации труда и управления, который не только разрабатывал методики по усовершенствованию труда рабочих и служащих, но и экспериментировал, создавал опытные станции на различных предприятиях и в учреждениях по всей стране [4]. Данные станции занимались исследованием техники административно-хозяйственного аппарата, системы работ учреждения и его составных частей. Отдельно стоит выделить работу Э. Б. Корицкого, Г. В. Нинцовой,

В. Х. Шетова [5]. Авторы исследовали концепции советских ученых 1920-х гг. в области научной организации труда и пришли к выводу о том, что они считали одним из важнейших принципов в области НОТ принцип эксперимента, использование которого позволяло добиться прогресса в экономической сфере. При этом артельной организации труда в российской историографии уделено мало внимания. Данная проблематика рассматривалась лишь в связи с рабочим движением, промыслово-отраслевой кооперацией. На это обращает внимание современный историк И. А. Новиков, отмечающий тот факт, что при любых общественных преобразованиях сохраняется роль самоорганизации в трудовых коллективах, особенно при падении значения больших организаций [6]. Это позволяет повысить самостоятельность и личную инициативу трудящихся и усилить их ответственность за проведение работ.

После отказа от политики «военного коммунизма» большевики, отказавшись от мер чрезвычайного характера, искали новые механизмы управления в стране. Именно таким экспериментом и являлся ТИНОП. Данный Институт был частью сети институтов управления в стране, созданный по инициативе В. И. Ленина. Эти институты были площадкой по испытанию новых технологий управления в молодом государстве. В. И. Ленин в 1921 г. поддержал идею русского ученого А. К. Гастева по созданию Центрального Института Труда и выделил для этого необходимые финансовые средства. Сам Ленин до прихода к власти большевиков активно критиковал систему Тейлора, но уже в 1918 г. на заседании правительства заявил о том, что в стране невозможно построить социализм без внедрения тейлоризма. Сильный толчок процессу становления научной организации управления в Советской России дала I Всероссийская инициативная конференция по научной организации труда и производства, проходившая в январе 1921 г. в Москве. Она была созвана при активной поддержке народного комиссариата путей сообщений, главой которого в то время являлся Л. Д. Троцкий. Именно после этой конференции на территории РСФСР и УССР было создано несколько институтов научной организации труда и производства, а также различных секций и бюро по внедрению принципов НОТ. 10 марта 1924 г. под руководством главы Рабоче-крестьянской инспекции СССР В. В. Куйбышева в Москве начала свою работу II Всесоюзная конференция по НОТ. Советскими властями для координации работы по научной организации труда на территории СССР в декабре 1923 г. был образован Совет научной организации труда, производства и управления (СовНОТ), который стал постоянно действующим совещательным органом при коллегии Народного комиссариата

Рабоче-крестьянской инспекции СССР. Основная его задача состояла в выработке основных принципов техники администрирования и научной организации управления.

1920-е гг. стали плодотворными для советских ученых, специализировавшихся на вопросах НОТ. Они занимались такими теоретическими исследованиями, как определение понятия «управление», возможность и необходимость выделения особой науки об управлении, ее предмет, метод и пути развития. Ими были сформированы способы и приемы организационно-управленческих процессов, такие как метод анализа, синтеза. Одним из важнейших принципов являлся принцип эксперимента, предполагавший проверку какой-либо идеи или теории непосредственно на практике. Некоторые ученые считали, что его применение является главным двигателем науки [7, с. 15–19]. Так, директор Центрального Института труда А. К. Гастев в своем главном труде «Как надо работать» изложил практические методики по совершенствованию трудовых операций [8]. Именно секция управления была одной из самых многочисленных на II конференции по НОТ. Огромное значение ученые придавали таким проблемам, как рациональная организация рабочего места, совершенствование структуры управленческого аппарата, упрощение делопроизводства, создание простых и дешевых форм учета и отчетности, постановка контроля над выполнением заданий. Ряд работ они посвятили исследованию отдельных функций и методов экономической управления.

Между тем стоит отметить, что ТИНОП, созданный в период Гражданской войны, нес на себе печать многих традиций того времени и с трудом вписывался в быстро меняющееся социальное пространство нового государства, в котором возрастала вертикальная ответственность и увеличивалось значение партии. Таганрогский Институт научной организации производства был создан 30 марта 1921 г. [9, л. 2] после проведения в Москве в январе 1921 г. Первой Всероссийской конференции по НОТ. Главой Института стал горный инженер П. М. Есманский, а основной его задачей было создание рациональной системы организации производства на промышленных предприятиях, которые были получены в аренду. Однако, к сожалению, на протяжении своего существования ТИНОП имел несколько конфликтов с местными государственными и партийными органами, а также сталкивался с необоснованными претензиями своих сотрудников, которые после своего ухода из организации подавали на нее суд. Институт, созданный как общероссийский проект, не вписывался в программу работы региональных властей и партийных структур. Из-за этого председатель ТИНОПа Есманский решил пойти на изменения отношений с трудовым коллективом учреждения.

Так, 7 октября 1925 г. Краевое Управление Опытного-промышленного треста ИНОПа за подписью Управляющего предприятиями Н. Ф. Боговарова отправило письмо [10, л. 3] начальнику 1-го района городской милиции города Таганрога. В нем сообщалось о том, что в приложении к письму находятся два экземпляра списков о социальном положении учредителей кооперативной артели работников опытно-исследовательского дела под названием «Община». Руководство треста в лице управляющего предприятиями Н. Ф. Боговарова просило начальника 1-го района городской милиции проверить правильность помещенных в списках сведений, предназначенных для Регистрационной комиссии для регистрации Устава артели. В переданном ему списке в двух экземплярах было всего 7 фамилий учредителей трудовой артели: И. Н. Михайлов, Н. И. Хвостов, Н. Ф. Гонтарев, Г. П. Поддубный, К. П. Метасопуло, Г. А. Смирнов, А. И. Лунев [10, л. 5]. Данные фамилии были указаны и на другом документе, в котором учредители артели давали подписку в том, что они принадлежат к трудовому элементу населения и не имеют никаких нетрудовых доходов [10, л. 10]. Однако официально артель была создана 30 октября 1925 г. В этот день состоялось 1-е Учредительное собрание артели «Община», на котором присутствовали вышеуказанные лица [10, л. 13]. На заседании они обсудили два вопроса. Первым был заслушан доклад служащего ТИНОПа Н. И. Хвостова об учреждении артели «Община». Члены собрания постановили учредить трудовую артель «с целью совместной работы ее членов по рационализации управления предприятиями различного вида и производства нужных для этого опытов, а также для улучшения материального и духовного благосостояния ее членов» [10, л. 13]. Местом нахождения Правления артели был город Таганрог, а сама артель функционировала на территории Северного Кавказа и Таганрогского округа, т. е. там, где находились предприятия треста ИНОПа. Второй вопрос касался Устава артели и его регистрации. Члены собрания постановили принять за основу «нормальный устав о трудовых артелях интеллектуального труда», вступительный членский взнос был установлен в размере одного рубля, а паевой взнос в размере 3 руб. [10, л. 13]. Одним из учредителей артели Н. И. Хвостова уполномочили предоставить в Регистрационную комиссию Устав артели с правом его изменения по требованиям комиссии для устранения в нем противоречий с законодательством.

Что же заставило вышеуказанных сотрудников пойти на создание данной трудовой артели? Ответ нам может дать протокол собрания трудового коллектива сотрудников, которое состоялось 25 ноября 1925 г. в Таганроге [10, л. 96]. На собрании присутствовали 20 чел. [10, л. 96] и на повестке было обсуждение трех важных вопросов: краткий доклад председателя собрания

А. А. Андреева о положении работ в ТИНОПе, вопрос о подтверждении дальнейшего существования коллектива и его устава и выбор Правления трудового коллектива. Первым докладчиком выступил А. А. Андреев, а дополнял его Председатель ТИНОПа П. М. Есманский. В их докладах указывалось на «чрезвычайно-трудные условия, создавшиеся для ИНОПа», а именно материальные недостатки, возникавшие по той причине, что организация не получает средств из государственного бюджета, прибыль от предприятий треста идет на их ремонт и оборудование, а «правовое положение отвлекает силы и средства и создает неблагоприятное положение» [10, л. 96]. Институт, хоть и был проектом центральных органов власти, никакими специальными привилегиями не пользовался, а являлся скорее экспериментом, построенным на энтузиазме его участников. Эта причина послужила поводом к «постоянному натравливанию местных органов» на ТИНОП, а следствием данной политики стало необъективное отношение местного суда, охраны труда и профсоюзов к таганрогской организации по НОТ [10, л. 96]. Данная ситуация в итоге привела к выступлению бывших сотрудников ИНОПа (речь идет о К. С. Мешко и Г. А. Яковлеве) с незаконными претензиями в адрес организации. Из-за выступлений бывших сотрудников Председатель ТИНОПа П. М. Есманский принял решение не брать на себя роль работодателя. На собрании было принято решение создать трудовой коллектив в виде трудовой артели, который действует на основании принятого Устава. При существующем положении дел, как говорилось в тексте Постановления, возможны лишь два варианта: ликвидация ИНОПа или же «работа при сохранении начала взаимной ответственности трудового коллектива за установленные трудовые нормы» [10, л. 96]. На основании докладов А. А. Андреева и П. М. Есманского коллектив признал указанные положения доклада верными и одновременно одобрил дальнейшее существование 8-часового рабочего дня. Вторым важным решением стало сохранение трудового коллектива, работающего на основании Устава, который будет в скором времени утвержден в Регистрационной комиссии. Третьим решением стало проведение на следующем заседании трудового коллектива выборов для формирования Правления артели. Таким образом, руководство ИНОПа в лице председателя Есманского и его заместителя Андреева пыталось решить проблему внутренних разногласий среди коллектива служащих организации путем создания артели, которая бы объединяла коллектив сотрудников при их взаимной ответственности во время их трудовой деятельности и одновременно снимало бы с Есманского ответственность в случае конфликта со служащими ИНОПа. Реструктуризация Института была попыткой реализовать многоукладный принцип

управления на практике, который не стал спасением для организации.

Вполне возможно, что на этот шаг Есманский пошел из-за того, что являлся сторонником идеи одного из ведущих теоретиков в области научной организации труда Н. А. Витке, который был ярким представителем школы «человеческих отношений». Идея его «организационной революции» заключалась в том, что, помимо построения научной организации производственного процесса, он придавал огромное значение «человеческому фактору» в производстве [11]. Эта идея должна была затрагивать коммуникацию работников в трудовой деятельности. Н. А. Витке считал, что коллективная работа трудящихся требует не столько планирования и учета необходимых элементов производственной деятельности, сколько целесообразной организации работников в их взаимоотношениях как участников единой трудовой кооперации. Это позволит наладить в трудовом коллективе дружескую обстановку и повысить в нем ответственность каждого члена. Таким образом, Есманский использовал теоретические труды мировых ученых, которые не могли быть в полном смысле признаны советскими, что порождало сложную картинку развития Института, сочетавшего в себе социалистические задачи и капиталистические методы управления.

Помимо этого, трудовой коллектив ИНОПа осуждал действия бывших сотрудников организации. 27 ноября 1925 г. общее собрание членов трудового коллектива приняло постановление о действиях бывшего сотрудника К. С. Мешко против ИНОПа [10, л. 165]. В тексте документа в отношении Мешко было сказано, что его «выступление питается чрезмерными и неэтичными требованиями» [10, л. 165] относительно тантjemы (вознаграждение, которое выплачивается в виде процента от прибыли директорам и высшим служащим акционерных обществ, банков, страховых организаций). В связи с этим члены трудового коллектива «высказали последнему порицания за его действия» и просили руководство ИНОПа «реagirовать соответствующим образом» [10, л. 165]. Текст документа заканчивался тем, что трудовой коллектив высказался за исключение К. С. Мешко из членов Совета Института из-за «острого материального конфликта и выступления против ИНОПа» [9, л. 165].

В тот же день члены коллектива обсуждали действия другого сотрудника ИНОПа Г. А. Яковлева и приняли постановление, в котором говорилось, что Яковлев заявил о пропаже своих вещей из комнаты служащих и обвинял в этом ТИНОП [10, л. 169]. Члены коллектива в ответ на это заявили о том, что ИНОП не может нести за это ответственность и постановили, что претензии Яковлева они считают «незаконными и неэтичными» и предлагали Правлению

Коллектива протестовать против обвинения сотрудника [10, л. 169].

Кроме того, обсуждалось дело еще одного бывшего сотрудника. Члены трудового коллектива приняли очередное постановление, первый пункт которого касался бывшего сотрудника ТИНОПа Г. Я. Штоля, работавшего в нем около года. Его рабочий день составлял 8 ч и в месяц он получал 100 руб., что подтверждалось платежными ведомостями [10, л. 170]. В документе говорилось, что он, увольняясь из организации, предъявил в судебном порядке требование об уплате ему компенсации за то, что он работал 6 ч и «ложно утверждал, что платежные ведомости изменялись и дополнялись после расписки в них сотрудников» [10, л. 170]. Трудовой коллектив в связи с данным поступком Штоля решил выразить свое возмущение. Во втором пункте Постановления говорилось о том, что из-за незаконных требований указанных бывших сотрудников ИНОПа общее собрание трудового коллектива обращается к Администрации с просьбой о формальном уточнении условий работы каждого сотрудника во избежание в будущем конфликтов по данному поводу. Таким образом, трудовой коллектив ИНОПа официально осуждал поступки бывших сотрудников и защищал одновременно с этим руководство. Однако, к сожалению, из-за отсутствия необходимых источников нельзя сказать, делал он это по доброй воле или же принудительно по указанию Правления ТИНОПа.

Спустя 3 дня, 28 ноября 1925 г. состоялось общее собрание коллектива служащих ИНОПа [10, л. 113], на котором присутствовали 25 чел. [9, л. 113]. Обсуждались 4 вопроса: выборы Правления коллектива, ревизионной комиссии, комиссии социального страхового фонда, а также текущие дела. Членами Правления были выбраны П. З. Миненко, М. Л. Ольмезова и В. С. Торак. Кандидатами в члены Правления стали Г. А. Смирнов и А. И. Рейман. Участники собрания приняли решение отложить выборы членов Ревизионной комиссии, но при этом ими была поставлена задача создать Положение о Ревизионной комиссии к ближайшему заседанию. Обязанности комиссии Социального страхового фонда были возложены на Правление коллектива, которое должно было разработать Положение для его функционирования. На заявлении Председателя ТИНОПа П. М. Есманского о необходимости рассмотрения вопроса о зарплате и ее распределении между членами трудового коллектива было принято решение о поручении Правлению артели заняться решением данной проблемы.

Работа артели широко освещалась в печати. Регистрационная комиссия одобрила Устав трудовой артели «Община» уже в конце 1925 г. 5 января 1926 г. редакция таганрогской газеты

«Красное знамя» написала письмо артели Трудового Коллектива «Община», в котором сообщала о принятии от него объявления для опубликования в газете о регистрации устава в Местхозе на странице № 4 один раз [10, л. 53]. Был установлен срок напечатания – 6 января 1926 г. В объявлении содержалось всего 20 строк [10, л. 53]. Цена за строку составляла 50 коп. [10, л. 53]. Редакция газеты действительно опубликовало данную новость, но на последней, 6-й странице № 4 от 6 января 1926 г [12]. В объявлении было сказано, что комиссия по регистрации уставов промышленных кооперативов, трудовых товариществ и артелей сообщает о регистрации Устава трудовой артели работников опытно-исследовательского дела «Община» с местонахождением Правления в Таганроге. Деятельность артели, как указывалось в сообщении газеты, распространилась на Таганрогский округ и Северный Кавказ [12, с. 4].

На заседании Общего Собрания сотрудников ИНОПа, которое состоялось 6 января 1926 г. [10, л. 120], в качестве одного из вопросов рассматривался проект заявления о вступлении в артель. На данном заседании присутствовали 22 чел. [10, л. 120]. Проект заявления был одобрен собравшимися членами коллектива, и уже в январе – апреле 1926 г. ряд служащих ТИНОПа подписали данные заявления, в которых говорилось что «принимая во внимание создавшееся в ИНОПе положение» из-за нехватки финансовых средств для оплаты труда сотрудников, нападков на организацию извне и что от коллективной ответственности за всю работу зависит существование ТИНОПа они подтверждали свое решение работать в организации «в числе членов Коллегии служащих, входящих в договорные отношения с ИНОПОм» и обещали подчиняться Уставу артели и условиям ее договора с организацией [10, л. 39].

Однако на начало весны 1926 г. договор между трудовой артелью и ТИНОПОм еще не был заключен. На этот факт обратили внимание на заседании Правления Трудового Коллектива артели 10 марта 1926 г. Тогда было принято решение о принятии мер к скорейшему заключению данного соглашения между двумя сторонами. Правление артели должно было разработать проект такого договора и предоставить его для рассмотрения на ближайшем заседании трудового коллектива и привлечь к его созданию Правление ИНОПа.

Правление артели и Правление ИНОПа, судя по сохранившимся архивным документам, имели прекрасные отношения. Правление артели шло навстречу пожеланиям руководства ИНОПа. 27 марта 1926 г. на Общем Собрании Трудового Коллектива «Община» был заслушан доклад Председателя П. М. Есманского о положении дел в ТИНОПе, а содокладчик, заместитель

Председателя и член Административной коллегии А. Д. Чухалкин проинформировал коллектив о тяжелом материальном положении Института [10, л. 142]. Коллектив принял решение продолжить работать 8 ч в день. Однако финансовые проблемы Института приводили к принятию Правлением ТИНОПа решения о сокращении штата служащих. На заседании Правления, которое было представлено А. Д. Чухалкиным совместно с Правлением Трудового Коллектива и Профуполномоченным Института 31 марта 1926 г., рассматривался вопрос «О сокращении штата ИНОПа» [10, л. 131]. Административная коллегия ИНОПа приняла решение сократить с 1 апреля 1926 г. трех сотрудников ИНОПа: Н. И. Хвостова, М. А. Грекова, Н. Ф. Гонтарева. Последний был одним из учредителей трудовой артели [9, л. 134]. Было принято постановление о принятии данного решения к сведению по той причине, что «взаимоотношения Коллектива с ИНОПом не установлены никакими договорными началами» [10, л. 134]. Таким образом, капиталистические принципы с социалистическими задачами сочетались плохо, и работу артели пришлось сворачивать из-за нехватки финансовых средств.

Окончательный текст договора между ТИНОПом и трудовой артелью был выработан к сентябрю 1926 г. 3 сентября 1926 г. на заседании Правления артели «Община» заслушивался вопрос «О размере месячной оплаты труда» [9, л. 136]. По итогам обсуждения члены артели приняли решение, что все ее члены должны получать 2500 руб. ежемесячно [10, л. 136]. В этот же день в Таганроге был подписан договор между Административной коллегией ИНОПа в лице его председателя П. М. Есманского, его заместителя А. А. Андреева и Правления трудовой артели работников Опытно-Исследовательского отдела «Община» в лице В. С. Торака и М. С. Мольм [10, л. 57–59]. Договор состоял из 20 пунктов. В первом пункте говорилось о том, что ИНОП сдает, а артель берет на себя выполнение всех работ в Аппарате Управления ИНОПа на началах подряда «в области Счетного отдела, канцелярского и Управления предприятиями» и в области опытно-исследовательских работ. Для выполнения этих целей ИНОП сдавал артели необходимые для работы канцелярские и счетные принадлежности, предоставлял книги из своей библиотеки и другое необходимое оборудование. Руководство ТИНОПа имело право распределять работу между членами артели самостоятельно и могло требовать исполнения работы от ее членов. Возникающие конфликты и другие проблемы между ее членами и Администрацией ТИНОПа должны были решаться Правлением артели и Административной коллегией Института. Продолжительность рабочего дня для членов трудового коллектива составляла 8 ч с получасовым

перерывом. За неисполнение требований ТИНОПа и получаемых в ходе работ убытков артель несла ответственность. В обязанности трудовой артели входило страхование своих членов согласно существующему законодательству о труде. За выполнение работ Правление Института каждый месяц платило трудовому коллективу 2500 руб. [10, л. 58]. Оклады выплачивались по платежным ведомостям, принятым Правлением трудового коллектива и Административной Коллегией ТИНОПа. Они согласовывали и размеры окладов каждого члена артели. Трудовой коллектив был обязан подчиняться принятому внутреннему распорядку дня в ТИНОПе. Свободные суммы, которые не тратились на выплаты заработной платы членам трудового коллектива, шли на счет артели. Общее собрание членов Трудового Коллектива артели могло заниматься перемещением или увольнением своих членов с последующим оповещением Административной коллегии Института и Правления трудового коллектива. ТИНОП имел право поручать выполнение отдельных работ сторонним лицам при условии, что они не могут быть выполнены членами трудового коллектива, но число приглашенных со стороны лиц не могло превышать 15% общего числа членов артели. Технический персонал (кучер, сторож, дворник, рассыльный и уборщица) приглашались на работу, но при этом не являлись членами артели и оплачивались Институтом самостоятельно. ТИНОП брал на себя уплату налогов, которыми облагались члены трудового коллектива. Юридический адрес артели и ТИНОПа – Таганрог, улица Троцкого, № 37 [10, л. 59] (ныне улица Фрунзе). Договор между Институтом и артелью был составлен в двух экземплярах. Подлинник хранился в архиве ТИНОПа, а Правление артели «Община» получило копию документа. ТИНОП в рамках соглашения брал на себя уплату гербового сбора по подписанному договору. Из текста соглашения известно, что он вступал в силу с 1 августа 1926 г. и действовал полгода. Администрация Института в случае нарушения договора должна была выплатить артели вознаграждение за один месяц вперед. Данный договор, на наш взгляд, не отличался практически от договоров, которые заключались в то время между организациями и трудовыми объединениями. С точки зрения советского законодательства, в нем не было зафиксировано никаких отклонений от Трудового кодекса СССР и других нормативных актов. Это был вполне конкретный результат работы, хоть и растянутый по времени. Однако реальность работы оказалась значительно сложнее.

В сентябре 1926 г. в жизни артели произошли огромные изменения. 14 ее членов заявили в письменном виде о том, что они выходят из состава трудового коллектива [10, л. 147]. 29 сентября 1926 г. на общем собрании членов

трудового коллектива артели «Община» все вышеуказанные лица были из нее исключены [10, л. 147]. Протокол был подписан председательствующим на собрании А. А. Андреевым и секретарем Н. С. Муссури. Член артели А. П. Кувшинский в качестве причины выхода указал, что он является членом Правления ТИНОПа и поэтому не может быть частью артели [10, л. 154]. Скорее всего, это касалось и А. М. Кузюева, который возглавлял отдел Рационализации в конце 1926 г. Г. П. Поддубный в конце года занимал должность главного бухгалтера ТИНОПа, а К. П. Метаксопуло был уволен в июне 1927 г. из-за ликвидации организации. М. Л. Ольмезова занимала должность управляющего делами ТИНОПа до конца его существования. Фамилии остальных вышедших членов артели больше не упоминались в сохранившихся архивных источниках. Можно лишь догадываться о том, что послужило поводом массового выхода из трудовой артели, но при этом после 29 сентября 1926 г. в документах отсутствуют какие-либо упоминания о данных членах трудовой артели. Одна из причин массового выхода сотрудников из артели, на наш взгляд, состоит в том, что у Института в то время было сложное материальное положение, которое могло приводить к задержкам заработной платы. Практическая работа артели оказалась блокированной и выход сотрудников в короткое время показал ее неэффективность. Указанный эксперимент начал рассыпаться, так и дав хороших результатов.

Таким образом, П. М. Есманский пытался решить проблемы внутри трудового коллектива Института при помощи создания трудовой артели «Община», Правление которой заключило с ТИНОПом соглашение о выполнении работ и благодаря этому Председатель переставал быть согласно Трудовому кодексу работодателем. Создание такого объединения не нарушало действующего на тот момент времени советского трудового законодательства и позволяло повысить личную ответственность участников артели, заинтересовав их в результатах своего труда. Деятельность артели в рамках ТИНОПа привела к кризису ее работы и не дала результатов, как и многие проекты периода НЭПа, построенные на энтузиазме и с применением капиталистических методов в социалистической обертке, не приводили к быстрым осязаемым результатам, а рассыпались в короткое время, погрязая в конфликтах и взаимных обвинениях в неэффективности. История артели показательна как

типичная история НОТОВского экспериментаторства в рамках многоукладной экономики, когда проекты были значительно шире конкретной работы, а реальный сектор экономики оказывался для них сложной задачей.

Список литературы

1. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «О промысловой кооперации» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1944. С. 583–585.
2. Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы / послесловие Р. У. Дэвиса (Великобритания). М. : Россия молодая, 1994. 189 с.
3. Костриков С. П. И. М. Бурдянский: «За рационализацию!». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-m-burdyanskiy-za-ratsionalizatsiyu> (дата обращения: 31.07.2023).
4. Надехина Ю. П. А. К. Гастев: научная и литературно-публицистическая деятельность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-k-gastev-nauchnaya-i-literaturno-publitsisticheskaya-deyatelnost> (дата обращения: 31.07.2023).
5. Корицкий Э. Б., Нинцеева Г. В., Шетов В. Х. Научный менеджмент: Российская история. СПб. : Питер, 1999. 384 с.
6. Новиков И. А. Артели в России во второй половине XIX – начале XX в.: социально-экономическая сущность и ее трансформация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 31 с.
7. Бызов Л. А. Пути рационализации учреждений (Методологические очерки). М. : Изд. авт., 1925. 111 с.
8. Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М. : Экономика, 1972. 478 с.
9. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. 107 (Институт научной организации производства Народного комиссариата внутренних дел РСФСР). Оп. 1. Д. 72.
10. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 89.
11. Витке Н. А., Елец И., Бызов Л., Типичева Ю., Икономов Н., Самойло А. Научная организация техники управления : сборник статей. 2-е изд., испр. и доп. М. : Кооп. изд-во, 1924. 124 с.
12. Объявление // Красное Знамя : ежедневная газета Таганрогского Окркома РКП(б). Окрисполкома и Окрсовпрофа. 1926. № 4 (1145). 6 янв. С. 6.

Поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 11.07.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 10.11.2023

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 135–138

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 135–138
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-135-138>, EDN: WXXKIGA

Рецензия

УДК [821.111.09:316.7(410)]|17|(049.32)+929Джонсон

Место Сэмюэля Джонсона в духовной жизни британского общества второй половины XVIII века

Рецензия на книгу: *Косых Т. А. Сэмюэл Джонсон и его эпоха. Британия и мир глазами английского интеллектуала. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. 292 с.*

Н. С. Креленко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Креленко Наталья Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, krelenkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, AuthorID: 356277

Аннотация. Рецензия посвящена анализу монографии, в которой рассматриваются место и роль просветителя С. Джонсона в духовной жизни британского общества второй половины XVIII в. По мнению рецензента, автор монографии сумела убедительно доказать, что интеллектуальное наследие составителя «Словаря английского языка», моралиста и литературного критика наиболее полно отразило тенденцию к самоидентификации, доминировавшую в современной ему английской культуре. Внимание рецензента сосредоточено на том, чтобы рассмотреть, как была решена эта задача.

Ключевые слова: Английское Просвещение, С. Джонсон, патриотизм, национализм, тори, виги, «Словарь английского языка», В. Шекспир, рационализм

Для цитирования: *Креленко Н. С. Место Сэмюэля Джонсона в духовной жизни британского общества второй половины XVIII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 135–138. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-135-138>, EDN: WXXKIGA*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

The place of Samuel Johnson in the spiritual life of British society in the second half of the 18th century

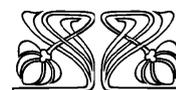
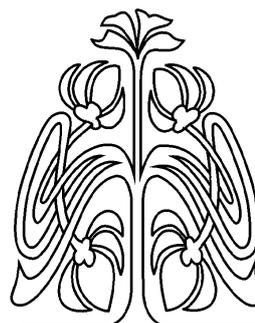
Book review: *Kosykh T. A. Samuel Johnson and his era. Britain and the world through the eyes of an English intellectual. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2022. 292 p. (in Russian).*

N. S. Krelenko

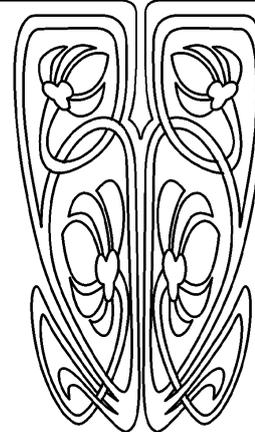
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia S. Krelenko, krelenkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, AuthorID: 356277

Abstract. The review is devoted to the analysis of the monograph, which examines the place and role of the educator S. Johnson in the spiritual life of British society in the second half of the 18th century. The reviewer shows that the author of the monograph was able to convincingly prove that the intellectual heritage of the compiler of the “Dictionary of the English

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Language”, a moralist and literary critic, most fully reflected the trend towards self-identification that dominated contemporary English culture. The reviewer’s attention is focused on considering how this problem was solved.

Keywords: English Enlightenment, S. Johnson, patriotism, nationalism, Tories, Whigs, “Dictionary of the English Language”, W. Shakespeare, rationalism

For citation: Krenenko N. S. The place of Samuel Johnson in the spiritual life of British society in the second half of the 18th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 135–138 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-135-138>, EDN: WKKIGA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Имя Сэмюэля Джонсона (1709–1784) для отечественного читателя связано, прежде всего и почти исключительно, с изданием «Словаря английского языка», точнее с часто встречающимися упоминаниями о том, что успешный ученик (или ученица) награждается экземпляром этого словаря. Британцы XVIII в. именovali С. Джонсона «ханом английской литературы», т. е. почитали в качестве одной из ключевых фигур английского Просвещения. Татьяна Анатольевна Косых взялась решить интересную задачу: в чем заключались место и роль этого человека в культурной жизни своей страны.

Монография состоит из четырех глав, первая из которых представляет собой изложение биографии избранного героя, а три остальные посвящены анализу отдельных направлений его деятельности.

Совершенно справедливо автор указала на то, что известный английский историк Д. М. Тревельян три главы (XI–XIII) своей книги «Социальная история Англии» назвал «Англия времен Джонсона», подчеркнув его исключительное место в общественной жизни своего времени. А время это было представлено очень разнообразными и яркими личностями, деятельность которых связывалась с развитием промышленного переворота, обеспечивавшего переход страны на индустриальные рельсы, с бурной политической и культурной жизнью эпохи. Так почему в качестве знаковой фигуры выбран составитель словаря и литературный критик Сэмюэль Джонсон, а не изобретатель и создатель парового двигателя Джеймс Уатт, не писатель и юрист Генри Филдинг, не политический мыслитель Эдмунд Берк, не художник-моралист Уильям Хогарт, не «великий коммодер» Уильям Пит Старший? Упомянуты только некоторые имена многочисленной когорты выдающихся современников Джонсона, а ведь были еще такие мыслители, как Дэвид Юм или Адам Смит, творившие в то же время. Но шотландских теоретиков Тревельян не мог использовать в качестве «знаковых фигур», анализируя английскую историю, ведь они были «другие», чуждые собственно английскому. Что касается представителей английского Просвещения второй половины XVIII в., то, как показано в монографии Т. А. Косых, именно деятельность С. Джонсона наиболее полно отразила главные тенденции духовной жизни Великобритании того

времени. В чем же заключались его соответствие запросам времени?

Прежде всего, необходимо отметить особенность английского Просвещения в отличие от других вариантов этого феномена, представленных в духовной жизни стран континентальной Европы. Ведь английское Просвещение сложилось и существовало в условиях общества, уже *пережившего* этап революционного перехода к новому типу политических отношений и новых ценностных ориентиров.

Другое дело, что Д. М. Тревельян считал социальной историей то, что вне политики: «...История народа, из которой исключена политическая история». При этом автор тут же оговорился: «Может быть, трудно исключить политическую историю из истории любого народа и особенно английского народа» [1, с. 5]. Формально говоря, С. Джонсон политической деятельностью не занимался, хотя все его творчество носило четко выраженную политизированную направленность. Этот подход явственно прослеживается в главном детище С. Джонсона «Словаре английского языка». Национальный (читай, государственный) язык, по мысли С. Джонсона, должен быть единым. Он отказывает в праве на существование «варварским» диалектам, отказывает в признании каких-либо заимствований. Этот язык должен был стать языком формирующейся империи, что ощутимо в имперской риторике. «Словарь» Джонсона – работа откровенно тенденциозная, направленная на стандартизацию и прославление всего английского. Поэтому «...анализ «Словаря английского языка» С. Джонсона показывает, что в его основу литератор заложил программу британского национального культурного кода, ядро которого было английским» [2, с. 117].

Проблема патриотизма в общественной мысли и отношении к идее патриотизма С. Джонсона проанализирована достаточно полно в одном из параграфов второй главы. Может быть, стоило осветить позицию оппозиции, в частности, оценку мирного договора 1763 г. – был ли этот договор действительно так невыгоден Великобритании, как об этом говорила и писала оппозиция? Ведь Уильям Питт Старший всю политическую карьеру построил на критике меняющихся правительств.

Т. А. Косых справедливо уделила особое внимание объяснению широко известного афо-

ризма С. Джонсона: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя» [3, с. 107]. Эта фраза была адресована скандально известному парламентарию Д. Уилксу, человеку, ставшему символом внепарламентского движения «Уилкс и Свобода». Любопытно, что в этом лозунге имя Уилкса поставлено на первое место, а Свобода – на второе. В своем памфлете С. Джонсон, называя «негодяем» Д. Уилкса, не просто использовал это оскорбительное слово в пылу полемики, но давал оценку личности и деятельности указанного персонажа. Думается, что автору монографии стоило остановиться на некоторых этапах биографии и моральном облике этого популистского политика, самая выразительная характеристика которого представлена на карикатуре У. Хогарта.

Другим знаковым показателем деятельности С. Джонсона стало активное участие в «сотворении Шекспира», которого стали рассматривать как олицетворение подъема английской культуры на рубеже XVI–XVII вв., а весь этот период как начало славного настоящего Англии. Английская история воспринималась через призму «Жизнеописаний важнейших английских поэтов». При этом представители других этносов (шотландцы, валлийцы) не были допущены в британскую культурную общность, а ведь тесные связи между ними существовали, и взаимовлияние тоже было. Как яростно нападал Джонсон на «Песни Оссиана» Макферсона. Его не интересовал художественный уровень этой талантливой литературной фальсификации. Главное заключалось в том, чтобы доказать, что это не древнее сказание, что у шотландцев не может быть таких древних поэтических творений.

Восприятие других народов у Джонсона вполне отвечает издавна сложившейся английской традиции: английское – самое лучшее, все остальное оценивается в зависимости от того, насколько приближается к этому эталону.

Больше всего внимания уделяется ближайшим соседям и давним соперникам – Франции и Испании. Джонсон разоблачает испанских конкистадоров при освоении земель Нового Света, жестокость которых он сравнивает с гуманными практиками английских путешественников.

При оценке французов высказывания особенно категоричны и многочисленны. Стоило обратить внимание на близость позиции литератора Джонсона и живописца Хогарта в борьбе каждого из них в своей сфере деятельности с галломанией. Т. А. Косых могла бы еще более тесную параллель провести между трактовками этих двух деятелей культуры.

Что касается дальних восточных стран, то мусульманский Восток рассматривается С. Джонсоном как место, где господствуют «лишь войны и грабежи» [2, с. 247]. Вне его внимания осталась книга Мэри Монтегю, посетившей Стамбул в первой четверти XVIII в.

и оставившей интересные и неоднозначные наблюдения о жизни и нравах османского общества. По мнению леди Мэри, на востоке было чему поучиться (например, прививкам от оспы). «Письма из турецкого посольства» М. Монтегю, изданные в 1762 г., судя по всему, не были замечены «ханом английской литературы».

Экзотические Индия и Китай для Джонсона были интересны своей древностью и непохожестью на его собственный привычный мир, но это однозначно общества варварские, обитателей которых можно пожалеть (последнее относится к индийцам, оказавшимся под властью предприимчивой британской Ост-Индской компании, и которых следует изучать как некий любопытный раритет).

Интересно узнать, как воспринимал С. Джонсон русский фактор в международной жизни. Ведь отношения Великобритании и Российской империи в этот период имели место быть и отличались они по большей части повышенной напряженностью.

Рецензент позволит себе оценить персону С. Джонсона, подводя итог написанному. По происхождению Сэмюэль Джонсон принадлежал к той социальной среде, которую через 100 лет будут именовать «средним классом». С. Джонсон был убежденным государственным деятелем, если пользоваться современной терминологией. Он был человеком строго верующим. «За несколькими исключениями английские мыслители XVIII века продолжали придерживаться умеренного христианства... Не было необходимости ниспровергать религию, потому что не было ни папы, ни давления иезуитов, ни монополии церкви в делах образования» [4, р. 6]. С. Джонсон жадно стремился к знаниям и сделал умение использовать их источником своего материального благополучия. Его взгляды лежали в русле умонастроений своего времени. С. Джонсон сумел эти умонастроения выразить четче и ярче, чем другие английские просветители. Его уникальность не в оригинальности (если не считать некоторую экстравагантность поведения), а в соответствии тому, что востребовано было английским обществом, а востребован был культ всего английского как национального и имперского. Таким образом, очевидно, что среди английских просветителей именно С. Джонсон идеально соответствовал той тенденции к самоидентификации, самоутверждению, которая стала лейтмотивом духовной жизни Великобритании, а значит, заслуживал стать знаковой фигурой определенного культурно-исторического периода, что и было отмечено Д. М. Тревельяном. Полагаю, именно это следовало бы отметить Т. А. Косых в заключении ее монографии.

Подводя итог, стоит использовать высказывание самого С. Джонсона: «Я часто думаю о том, что едва ли найдется хоть одна человеческая жизнь, чье продуманное и правдивое

описание не принесло бы пользы» [5, с. 144]. Книга Т. А. Косых с полным основанием может быть отнесена к числу «продуманных и правдивых описаний», а объект исследования должен быть признан достойным такого описания. Несомненно, «современная историческая биография не ограничивается повествованием о жизненном пути исторического персонажа, а представляет собой историческое исследование, это история, показанная через личность» [6, с. 6]. Рецензируемая монография вполне соответствует этому требованию.

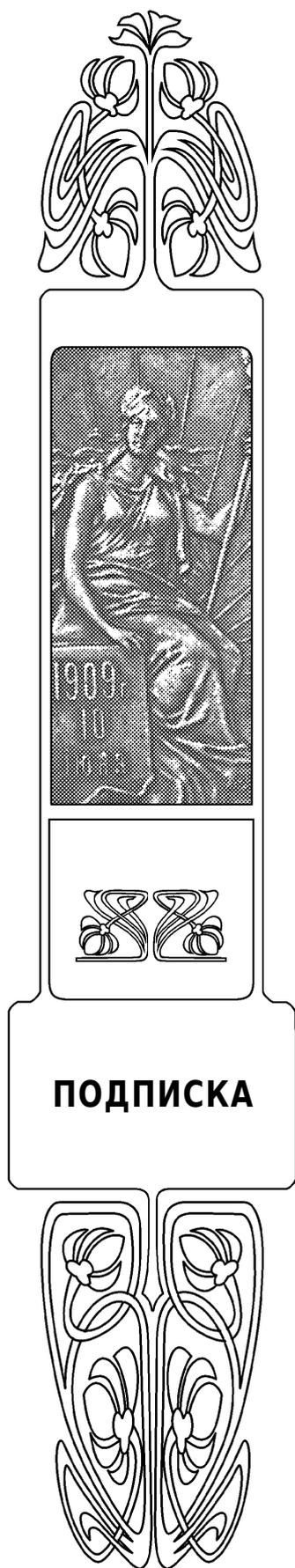
Список литературы

1. Тревельян Д. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М. : Издательство иностранной литературы, 1959. 608 с.
2. Косых Т. А. Сэмюэл Джонсон и его эпоха. Британия и мир глазами английского интеллектуала. Екатеринбург :

Издательство Уральского университета, 2022. 292 с.

3. Английский афоризм: сборник / сост., пер. с англ. ; авт. предисл. А. Я. Ливергант. М. : НФ «Пушкинская библиотека» ; АСТ, 2005. 460 с.
4. Porter R. The Enlightenment in England // The Enlightenment in national context / ed. by R. Porter, M. Teich. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1981. P. 1–19.
5. Джонсон С. О пользе биографии // Босуэл Д. Жизнь Сэмюэля Джонсона. Отрывки из книги. С приложением избранных произведений Сэмюэля Джонсона. М. : Текст, 2003. С. 143–147.
6. Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы : сборник научных статей / отв. ред. Л. П. Репина. СПб. : Алетейя, 2010. С. 5–18 (Серия «Человек второго плана в истории»).

Поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 10.11.2023

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36018
Оформить подписку на печатную версию
можно в Интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)
Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2024.
Том 24, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

